

Е. Самокишъ Бухарская

Е. Самоукишъ Будковская

ДѢВОЧКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ.

Н. А. Лухмановой.

3-е изданіе.

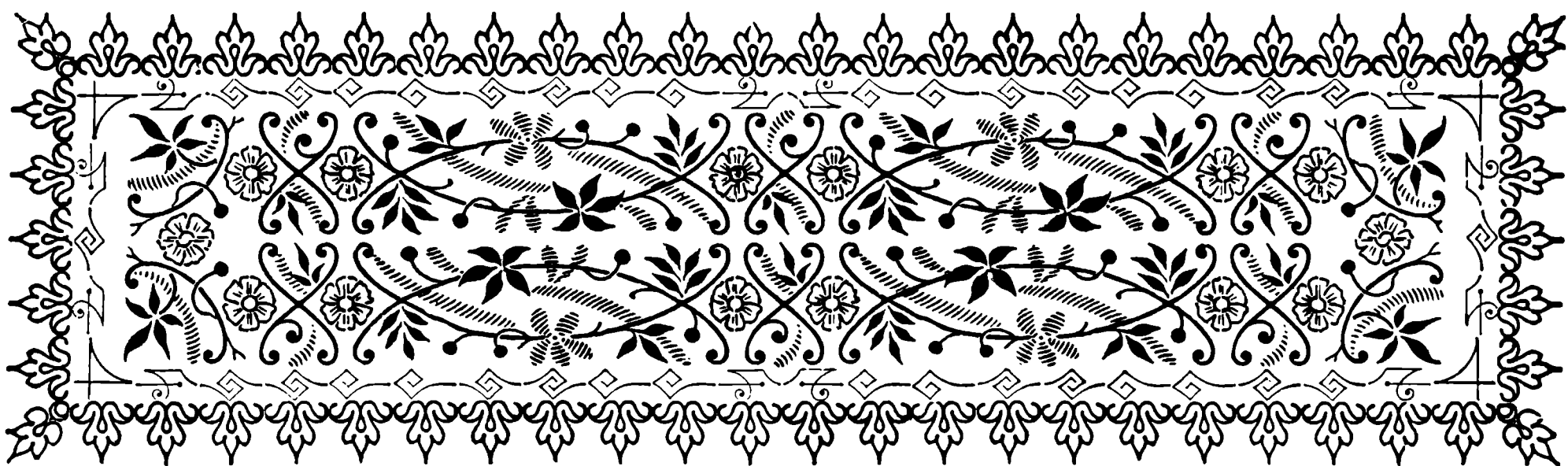

СЪ 13-Ю РИСУНКАМИ Е. П. САМОКИШЪ-СУДКОВСКОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ А. Ф. ДЕВРИЕНА.

Чортовъ переулкъ. — Балъ. — Наказаніе. — Закатъ солнца. — Прощенье. —
Приемъ родныхъ.

Нхъ было три: Корова, Килька и Метла. Онѣ были сестры, дѣвицы благороднаго нѣмецкаго происхожденія, и всѣ три занимали мѣста въ N—скомъ институтѣ. Корова была инспектриса, Килька—класная дама, Метла—музыкальная. Жили онѣ во второмъ этажѣ, въ „Чортовомъ переулкѣ“, т. е. узенькомъ корридорчикѣ, который составлялъ какъ-бы рукавъ большого корридора, проходившаго между классами.

Корова была роста маленькаго, съ выдающимися лопатками и съ вѣчно нагнутой головой, какъ бы готовой боднуть; она была ворчлива и зла. Килька дѣйствительно напоминала своей, точно вымоченной и сплюснутой головой эту многострадальную рыбу; была придирчива, мелочна и изводила нотаціями. Метла, худая, длинная, съ головой, покрытой безчисленными рыжими кудерками, издали легко могла сойти за новую швабру, но была добра, сантиментальна и хронически обижена. Въ томъ-же корридорѣ жилъ еще Хорекъ, безобидная „рукодѣльная дама“, съ собственнымъ, очень сильнымъ и очень сквернымъ запахомъ.

Воспитанницы всѣхъ трехъ старшихъ классовъ, выходявшихъ въ большой корридоръ, безъ нужды заходили въ „Чортовъ переулочъ“ только, если которой нибудь надо было плюнуть или выбросить какой-нибудь соръ. Въ минуты рекреаціи, когда шумныя волны бѣжали изъ cadaго класса и сливались въ корридорѣ въ одинъ общій, бурный потокъ, обитательницы переулочка, казалось, сторожили за своими дверями, и не успѣвала воспитанница сдѣлать туда шагъ, какъ чья нибудь дверь открывалась и, какъ изъ „чудо-коробочки“, выскакивала обитательница.

— Вы куда?—спрашивала она строго на нѣмецкомъ или французскомъ діалектѣ. Захваченная воспитанница „обмакивалась“, т. е. быстро присѣдала и отвѣчала невинно:

— Никуда, я видѣла, что ваша дверь отворяется, думала—вы зовете...

— Дерзкая!—шипѣла дама, захлопывая дверь, а дѣвочка, быстро опустивъ руку въ карманъ, бросала въ воздухъ горсть мелкихъ, мелкихъ, тщательно нарванныхъ бумажекъ, и тѣ летѣли, какъ бѣлыя мухи, усѣивая собой чистый, какъ стекло, полъ корридорчика.

Только въ 8 часовъ вечера, когда воспитанницъ уводили ужинать и затѣмъ въ верхній этажъ спать, въ большомъ корридорѣ наступала полная тишина. Въ „Чортовомъ переулкѣ“ открывались двери, и обитательницы его, какъ крысы, выходили на свободу, гуляли по корридору, изрѣзанному полосами луннаго свѣта, заходили въ классы, шарили у „подозрительныхъ“ въ пюпитрахъ, найдя что-нибудь запретное, долго шептались, качали головой, хихикали и уносили скорѣй добычу къ себѣ, чтобы завтра сообщить о ней дежурной классной дамѣ или даже татап, смотря по важности открытія.

Иногда Корова и Килька дѣлали ночную облаву на ученицъ. Походъ почти всегда оканчивался удачею. Непрiятеля захватывали на бивакѣ за запретной книжкой или за роскошнымъ пиромъ изъ сырой рѣпы, огурцовъ и пеклеванникомъ съ патокой (любимое лакомство дѣвицъ). Двухъ, трехъ, не успѣвшихъ улизнуть по кроватямъ, захватывали въ плѣнъ съ поличнымъ, т. е. со всѣмъ оставшимся имуществомъ, уво-

дили въ средній этажъ и разставляли въ „Чортовомъ перулкѣ“ по угламъ на полчаса или на часъ.

Словомъ, между большимъ корридоромъ и его рукавомъ ненависть была горячая, и велась ожесточенная, еже-часная борьба...

Утро. Въ корридорѣ тишина. Изрѣдка, сквозь закрытыя двери классовъ, доносятся неясные звуки вопросовъ учителя или, не въ мѣру звонкій, отвѣтъ. Во второмъ классѣ идетъ урокъ рисованія. Чахоточный, красивый учитель, съ большими блестящими глазами и потными руками, подсаживается то къ той, то къ другой партѣ, причемъ дѣвочки встаютъ, и „поддѣлываетъ“ рисунокъ, потому что вообще рисованіе проходятъ небрежно, и кромѣ двухъ, трехъ талантливыхъ, остальные не дѣлаютъ ничего.

Съ первой скамейки, тамъ, гдѣ виднѣлась черненькая, какъ уголекъ, головка Наташи Вихоревой, „Чернушки“, по классу пошла циркулировать маленькая записочка. Получавшія росписывались на ней тонко, какъ мушиной лапкой, и сложивъ крошечнымъ шарикомъ, перекидывали дальше. Записочка щелкнула въ носъ „Бульдожку“, толстую, тупоморденькую Катю Прохорову; сердитая дѣвочка заворчала, а двѣ, три подруги фыркнули и уткнулись носами въ рисунокъ. Отъ Кати записка упала на парту „Баярда“—Нади Франкъ, рыженькой, живой, подчасъ неудержимо дерзкой и смѣлой дѣвочки; та, росписавшись, перекинула ее „Пышкѣ“, добродушной Машѣ Королевой.

Килька, дежурившая въ классѣ, сидѣла смирно на своемъ стулѣ и вязала чулокъ, но глаза ея, какъ у кошки, искоса слѣдили за бумажнымъ шарикомъ. Когда записочка долетѣла до „Пышки“, сидѣвшей у края класса, почти рядомъ съ ея стуломъ, она вдругъ схватила дѣвочку за руку со словами: „Geben Sie ab“, но „Пышка“ быстро перекатила шарикъ изъ одной руки въ другую и затѣмъ сунула его себѣ въ ротъ.

— Отдайте,—зашипѣла Килька,—„Geben Sie gleich ab“; но Маша усердно жевала бумажку и когда выплюнула ее на полъ, то это была плотная, маленькая клетка, которую она еще придавила ногой.

— Gut,—злобно сказала только Килька и нервно застучала спицами чулка. Бумажка, обѣжавшая весь классъ, возвѣщала, что сегодня вечеромъ, послѣ ухода Кильки изъ дортуара, „Чернушка“ задаетъ балъ съ приличнымъ угощеніемъ и приглашаетъ господъ кавалеровъ, дамъ, лакеевъ и музыкантовъ быть на своихъ мѣстахъ. Пріятная вѣсть и безъ дальнѣйшаго хода бумажки стала теперь извѣстна всѣмъ...

День прошелъ, по обыкновенію, со всѣми перипетіями институтской жизни и, наконецъ, насталь часъ, когда всѣ дѣвочки уже лежали въ кроватяхъ.

Дортуаръ второго класса, въ которомъ былъ назначенъ на сегодняшній вечеръ балъ, былъ теперь какъ разъ на привилегированномъ положеніи. Килька, ради своихъ сестеръ, обитала внизу, въ „Чортовомъ переулкѣ“, а француженка, M-elle Ноть, болѣзненная миниатюрная старушка, захворала, дверь ея комнаты была заперта; замѣнявшая ее дама спала въ другомъ дортуарѣ, и такимъ образомъ дѣвочки на ночь оставались совсѣмъ безъ надзора.

Килька обошла еще разъ кругомъ дортуара и посмотрѣла подозрительно на тридцать головокъ, заснувшихъ какъ-то необыкновенно быстро и покорно. Тридцать кроватей, поставленныхъ въ два ряда изголовьями одна къ другой, прерывались ночными шкапиками. Въ ногахъ у каждой стоялъ табуретъ, и на немъ лежали аккуратно сложенные принадлежности дневного туалета. Высокая ночная лампа, подъ темнымъ зеленымъ колпакомъ, тускло освѣщала тридцать сѣрыхъ байковыхъ одѣялъ съ голубыми полосами. Всѣ дѣвочки, какъ куклы, лежали на правомъ боку, въ ночныхъ кофтахъ, съ руками поверхъ одѣяла, и еще разъ удивленной Килькѣ показались спящими.

— Gute Nacht — проговорила она и вышла. Пройдя большую умывальную комнату, гдѣ горничная стлала себѣ постель въ нижнемъ раздвижномъ ящикѣ комода, она остановилась и минуты двѣ слушала. Полная тишина! Тогда она, наконецъ, вышла въ корридоръ и спустилась къ себѣ во второй этажъ.

Черезъ четверть часа всѣ дѣвочки, кромѣ самыхъ вя-

Е. Симонович-Гудовича

лыхъ, сонливыхъ или „безнадежныхъ парфешекъ“, были на ногахъ. Три музыканта сидѣли на шкапикахъ и, обернувъ тонкой бумагой гребенки, настраивали свои инструменты. Кавалеры, запрятавъ панталоны въ высокіе чулки, прихвативъ ихъ подвязками поверхъ колѣнъ, застегнули на груди кофточки, отогнули назадъ ихъ переднія полы, отчего сзади получилось подобіе фрака, и углемъ нарисовали себѣ на верхней губѣ черные усики. Дамы сняли кофты и остались въ рубашкахъ декольтэ и *manche-courte* и коротенькихъ нижнихъ юбочкахъ. Лакеи, на обязанности которыхъ лежало разносить угощеніе, въ отличіе отъ кавалеровъ, были безъ усовъ, въ сюртукахъ, т. е. въ кофточкахъ на выпускъ. Кое-гдѣ на шкапикахъ появились свои свѣчи, съ лампы былъ снятъ абажуръ. Балъ начался. Кругомъ кроватей летали пары. Дамы томно склоняли головки на плечо кавалерамъ, обдавая ихъ по самой фізіономіи растрепавшимися длинными волосами. Музыканты надрывались, играя какой-то вальсъ изъ любимыхъ мотивовъ шаха персидскаго. Лакеи уже разносили вторую перемѣну— свѣжіе огурцы съ сахаромъ. Дирижеръ, Надя Франкъ, велъ танцы: „*Rond des dames! Cavaliers solo! En avant!* Стой, стой, Бульдожка, ты опять танцуешь съ лакеемъ“...

Въ это время дверь изъ умывальной пріотворилась, загораживавшая ее пирамида изъ табуретовъ, надѣтыхъ верхомъ одинъ на другой, рухнула. Кавалеры, дамы, музыканты, лакеи, разлетѣлись кубаремъ по своимъ кроватямъ; не только свѣчи, но и лампа потухла. Корова и Килька, отодвинувъ табуреты, вошли въ дортуаръ, погруженный во мракъ. Горничная, задаренная дѣвочками, едва черезъ пять минутъ могла отыскать спички, и когда лампа была зажжена—на тридцати кроватяхъ лежало тридцать дѣвочекъ, всѣ на правомъ боку, съ руками поверхъ сѣраго одѣяла съ голубыми каймами. Только, о ужасъ! нѣсколько дѣвочекъ были безъ кофты, съ распущенными волосами, тогда какъ строго на строго было приказано заплетать ихъ на ночь въ одну косу. У другихъ на верхней губѣ еще виднѣлись черные тонкіе усики, на шкапикахъ всюду лежали явные признаки запрещеннаго пиршества...

Килька, съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ, дотрагивалась своими сухими пальцами до ногъ виновныхъ и говорила только: „Du, du, du und du, steht auf!“ И, какъ послѣ аріи Роберта: „Возстаньте изъ гробовъ!“, изъ кроватей появилось шесть бѣлыхъ дѣвочекъ, которыя начали сконфуженно приводить въ порядокъ свои шутовскія наряды, вытирать полотенцемъ лица и кутаться въ зеленые байковые платки (платье при ночныхъ экскурсіяхъ не надѣвалось), затѣмъ покорно двинулись въ путь за классной дамой.

— Und morgen werde ich alles „Maman“ erzählen!—громовымъ голосомъ добавила Корова.

Это была дѣйствительная угроза. „Maman“ докладывались только большія преступленія, и кара за нихъ полагалась серьезная, на примѣръ: „безъ родныхъ“, т. е. безъ допуска на свиданіе съ родственниками въ ближайшее воскресеніе.

Дѣвочки стихли, непойманныя привели себя въ достойный порядокъ, убрали все и улеглись. Вскорѣ дортуаръ погрузился въ настоящій глубокій сонъ. Провинившіяся, дойдя до „Чортова переулка“, были разставлены почетнымъ карауломъ по угламъ и у дверей обитательницъ. Баярдъ попалъ на часы у дверей Метлы. За спиною дѣвочки былъ кувшинъ съ большимъ букетомъ цвѣтовъ. Дѣвочка вдругъ съ необыкновенной злостью выхватила цвѣты изъ воды, своими тонкими нервными пальцами развязала шнурокъ, стягивавшій толстую связку корней, затѣмъ смяла, скомкала всѣ головки цвѣтовъ, туго перетянула ихъ шнуркомъ и сунула въ воду, освобожденные же корни безобразной щетиной топорщились наверху.

— Метлѣ нужна метла, а не цвѣты!—сказала Надя на одобрительный смѣхъ, слышавшійся изъ всѣхъ угловъ.

Дверь комнаты музыкальной дамы тихонько отворилась, и на порогъ показалась „Метла“. Она подошла къ окну, протянула руку къ цвѣтамъ и быстро отдернула ее, видя взъерошенное чудовище, затѣмъ, понявъ злую шутку стоявшей возлѣ дѣвушки, она обернулась къ ней. Выцвѣтшіе, но добрые глаза старой дѣвы встрѣтились въ упоръ со злымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ Баярда.

— Вы поступили очень скверно, — сказала она по-нѣмецки, — эти цвѣты мнѣ прислала старуха-мать изъ своего сада. Она слѣпа, но каждый цвѣтокъ она сорвала своими слабыми, старческими руками и сама связала ихъ въ букетъ.

Слезы закапали изъ глазъ музыкальной дамы, и она бережно, какъ больного, унесла къ себѣ въ комнату изуродованные цвѣты.

— Воображаю себѣ маменьку этихъ трехъ грацій! — начала въ своемъ углу Бульдожка.

— Молчи, дура! — вдругъ крикнула ей Надя Франкъ.

— Mesdames, mesdames, — захохотала Чернушка — не ссорьтесь, Bayard, ne montez pas sur vos grands chevaux!

Но Надя Франкъ вдругъ двинулась изъ своего угла и смѣло открыла дверь въ комнату музыкальной дамы. Она вошла въ крошечную прихожую и изъ нея увидѣла въ комнатѣ столъ, на немъ лампу съ большимъ самодѣльнымъ абажуромъ изъ сухихъ цвѣтовъ, затѣмъ большой подносъ, на которомъ лежалъ пестрый букетъ, и блѣдныя руки Метлы, старавшейся спасти менѣе пострадавшіе цвѣты. При входѣ Нади она подняла голову и, узнавъ дѣвочку, глядѣла на нее съ недоумѣніемъ и почти со страхомъ.

Дѣвочка сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и вдругъ, поднявъ голову, съ тѣмъ яснымъ и честнымъ взглядомъ, который далъ ей прозвище Баярда, заговорила:

— Mademoiselle Билле, Вильгельмина Ѳедоровна, простите меня...

Руки, державшія цвѣты, затряслись, блѣдная музыкальная дама, такъ несправедливо, такъ безпричинно травимая всѣмъ этимъ молодымъ поколѣніемъ, слышала въ первый разъ искренній, мягкій голосъ, называвшій ее по имени. Она подошла къ дѣвушкѣ и обняла ее. Рыжая головка припала къ ея изсохшей груди и горячія, молодыя губы дѣвушки прижались къ ея желтой, сморщенной щекѣ. Затѣмъ Надя круто повернула, выбѣжала въ корридоръ и спокойно встала въ свой уголъ.

Дѣвочки не успѣли придти въ себя отъ ея выходки, какъ открылась вторая дверь и появилась Килька.

— Ну, большой благовоспитанной дѣвушкѣ, который черезъ годъ будетъ въ старшій классъ, можетъ теперь идти наверхъ и спайтъ, а завтра Матап будетъ знать, что вы вели себя, какъ глупый маленькій мальшикъ...

Классная дама всегда по ночамъ, по выраженію Чернушки, „переходила въ христіанскую вѣру“, т. е. говорила почему-то, на потѣху дѣвочекъ, по-русски.

Дѣвочки сдѣлали торопливый книксенъ и, пробормоча какое-то извиненіе, побѣжали наверхъ, молча раздѣлись и легли спать.

На другой день, въ первую же рекреацію, когда классная дама ушла въ свою комнату выпить чашку кофе, дѣвочки вернулись въ свой второй классъ и заперли двери.

Тридцать голосовъ гудѣли и жужжали, какъ рой раздраженныхъ пчелъ. Всѣмъ былъ смутно извѣстенъ поступокъ Баярда, и классъ хотѣлъ знать окончательно: зачѣмъ дѣвушка ходила къ музыкальной дамѣ, „оборвать“ ее или извиниться?

Бульдожка, получившая вчера „дуру“, лѣзла изъ себя и находила послѣднее „подлой измѣной“, „подлизываньемъ“.

— Если извинилась,—кричала она,—то классъ долженъ наказать ее—перестать съ ней говорить!

Надя Франкъ вдругъ отдѣлилась отъ толпы и взбѣжала на кафедру. Рыжеватые волосы ея, попавъ въ лучъ солнца, горѣли червоннымъ золотомъ, лицо ея, съ тонкими чертами, было блѣдно, сѣрые глаза, съ расширенными зрачками, глядѣли сухо и злобно.

— Вы хотите знать, въ чемъ дѣло? Извольте:—я просила прощенья у Вильгельмины Ѳедоровны, да, затѣмъ и ходила, вотъ что!

— Вильгельмина Ѳедоровна!—Это еще что за новости?! Скажите, какія телячьи нѣжности! Ахъ, дрянъ этакая Франкъ, да какъ она смѣетъ? Рыжая, хитрая! Франкъ вѣчно изъ себя разыгрываетъ рыцаря!

Дѣвочки окружили кафедру и кричали всѣ разомъ. Фактъ униженія былъ чудовищнымъ явленіемъ и злилъ всѣхъ, какъ измѣна традиціямъ. А Франкъ стояла на кафедрѣ и повто-

ряла:—да, да, просила прощенія и она меня простила, пусть теперь сунется кто-нибудь ее травить. Знаете ли вы, что это за цвѣты и кто ихъ собиралъ! Она при васъ сказала: ея старая слѣпая мать. Вы только поймите, слѣпая, рвала цвѣты и прислала ихъ своей дочери. Вчера ты фыркнула, Бульдожка, на эту, ну, а вотъ теперь здѣсь, днемъ, передъ всѣмъ классомъ фыркни-ка еще разъ! Ага, не можешь? Свою маму вспомнила? Вотъ такъ-то и я, какъ подумала, что у нея мама добрая, да слѣпая, да какъ увидѣла, какъ она бережно цвѣты расправляетъ, вотъ такъ у меня сердце и повернулось. И чего мы ее травимъ-то? Что она намъ сдѣлала?

Дѣвочки молчали.

— Она мнѣ разъ дала пастилу,—объявила Бульдожка.

— А за меня разъ просила прощенья у Кильки, которой я нагрубилла,—проговорила Пышка.

— Да, она не злая—пробормотала Назарова.

— Все равно! Все равно!—крикнулъ кто-то изъ заднихъ рядовъ. Она живетъ въ „Чортовомъ переулкѣ“, значитъ, намъ врагъ, и ты ни смѣла просить прощенья, если она насъ обидѣла!

— Ну, въ этомъ мнѣ никто не указъ!

Франктъ соскочила съ каѳедры.—А ты, Вихорева, не должна была бы этого кричать, помнишь, ты солдата за пеклеванникомъ и за патокой посылала. Онъ несъ, да мнѣ и передалъ, а меня Корова поймала, я стоя за отдѣльнымъ столомъ обѣдала. Что хорошо было? А вѣдь я тебя тогда не выдала! Что же ты теперь на меня накидываешься?

— По моему она права!—сказала молчавшая до сихъ поръ Шкотъ,—вѣдь она не за васъ просила прощенія у нея, а за себя, дайте же каждому свободу судить самому свои поступки, по моему, Вильгельмина Ѳедоровна никогда насъ не трогаетъ.

— Какая эта Шкотъ умная и какъ она хорошо говорить!—подумала Франктъ.

— На мѣстѣ Франктъ, я бы сдѣлала тоже самое—заявила Лосева—она не имѣла права трогать чужіе цвѣты.

Франктъ снова вернулась на каѳедру и опершись на нее

локтями слѣдила за классомъ. Поднялся горячій споръ, мнѣнія раздѣлились, дѣвочка одна за другою переходили на сторону Шкотъ и Франкъ, наконецъ на сторонѣ негодующихъ осталось только 5—6 ученицъ, бравшихъ уроки музыки у Метлы и не любившихъ ее только за то, что не любили и обязательные скучные уроки музыки, къ которой не имѣли ни малѣйшей способности.

— Вы только посмотрѣли бы на нее во время урока музыки, какая она злющая!—доказывала Вихорева.

— Да вѣдь тебя можно роялемъ по головѣ ударить, когда ты дубасишь свои гаммы!

— Три года врешь все на одномъ и томъ же мѣстѣ! Споръ перешелъ въ хохотъ.

— Вотъ что, Mesdames!—на каѳедру рядомъ съ Франкъ забралась Назарова. Травить или не травить Метлу?

И общимъ голосомъ рѣшено было не травить.

Рѣзкій звонокъ прервалъ шумъ, въ классъ вошла класная дама и почти вслѣдъ за нею учитель русской словесности Поповъ.

Это былъ уже далеко не молодой человѣкъ, маленькаго роста, съ большими и выпуклыми, какъ пуговицы, глазами, въ очкахъ, съ носомъ попугая, но толстымъ и краснымъ отъ постояннаго нюханія табака. Пестрый фуляръ, засморканный и пропитанный табачными пятнами, всегда, какъ флагъ, болтался у него въ лѣвой рукѣ или висѣлъ изъ кармана. Говорилъ онъ ясно и витіевато, стихи читалъ прекрасно и, въ сущности, былъ добрый человѣкъ и хорошій, полезный учитель. Сочиненія были его конькомъ, и онъ ихъ задавалъ на всякія темы.

Войдя въ классъ, онъ положилъ на каѳедру связку тоненькихъ синихъ тетрадокъ съ послѣднимъ сочиненіемъ класса на тему: „Восходъ солнца“.

— Ну-съ—началъ онъ, сѣменя по обыкновенію коротенькими ножками, разгуливая между каѳедрой и первымъ рядомъ партъ.

— Сегодняшнія сочиненія меня не обрадовали. Какъ,

никто изъ васъ не видалъ восхода солнца? Никто не наблюдалъ величественной картины оживленія природы?

„Вотъ на скалѣ новорожденный лучъ
 „Зардѣлся вдругъ, прорѣзавшись межъ тучъ,
 „И розовый, по рѣчкѣ и шатрамъ,
 „Разлился блескъ и свѣтитъ тамъ и тамъ“...

— Вы не знаете этого стихотворенія, это Лермонтова, оно мнѣ сейчасъ пришло на память. Вотъ какъ поэты описываютъ восходъ солнца, а вотъ какъ пишутъ у насъ; вотъ возьмемъ, на примѣръ, сочиненіе М-ле Вихоревой, — и онъ раскрылъ одну синенькую тетрадь.

Восходъ солнца.

„Я никогда не видѣла восхода солнца; въ институтѣ мы всегда въ это время спимъ, а потому, когда меня отпустили лѣтомъ домой на недѣлю, я обратилась вечеромъ къ своей татап: „Татап, позвольте мнѣ завтра утромъ глядѣть восходъ солнца—мнѣ надо писать на эту тему сочиненіе“. Татап посмотрѣла на меня съ удивленіемъ. „Ты напиши лучше „закатъ солнца“, дружокъ, закатъ это у насъ бываетъ каждый вечеръ на пуантѣ Елагина острова, и я могу свезти тебя посмотрѣть. Но восходъ, я право не знаю, гдѣ его смотрять. Надо спросить папа!“ Я обратилась къ папа, но онъ сказалъ мнѣ, что при восходѣ солнца въ Петербургѣ даже собакъ ловятъ арканами, чтобы онѣ такъ рано не бѣгали, а порядочные люди всѣ спятъ. Вотъ почему я не видѣла восхода; я поѣхала смотрѣть закатъ, для котораго татап себѣ и мнѣ купила новыя шляпки. Мы пріѣхали на Елагинъ въ прекрасную аллею и сѣли на мысикѣ, открытомъ къ морю. Тамъ много скамеекъ, у татап оказались знакомые, всѣ они обратили на меня вниманіе и потому мнѣ было очень стыдно. Я все время глядѣла впередъ, вдаль были какія-то точки и черточки, татап сказала, что это Кронштадтъ. Когда мы пріѣхали, то солнце уже почти сидѣло, т. е. было очень низко, какъ разъ между далекими, неясными очертаніями и Петербургомъ; оно садилось прямо въ воду, все глубже и глубже и, наконецъ, нырнуло совсѣмъ, а вода стала такая красивая, золотая и

красная. Я замѣтила много лодокъ, которыяплыли по тому же направленію, вѣроятно, онѣ хотѣли видѣть, куда именно солнце сѣло. Когда мы ѣхали назадъ, мамап сказала мнѣ: восходъ солнца это совершенно одно и то-же, только теперь оно шло сверху внизъ, а утромъ оно идетъ снизу вверхъ, я думаю, ты можешь описать это“.

Вихорева.

— Что это такое, я васъ спрашиваю, и гдѣ тутъ восходъ солнца? Или вотъ сочиненіе г-жи Солоповой...

Солопова, кривобокая, подслѣповатая дѣвочка, густо покраснѣла и замигала. Она имѣла даръ плакать по поводу всего и всегда, потому заранѣе уже начала вытаскивать носовой платокъ.

„Аврора розовымъ перстомъ развязала свой поясъ, а Фебъ выѣхалъ на огненной колесницѣ. Тогда взошло солнце и на землѣ все стало свѣтло; молодая поселянка, съ вѣнкомъ изъ душистыхъ васильковъ, вышла на поле и съ громкими пѣснями начала убирать хлѣбъ“.

— Что это такое? Во снѣ вы что-ли видѣли что-нибудь подобное?

Но Солопова уже всхлипывала и сморкалась: „Г-нъ Поповъ, я тоже никогда не видѣла восхода солнца, только не смѣла этого сказать“.

— Мамап идетъ, Мамап!—пронеслось вдругъ по классу; дежурная, сидѣвшая у входной двери, бросилась ее отворять. Въ классъ вошла „Мамап“. На ея апоплексически толстой особѣ было надѣто синее шелковое платье съ большой пелериной сверху, бѣлый кружевной чепчикъ, былъ подвязанъ подъ третьимъ подбородкомъ желтыми лентами; за „Мамап“ шель ея неразлучный спутникъ—толстый, неимовѣрно важный мопсъ. Дѣвочки встали, присѣли плавно и низко, проговоривъ въ голосъ: „bonjour, Мамап!“, дежурная подала ей рапортичку, отчеканивъ ясно: „J'ai l'honneur de vous présenter le rapport du jour. La seconde classe contient 30 élèves, pour le présent toutes en bonne santé“. Мамап кивнула головой, но не сказала, какъ всегда: „Bonjour, mes enfants!“ Затѣмъ ве-

личественно отвѣтила на поклонъ учителя и сѣла на стоявшій у стѣны стулъ; на второмъ, рядомъ, съ котораго вско-чила классная дама, помѣстился мопсъ.

Матап была въ чепцѣ съ желтыми лентами:—плохая примѣта,—какъ были убѣждены институтки. Сердца многихъ забились, вчерашняя угроза Коровы пришла на умъ.

Поповъ немедленно вызвалъ одну за другой трехъ хорошо декламировавшихъ дѣвочекъ. Одна продекламировала оду Державина „Богъ“, всегда приводившую Матап въ умиленіе, другая сказала, звонко отчеканивая на риѣмахъ:

Отуманилася Ида,
Омрачился Иліонъ,
Спитъ во мракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ мертвый сонъ.

Третья очень мило проговорила любимую басню Матап „Коть и поваръ“. Но все было напрасно: Матап сидѣла, какъ истуканъ, и на ея добромъ широкомъ лицѣ былъ теперь видѣнъ гнѣвъ. Поповъ не зналъ, чѣмъ больше занимать рѣдкую посѣтительницу и, боясь начать скучный диктантъ, сталъ вдругъ проводить параллель между Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Онъ говорилъ хорошо, живо и даже съ паѳосомъ продекламировалъ „Пророкъ“ того и другого... Наконецъ, раздался ожидаемый звонокъ, и учитель, быстро раскланявшись, исчезъ.

Матап встала, за нею и всѣ дѣвочки.

— Mesdemoiselles! (она почти всегда говорила по-французски) Марія Ѳедоровна Билле мнѣ передала вчера ваше недостойное поведеніе, я очень недовольна, и завтра, въ воскресенье, весь классъ безъ родныхъ.

Матап вышла. Плаксы заплакали, но буйныя головы молчали,—надо было дать Матап время убраться изъ коридора; за то потомъ, когда посланные лазутчики донесли, что Матап „закатилась“, гвалтъ поднялся невообразимый. Наказаніе было настолько серьезно, что голоса раздѣлились, и половина начала робко заявлять о „прощеніи“.

Теперь торжествовала Надя Франкъ: вотъ къ Коровѣ ужь она не пойдетъ просить прощенія, пусть хоть весь классъ

пойдетъ, а она не пойдетъ, хоть бы ее совсѣмъ, навсегда, до конца жизни оставили „безъ родныхъ“!

Весь остальной день дѣвочки были неузнаваемы, разсѣяны, отвѣчали не впопадъ, многія совершенно неожиданно получили колъ, никто не говорилъ по-французски, и бѣдная „чужеземка“ (дама дежурившая временно изъ чужого класса), замѣнявшая M-lle Нотъ, охрипла и уже съ какимъ-то сипѣніемъ время отъ времени повторяла только какъ во снѣ:

„Mais parlez donc français, mesdemoiselles, parlez français“.

Въ шесть часовъ началась всенощная, и послѣ обѣда въ 4 часа, дѣвочекъ повели наверхъ поправить волосы и вымыть руки. Церковь была домовая въ верхнемъ 3-мъ этажѣ, въ глубинѣ средней площадки лѣстницы, раздѣлявшей два широкіе корридора съ дортуарами младшихъ и старшихъ классовъ.

Когда стали строиться, классъ укоротился на двѣ пары, три дѣвочки отказались идти въ церковь подъ предлогомъ мигрени, Бульдожка безъ всякихъ объясненій залегла подъ кровать: она предпочитала пролежать тамъ всю всенощную, разославъ подъ собой теплый байковый платокъ.

Изъ церкви дѣвочки вернулись усталыя и въ ожиданіи чая разсѣлись по табуретамъ,—на кроватяхъ сидѣть запрещалось. Разговоръ шелъ все о томъ же, чуть не всѣ перессорились, смѣху и шутокъ не было слышно вовсе. Въ 8 часовъ, по звону отправились въ нижній этажъ ужинать и вернулись опять наверхъ спать. Классная дама не могла дожидаться, чтобы онѣ улеглись. Дѣвочки раздѣвались лѣниво, плели другъ другу волосы, молились по долгу, каждая „своему Боженькѣ“, пришпиленному въ головахъ къ чехлу кровати, и, наконецъ, легли. „Parlez donc français!“ подошла еще разъ классная дама къ Надѣ Франкъ, спорившей о чемъ-то съ сосѣдкой. „Ну, ужъ я не могу спать съ чужимъ языкомъ“, отрѣзала ей, разсердившись, дѣвочка, „послѣ молитвы я всегда употребляю свой русскій“. „Vous serez punie“, начала та, но два, три голоса крикнули: „Чужеземка, вонъ!“, и классная дама, не желая поднимать новаго скандала, сдѣлала видъ, что не слышитъ, и вышла.

На другое утро, въ воскресенье, дѣвочки встали нѣсколько позже; всѣ были въ корсетахъ и перетянуты въ „рюмочку“. Надѣвая уже передникъ, дѣвочка обыкновенно обращалась къ двумъ, тремъ другимъ: „mesdames, перетяните меня“, и тѣ, завязавъ ленты первымъ узломъ, тянули ихъ, сколько могли, затѣмъ смочивъ посерединѣ, чтобы затяжка не разошлась, быстро завязывали бантомъ.

Кровати были уже постланы, покрыты пикейными бѣлыми одѣялами, въ трехъ углахъ громадной комнаты топились въ первый разъ печи. Килька вошла въ дортуаръ; всѣ были готовы, кромѣ „Пышки“, тянувшей еще свой корсетъ.

— M-lle Королева, не стыдно ли вамъ стоять раздѣтой при мужчинѣ?

Дѣвочка взвизгнула и присѣла въ промежуткѣ между кроватями.

„Гдѣ мужчина? Какой мужчина?“—кричали другія, осматриваясь кругомъ. „Да развѣ вы не видите, что топятъ печи!“— „Такъ вѣдь это солдатъ, M-lle“,—отвѣчала Пышка, вылѣзая и спокойно продолжая шнуроваться. Солдата, прислуживавшаго въ корридорѣ и при печахъ, ни одна дѣвочка не признавала за мужчину и никогда его не стѣснялась.

Послѣ общей молитвы и чая, дѣвочекъ привели въ классъ, и всѣмъ былъ розданъ шнурокъ съ кисточками, который онѣ повязывали вокругъ головы, оставляя кисточки болтаться надъ лѣвымъ ухомъ. Красный шнурокъ обозначалъ хорошее поведеніе, за дурное шнурка лишались, а самая „парфешка“ получала синій шнурокъ. Второй классъ былъ весь лишенъ шнурка.

Послѣ обѣдни пошли завтракать, послѣ завтрака, въ два часа, начинался пріемъ родныхъ. Волненіе дѣвочекъ росло. Составлялась партія, рѣшившаяся сдать на капитуляцію; съ каждой минутой къ ней примыкали все новые члены. Скоро на сторонѣ оппозиціи осталась только рыженькая Франкъ, да еще пять, шесть человекъ, къ которымъ и безъ того никогда никто не приходилъ.

У бѣднаго Баярда было страшно жутко на сердцѣ,—сегодня долженъ былъ къ ней придти старшій братъ ея, кра-

савецъ Андрюша и, можетъ быть, онъ придетъ уже прощаться, потому что отпускъ его кончался и онъ уѣзжалъ далеко въ свой полкъ. Дѣвочка, блѣдная, взволнованно ходила по корридору—прощенія она просить не станетъ ни за что, и вотъ, другихъ простятъ, а ее накажутъ еще и на четвергъ—за упрямство и дерзость.

Слезы навертывались на ея глазахъ, и она все ходила и ждала. Вотъ раздался звонокъ, возвѣщавшій о началѣ приѣма. По корридору, мимо Франкъ, пробѣжала дежурная со спискомъ дѣвочекъ, къ которымъ пришли. Во второмъ классѣ слышалось сморканье и всхлипываніе; нервы были напряжены до-нельзя. Килька видимо не желала дѣлать никакихъ уступокъ, съ каждой минутой на лицѣ ея яснѣе выражалась злорадная усмѣшка.

— Медамочки, пошлемъ депутацію къ Матап, можетъ, она проститъ!

— Пошлемъ, пошлемъ,—подхватили всѣ сдѣланное къмъ-то предложеніе. „Пошлемъ Франкъ, пусть ее объясняется по-французски! Бульдожка, иди ты,—ты такъ похожа на ея Боксика, что она разнѣжится!“—„Дура, ты сама похожа на обезьяну“.—„Mesdames, mesdames, вотъ нашли время браниться!“—кричала Чернушка, утирая слезы.

Въ это время по корридору прошла Корова. „Вы зачѣмъ здѣсь?“—крикнула она Франкъ,—„ступайте въ классъ!“—и вслѣдъ за дѣвочками вошла туда и сама. Дѣвочки всѣ вскочили со своихъ мѣсть: одинъ приходъ Коровы зародилъ въ ихъ сердцахъ надежду.

Корова сказала длинную рѣчь, сводившуюся все къ тому, что кто грѣшитъ, тотъ и долженъ терпѣть. Минуты, дорогія минуты изъ двухъ-часоваго свиданія уходили, родные и поѣтители ждали въ большой залѣ, а у дѣтей надрывались сердца отъ нетерпѣнія и тоски.—Сестра моя, Вильгельмина Ѳедоровна,—заклучила Корова—пришла сегодня утромъ ко мнѣ и со слезами упросила меня идти къ Матап и ходатайствовать за васъ, Моя добрая и кроткая сестра, съ которой вы всегда обходитесь такъ дерзко; ей вы обязаны радостью видѣть сегодня вашихъ родныхъ. Матап васъ простила!

— Merçi, M-lle, merçi M-lle, nous remercions M-lle votre soeur!—раздались радостные голоса, и дѣвочки толпой ринулись къ дверямъ. „Подождите“,—торжественно заявила Корова,—„вамъ дадутъ еще шнурки“. Эта „награда“ задержала ихъ еще 5 минутъ. Дѣвочки готовы были кричать, плакать, топтать ногами со злости, но, какъ укрощенные дикіе звѣрьки, метали только злобные взгляды, ловили, чуть не рвали „награду“ и торопливо повязывали ее на голову, затѣмъ построились въ пары и вышли въ залъ.

Въ это воскресенье, какъ и всегда, къ двумъ часамъ, громадная швейцарская института была уже полна „родными“.—Швейцаръ Яковъ, въ красной ливреѣ съ орлами, въ треугольной шляпѣ съ булавой, стоялъ, какъ великолѣпный истуканъ, и только изрѣдка привѣтствовалъ короткимъ „здравія желаю“ особенно почетныхъ посѣтителей. Помощникъ его Иванъ отбиралъ „большіе“ гостинцы и, надписавъ имя воспитанницы, укладывалъ ихъ въ бѣльевыя корзины. Въ залъ позволялось проходить только съ коробками конфетъ или мелочью, помѣщавшейся въ ручномъ сакъ-вояжѣ.

Ровно въ два часа раздался звонокъ, и родные поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ. Въ дверяхъ пріемнаго зала они прошли, какъ сквозь строй, между стоявшими по обѣ стороны входа двумя классными дамами, двумя пепиньерками и двумя дежурными воспитанницами, и двумя солдатами, стоявшими „на всякій случай“ въ корридорѣ.

Входившіе обращались направо или налево и называли фамилію. Классная дама передавала имя пепиньеркѣ, та дежурной дѣвочкѣ, которая и бѣжала по классамъ вызывать „къ роднымъ“.

Въ залѣ всегда преобладали матери, тетки, вообще женщины. Отцы приходили рѣже; они чувствовали себя какъ-то не въ своей тарелкѣ въ этомъ чисто женскомъ царствѣ. Посѣтительницы, за очень небольшимъ исключеніемъ высокоаристократическихъ дамъ, принадлежали всѣ къ кругу небогатаго дворянства средней руки; всѣ для этихъ визитовъ одѣвались, какъ могли лучше. Неопытному глазу дѣвочекъ трудно было уловить тонкіе оттѣнки туалетовъ, а потому всѣ матери

и подходили подъ общую массу. Отцы—другого рода дѣло. Отцами и братьями дѣвочки гордились. Ихъ восхищали мундиры, ордена или ловко сшитыя черныя пары, осанка и важность.

Даже самыя отношенія между мужчинами были имъ ясны. Иной отецъ входилъ и небрежно кивалъ головою двумъ другимъ, торопившимся встать и поклониться при его входѣ. Молодые офицеры, братья, конечно, привлекали къ себѣ всѣ взгляды.

Андрюша, братъ Нади Франкъ, красивый стройный брюнетъ въ стрѣлковомъ мундирѣ, соскучился, ожидая сестру. Онъ давно разсмотрѣлъ всѣхъ хорошенькихъ и дурнушекъ и рѣшилъ, что первыя имѣютъ конфетный видъ, а между вторыми есть преинтересныя рожицы. Два раза онъ уже обращался къ пепиньеркѣ, съ тальей стрекозы, прося ее вызвать сестру и, наконецъ, обозлился и уже тоскливо поглядывалъ на большую коробку конфетъ, лежавшую рядомъ съ нимъ на скамейкѣ. Если еще пять минутъ Надя не придетъ, рѣшилъ онъ, сдѣлаю скандалъ! Поднесу конфеты вотъ той кисявкѣ, что такъ лукаво поглядываетъ изъ угла и—уйду. Надоѣло!

Въ это время какъ разъ въ залъ попарно вошли прощенные дѣвочки. Чернушка первая, разорвавъ пары, бросилась къ своей матери и, повиснувъ ей на шею, вдругъ зарыдала. Это уже было совсѣмъ неприлично! Дежурная дама подошла къ ней, солдата, стоявшаго у дверей, послали за водою. Всѣ родственники и дѣвочки обернулись на голосъ класной дамы, объяснявшей сухо и методично, что M-elle Вихорева ведетъ себя не хорошо, что она на замѣчаніи у Матап и что теперешнее ея поведеніе показываетъ всю ея неблаговоспитанность.

Мать „Чернушки“, женщина опытная и съ тактомъ, качала головою, дѣлала строгое лицо, глядя на дѣвочку, и говорила только: ай, ай, ай!—какъ не хорошо! А рука ея любовно ласкала черненькую головку и, нагнувшись ей къ уху, она шептала: „Перестань, дурочка, а то она не уйдетъ, мнѣ съ тобой и поговорить не удастся“. Чернушка смолкла, от-

Е. Симокинъ Гудковскы

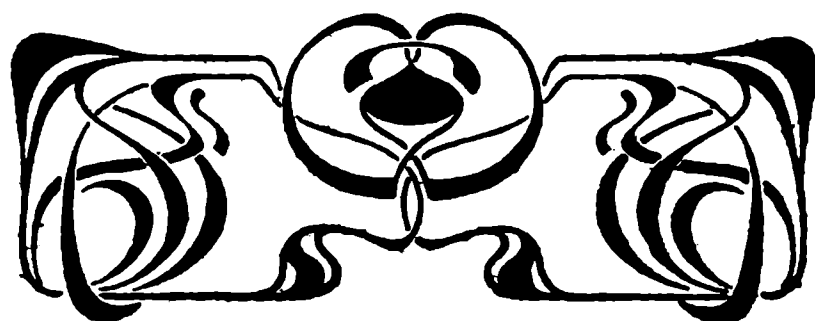
пила воды и, сѣвъ на скамейку, прижалась къ матери черненькой головкой, точно цыпленокъ, прячущійся подъ крыло насѣдки.

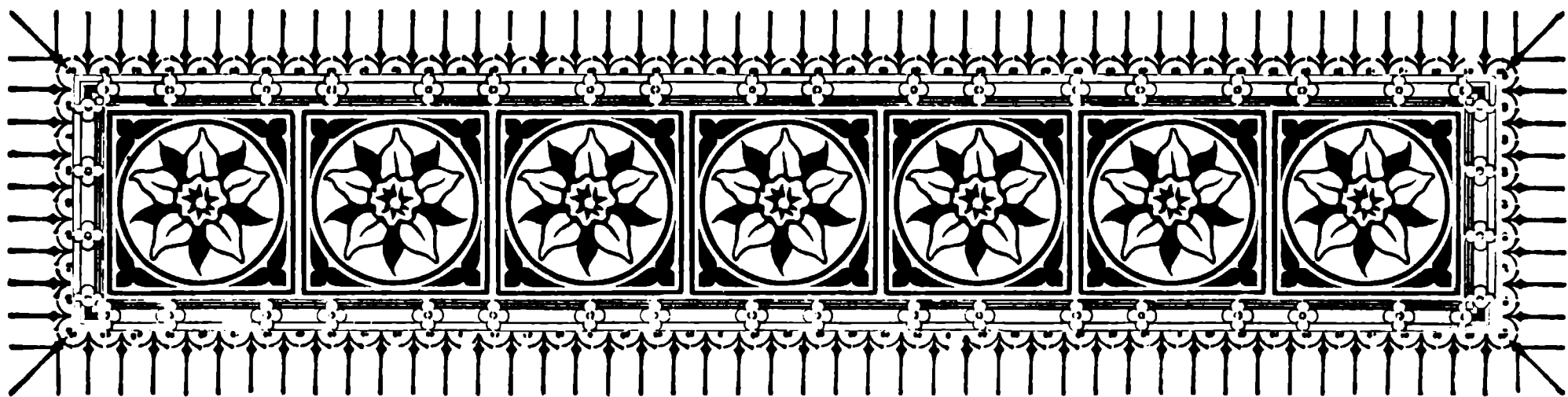
Бульдожка, дойдя до матери, толстой нарядной дамы, поцѣловала ей руку и сейчасъ-же схватилась за ея сакъ-вояжъ, открыла его, достала какія-то сдобныя лепешки и принялась ихъ жевать. Обыкновенно онѣ разговаривали мало. Дочь уплетала, а мать, съ обиженнымъ и высокомернымъ видомъ, доставала изъ разныхъ кармановъ новый провіантъ. Весь ея видъ говорилъ: вѣдь вотъ плачу 250 р. въ годъ, а дочь-то голодна—каково?—Она гладила жирныя плечи дѣвочки, осматривала ея пухлыя съ ямочками руки и тоскливо думала:—Худѣетъ, на глазъ худѣетъ, и къ чему это только ведетъ такое долгое ученье!

Маша Королева, хорошенькая „Пышка“, рассказывала матери всю эпопею „бала“ и „прощенья“. Ея необсохшіе отъ слезъ глаза блестѣли, и по временамъ, на всю залу слышался милый, заразительный смѣхъ дѣвочки. Несмотря на строгіе взгляды классной дамы, мать невольно смѣялась съ нею, хотя ласково зажимала ей рукою ротъ. Пышка цѣловала ее въ ладонь и смѣялась еще веселѣй.

— Рыжикъ, ты это чего сегодня такая?.. И отчего ты не выходила такъ долго?—а?—спрашивалъ Андрюша Надю Франкъ.

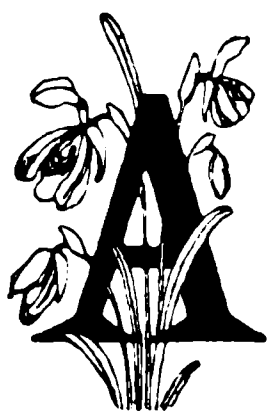
Дѣвочка сидѣла блѣдная, съ злымъ, раздраженнымъ лицомъ и потемнѣвшими глазами.

II.

Андрюша.—Проблескъ любви.—Луговой.—Богомолье и батюшка.

Андрюша былъ старше Нади на восемь лѣтъ и очень любилъ своего „Рыжика“, какъ онъ называлъ сестру. Когда дѣвочка необыкновенно тихо подошла къ нему, вложила въ его руку свою маленькую холодную ручку и, приподнявшись на цыпочки, поцѣловала его, у него сжалось сердце. Ихъ отецъ, полковникъ въ отставкѣ, былъ уже много лѣтъ разбитъ параличомъ и лечился далеко на югѣ въ имѣніи у какого-то богатаго родственника. Мать, урожденная нѣмецкая баронесса, была женщина добрая, но въ то же время взбалмошная. Разорившаяся аристократка, она была полна какой-то обиды и горечи, которую изливала на всѣхъ. Дѣти не понимали ея и не сочувствовали. При полномъ повиновеніи и вѣжливости, въ ихъ отношеніяхъ къ ней не хватало искренности.

За то съ тѣхъ поръ, какъ глазки Нади стали сознательно смотрѣть на свѣтъ Божій, она начала отлично узнавать свѣтлыя пуговицы кадетскаго мундирчика Андрюши. Она тянулась къ брату съ рукъ мамки и няньки, и первое слово, сказанное ею, было: „Дуся“, какъ она прозвала Андрюшу. Мальчикъ не могъ наглядѣться на рыжіе волосики и сѣрые глазки сестры. Когда онъ училъ уроки, ребенокъ сидѣлъ у него на

столѣ. Никакіе капризы и шалости подроствавшей дѣвочки не выводили его изъ терпѣнья. Ему особенно нравилось, что дѣвочка росла веселая и здоровая, какъ рѣпка. Онъ игралъ съ нею, какъ съ котенкомъ, а позднѣе самъ приготовилъ ее къ институту и посѣщалъ ее тамъ каждое воскресенье. День, когда Надю увезли въ институтъ, былъ первымъ днемъ его жизненнаго горя. Комната опустѣла, квартира затихла. Когда онъ въ ближайшую субботу пришелъ домой изъ корпуса и позвонилъ у дверей,—сердце его зануло. вмѣсто рѣзвыхъ ножекъ, несшихся въ карьеръ по корридору, онъ услышалъ тяжелые, медленные шаги прислуги.

Въ воскресенье онъ отправился въ институтъ, и когда Надя вышла къ нему, онъ поблѣднѣлъ и, потерявъ всю свою мужскую сдержанность, схватилъ ребенка на руки и крѣпко прижалъ къ груди. А дѣвочка рыдала и лепетала: Дуся, Дуся, возьми меня домой! „Рыжикъ“ преобразился. Густые, непокорные локоны были обрѣзаны коротко и зачесаны назадъ, подъ круглую гребенку. Такова была форма для младшаго класса. Большой лобъ дѣвочки, прикрытый обыкновенно волнами спускавшихся волосъ, былъ совершенно открытъ и придавалъ не дѣтскую серьезность личику съ большими глазами. А эти глаза, эти милые дѣтскіе глаза, свѣтящіе Андрею, какъ звѣздочки, впервые были заплаканы и потухли, какъ у звѣрька въ неволѣ. вмѣсто короткаго свѣтлаго платица и передника съ пышными голубыми бантами на плечахъ на ней было грубое, камлотовое платье, темно-коричневаго цвѣта, длинное до полу, форменный передникъ, безобразная пелеринка и узкіе подвязные рукава бѣлаго цвѣта.

Съ тѣхъ поръ, въ послѣдніе годы корпуса, Андрюша каждое воскресенье, каждый праздникъ посѣщалъ Надю. Онъ былъ повѣренный всѣхъ ея шалостей, надеждъ и мечтаній. Каждый грошъ онъ употреблялъ на покупку Надѣ какой-нибудь „штучки“, которая дѣвочка обожала. Штучки эти были: картинки, изящныя коробочки, фарфоровыя бездѣлушки и т. д. Когда Надя переходила уже въ 3-й классъ, Андрюша кончилъ курсъ, вышелъ въ офицеры и уѣхалъ въ полкъ. Разлука была тяжела обоимъ, но они покорились ей. Время

все-таки сдѣлало свое: хотя дружба ихъ не уменьшалась, но у каждаго являлись свои жизненные интересы, и прежней неразрывной связи между сестрой и братомъ уже не могло быть. Полкъ Андрюши стоялъ въ Одессѣ, и этотъ годъ, когда Надя была во второмъ, предпоследнемъ классѣ, братъ пріѣхалъ на два мѣсяца въ отпускъ и сегодня приходилъ прощаться съ сестрой.

— Рыжикъ,—началъ Андрюша, желая развлечь сестру,—я къ тебѣ завтра вечеромъ приду проститься.

Дѣвочка встрепенулась и взглянула на брата.

— Ну, да, я уже просилъ Якова (швейцара) передать вашей Маман записку, въ которой прошу ее позволить мнѣ проститься съ тобой, такъ какъ я уѣзжаю надолго. Ты не бойся, я написалъ по-французски „j'ai l'honneur“... и такъ далѣе. Ну, такъ завтра я приду сейчасъ послѣ вашего обѣда въ 4 часа и пробуду, если можно, хоть до 8-ми—до самага вашего ужина. Уѣзжаю я въ 11 ч. вечера. Довольна?

Дѣвочка молча кивала головой и ближе подвинулась къ нему. Вотъ эта та самая ея молчаливая ласка, ея вѣчное желаніе „притулиться“ къ брату и хватало его за сердце. Въ этихъ инстинктивныхъ движеніяхъ ярче всего высказывалось одиночество дѣвочки и ея потребность въ защитѣ и поддержкѣ.

— Мама тебя цѣлуетъ,—продолжалъ Андрюша, она пріѣдетъ къ тебѣ въ четвергъ. А какую я тебѣ „штучку“ принесъ, Рыжикъ.— И Андрюша вынулъ изъ кармана крошечную обезьяну изъ *parier maché*.—Надя оживилась. Она повертѣла штучку въ рукахъ, улыбнулась, потомъ отложила игрушку и, вздохнувъ глубоко, начала говорить брату пониженнымъ голосомъ:

— Вотъ что, Андрюша, у меня съ классомъ выходятъ серьезныя непріятности, мы не ладимъ: видишь, командовать собою я не дамъ, и покориться ужъ тоже не покорюсь. Онѣ меня, ты знаешь, прозвали Баярдомъ, ты не думай, что это такъ хорошо, это насмѣшка. Я, по ихъ мнѣнію, видишь, „изображаю“ изъ себя рыцаря безъ страха и упрека. Только это неправда, я ничего не изображаю—я, какъ я, а вотъ онѣ всѣ плоскія.

— Какъ плоскія?

— Да вотъ такія мелкія всѣ, какъ одна. Такъ вотъ, Андрюша, я хотѣла поговорить съ тобою серьезно. Возьми меня къ себѣ въ полкъ, тамъ у твоихъ старыхъ офицеровъ, вѣрно, есть дѣти, я ихъ буду учить читать и писать по-русски и по-французски—отчасти даже... по-нѣмецки, мнѣ будутъ платить. Мы такъ и проживемъ, только, пожалуйста, пожалуйста, возьми меня отсюда!—Сдвинувъ брови, открывъ отъ волненія ротикъ, дѣвочка сидѣла смиренно, не сводя глазъ съ брата.

— Рыжикъ, ты Рыжикъ!—вздыхнулъ Андрюша, не говори ты пустяковъ—развѣ мама согласится взять тебя, до окончанія курса, и отпустить со мною? А она то какъ же останется? Или тебѣ ея не жаль! Вѣдь она только живетъ надеждой на твой выпускъ. Вѣдь окончивъ курсъ, тебѣ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ придется давать уроки и получать деньги, чтобы жить съ мамой, вѣдь тебѣ всего полтора года осталось до выпуска, подумай-ка это?

Глаза дѣвочки раскрылись широко, въ первый разъ ей пришла въ голову мысль о томъ, что на ней лежатъ обязанности, и что мать и братъ ждутъ, чтобы пришло время, когда она должна ихъ выполнять.

— Да-а, правда,—сказала она.—Ну, такъ я перетерплю, но у насъ вышла страшная исторія съ Коровой...

И она рассказала брату весь эпизодъ.

Братъ хохоталъ отъ души, и голосокъ Нади уже звенѣлъ весело, она снова вытащила изъ кармана „штучку“ и даже поцѣловала обезьяну въ самую мордочку.

— Ну, сейчасъ будетъ звонокъ, осталось всего пять минутъ, сказалъ Андрюша.—Вотъ тебѣ конфеты, тутъ двѣ коробки.

— Одна мнѣ, а другая...—и Надя сдѣлала хитрую рожицу...

— Пожалуй, отдай Людочкѣ!

— А записки ты туда никакой не положилъ!

— Рыжикъ, ты дуришь, ты знаешь, что я этого никогда не сдѣлаю.

— Напрасно, Андрюша! Люда обожаетъ тебя, и очень просила, чтобы ты передъ отъѣздомъ написалъ ей стихи.

— Господи, какая ты глупая, да я отъ роду не писалъ стиховъ.

— Нисколько я не глупая, а стихи пишутся очень просто, мы всѣ пишемъ. Возьми у Лермонтова или у Пушкина любое стихотвореніе, выпиши риѣмы, а строчки прибавь свои, ну конечно со смысломъ, чтобъ подходили къ риѣмѣ. Ты, Андрюша, напиши въ стихахъ, что любишь ее, и что хочешь на ней жениться.

Андрюша хохоталъ.

— Хорошіе будутъ стихи, она вѣдь ихъ кому-нибудь покажетъ?

— Ну, конечно, всему классу, можетъ быть и второму даже, я вообще вѣдь очень горжусь тобой. Вотъ когда ты женишься на Людѣ...

— Да кто же тебѣ сказалъ, что я на ней женюсь?

— Какъ не женишься! Какъ не женишься! Да вѣдь это же будетъ нечестно! Вѣдь она прислала тебѣ сказать черезъ меня, что она тебя обожаетъ. Весь классъ знаетъ, что она „за тобою бѣгаетъ“. Люда красавица, ты самъ сколько разъ привозилъ ей конфеты.

— Такъ, вѣдь, это потому, что мы съ ея семьей знакомы, я товарищъ ея брата...

— Ну вотъ видишь, Андрюша, и она моя подруга, нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не осрами меня, женись на ней!

Рѣзкій звонокъ прервалъ эту оригинальную просьбу, и Андрюша, разцѣловавъ сестру, вышелъ вмѣстѣ съ другими родными.

Нарочно или нечаянно, но, выходя изъ корридора, на лѣстницѣ, молодой человѣкъ остановился, натягивая перчатки, а сверху съ лѣстницы сбѣжала дѣвушка, вся бѣлокурая, какъ хлѣбный колосъ, съ глазами синими, какъ два василька. Пробѣгая мимо офицера, они присѣла, проговоривъ: „Bonjour, Monsieur André! Вы уѣзжаете?“

Андрюша покраснѣлъ.

— Да, приходится.

— Надя будетъ очень скучать, а за нею и я.

Дѣвушка опустила глаза и робко протянула листокъ почтовой бумаги, свернутый трубочкой и завязанный голубою лентой.

— Что это такое?—спросилъ Андрюша.

— Стихи, дѣвушка быстро побѣжала внизъ по лѣстницѣ,—не мои—услышалъ онъ снизу ея милый голосокъ и нѣжный, звенѣвшій уже издалека смѣхъ.

Въ записочкѣ было написано:

Вы уѣзжаете, но помните, что:
„Забыть того, кѣмъ сердце дышетъ,
Кѣмъ мысли заняты всегда,
Кого душа повсюду ищетъ,
Забыть того, сойти съ ума!“

Ваша Людмила Галкина.

Послѣ приѣма родныхъ, дѣвочекъ повели обѣдать. По институтскимъ традиціямъ, въ воскресенье ни одна изъ тѣхъ, у которыхъ „были родные“, не дотрагивалась до обѣда. Если дѣвочка, не дождавшись раздачи гостинцевъ, соблазняясь пирогомъ къ супу и начинала его ѣсть, немедленно ея соседка толкала локтемъ другую и замѣчала: смотри, у нея „были родные“, а она ѣсть казенщину! Съ какого-нибудь конца раздавалось сейчасъ восклицаніе: медапочки, глядите у нея были родные, а она ѣсть!

Какъ только пропѣли „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ“—двери столовой открылись настежь, и четыре солдата внесли двѣ громадныя бѣльевыя корзины. Одну поставили къ столамъ младшаго отдѣленія, другую къ столамъ старшаго. Отъ cadaго класса сейчасъ отдѣлились двѣ дежурныя и пошли помогать разбирать „гостинцы“. Всѣ корзинки, коробки и пакеты носили на себѣ билетки съ фамиліей. Дежурная забирала все, что причислялось къ ихъ классу,—несла къ своимъ столамъ и раздавала по назначенію. Классныя дамы иногда развертывали и осматривали присылки. Дѣвочки при этомъ часто просили: „Mlle, prenez quelque chose, prenez, je vous en prie“, и классная дама больше изъ желанія угодить дѣвочкѣ, чѣмъ полакомиться, брала конфетку

или „кусочекъ“. Если гостинцы были „домашніе“, то часто слышалось изъ устъ дамы презрительное замѣчаніе: *Ma chère*, ваши родные, право, думаютъ, что васъ здѣсь не кормятъ. Что это такое, булки, котлеты? Кофе въ бутылкѣ?—говорила она одной дѣвочкѣ,—ну ужь это совсѣмъ мѣщанство, я васъ прошу, чтобы такихъ „кухарочьихъ“ присылокъ не было“,—и бѣдная дѣвочка, которая такъ просила свою маму прислать ей кофейку варенаго со сливками, теперь краснѣла, стыдилась и готова была провалиться со своей бутылкой.

А между тѣмъ, часто случалось такъ, что дѣвочки, подѣливъ между собою гостинцы, наѣдались конфетами, шоколадомъ даже до тошноты, и въ то же время были буквально голодны, отказавшись изъ принципа отъ казеннаго обѣда.

Прошло нѣсколько дней; въ институтскомъ муравейникѣ все обстояло благополучно. Второй классъ былъ въ особенно мирномъ настроеніи. „Помѣщицѣ“ Тонѣ Петровой прислала мать изъ имѣнія въ Боровичахъ мѣшокъ толокна, мѣшокъ сушеной малины, пудъ масла и боченокъ меду. Четыре раза въ годъ, аккуратно, какъ государственную подать, она высылала своей дочери этотъ провіантъ, и за то все остальное время, по воскресеньямъ и четвергамъ, всѣ дѣлились своими гостинцами съ Тоней Петровой. Масло и медъ всегда оставались у классной дамы и выдавалось скупно, но толокно и малина, какъ вещества безвредныя, прятались въ большой классный шкафъ и, насколько ихъ хватало, отдавались на расхищеніе желающихъ. Дѣвочки ѣли толокно съ водою, съ сахаромъ, съ квасомъ, когда удавалось его купить. Набирали сухое въ ротъ и начинали говорить, при чемъ бѣлая пыль летѣла во всѣ стороны, что было такъ смѣшно, что одна половина класса, глядя на другую, хохотала, дѣлавшія же опытъ давились, кашляли до слезъ, до хрипоты. Малину ѣли на ночь сухую и заваривали какъ чай, увѣряя, что очень здорово вспотѣть, и потѣли. Словомъ, было очень весело.

Но вотъ въ одну изъ рекреаций старшіе классы облетѣла сенсаціонная новость, что Владиміръ Николаевичъ Луговой уходитъ, и на его мѣсто назначенъ уже новый инспек-

торъ. Одного Лугового дѣвочки называли по имени и отчеству—всѣхъ остальныхъ по фамиліямъ съ прибавленіемъ: Господинъ, Monsieur или Herr.

Лугового любили всѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 35, высокій, худой, несомнѣнно чахоточный, съ красивымъ профилемъ и большими добрыми глазами. Каковъ онъ былъ какъ инспекторъ, Богъ его знаетъ! Но дѣвочекъ положительно любилъ, зналъ каждую по имени, разговаривалъ ласково; случалось, встрѣтивъ большую уже дѣвочку, онъ останавливалъ ее за руку, или разговаривая съ которой-нибудь, проводилъ рукою по волосамъ. Онъ дѣлалъ это, очевидно, изъ доброты: женатый и отецъ семейства, онъ обращался съ воспитанницами, какъ съ дѣтьми, и дѣвочки были страшно отзывчивы на эту ласку. Онѣ чувствовали, что тутъ не фамиллярность, не пошлость, но именно отеческая ласка, которой такъ жаждали ихъ маленькія сердца. Луговому стоило появиться въ корридоръ, какъ дѣвочки изъ всѣхъ классовъ бѣжали ему на встрѣчу, окружали его, осыпали вопросами и смѣялись.

Если въ свободные часы или вечеромъ по какимъ-нибудь дѣламъ онъ заходилъ въ „скелетную“ (комнату за вторымъ классомъ), гдѣ стояли два скелета и два шкафа съ убогою институтскою библіотекою, дѣвочки проникали туда.

Если Луговой говорилъ имъ что-нибудь, часто поясняя изъ ботаники или зоологіи,—а онъ говорилъ очень хорошо,—дѣвочки окружали его стулъ, усаживались кругомъ прямо на полъ и слушали съ радостнымъ вниманіемъ. Классныя дамы и начальство удивлялись всеобщей, шумной любви дѣвочекъ къ Луговому, а весь секретъ его обаянія состоялъ въ томъ, что почти каждой изъ дѣвочекъ безсознательно, Луговой напоминалъ отца или старшаго брата; его обращеніе не фамиллярное, но въ высшей степени „домашнее“, его умѣнье пожурить и пристыдить лѣнивую или невнимательную, составляло тайную связь этихъ оторванныхъ отъ дома дѣвочекъ съ милымъ прошлымъ, когда онѣ не были ученицами-институтками, а только дочерьми и сестрами.

Потерять Лугового дѣвочкамъ казалось большимъ несчастьемъ.

Узнавъ, что инспекторъ въ „скелетной“, дѣвочки бросились туда, ихъ набралась цѣлая куча, остальные ждали извѣстій въ корридорѣ. Дѣвочки заговорили всѣ разомъ, но Луговой смѣясь махнулъ имъ рукой, и всѣ сразу смолкли.

— Въ чемъ дѣло?—обратился онъ къ одной.

— Правда ли, Владиміръ Николаевичъ, что вы уходите отъ насъ?

Минуту Луговой молчалъ, онъ глядѣлъ на эти ясные, глаза, черные, синіе, зеленые, сѣрые, и во всѣхъ видѣлъ одно и то же выраженіе довѣрія и привязанности. Ему жаль было разставаться.

— Да дѣти, правда,—сказалъ онъ.—Я плохъ здоровьемъ, хочу отдохнуть, полечиться. Завтра васъ соберутъ всѣхъ въ большой залъ и вамъ представятъ новаго инспектора, Виктора Матвѣевича Минаева.

— Мы не хотимъ новаго инспектора! Мы никого, кромѣ васъ, не хотимъ! Вы не должны оставлять насъ, мы при васъ должны кончить курсъ!—кричали дѣвочки.

— Довольно, дѣти, будетъ! Спасибо за чувства, но... я не могу остаться... Да на то и не моя одна воля.

— Мы такъ и знали! Васъ выжили изъ-за насъ, вы были слишкомъ добры къ намъ!

— Дѣти, дѣти, вы забываетесь!

Но волненіе уже охватило дѣтей; стоявшія въ корридорѣ узнали печальную новость и тоже кричали: „Мы не хотимъ новаго инспектора, мы не примемъ его, не станемъ разговаривать!“

Въ другое время, Луговой, пользуясь своимъ авторитетомъ, мгновенно успокоилъ бы дѣтей и прекратилъ шумъ, но теперь, взволнованный самъ, видя, что дѣтскія страсти расходились, онъ взялъ свою шляпу и направился изъ скелетной къ большой лѣстницѣ, говоря только на ходу:

— Нехорошо, дѣти, плохо, вы меня огорчаете!

Луговой шелъ по лѣстницѣ, за нимъ въ разбродъ, вопреки строгому запрещенію, бѣжали дѣвочки обоихъ старшихъ классовъ. Многія плакали.

— Владиміръ Николаевичъ! Владиміръ Николаевичъ! Неужели мы васъ больше не увидимъ?

Луговой, дойдя до швейцарской, остановился.

— Дѣти, вы сдѣлаете мнѣ непріятность, васъ изъ-за меня накажутъ, и это отравитъ мнѣ наше разставаніе. Мы увидимся въ общемъ залѣ и, помните, ваше поведеніе отзовется на мнѣ: все дурное могутъ приписать моему вліянію. Слышите? Я хочу разстаться съ вами съ мыслью, что до послѣдней минуты вы были послушны мнѣ.

Дѣвочки молчали, понутивъ головы.

Онъ вошелъ въ швейцарскую и, одѣвая пальто, глядѣлъ сквозь стеклянныя двери, на опечаленную группу.

Когда онъ вышелъ, дѣвочки бросились на верхъ, ворвались въ „учительскую“ (центральную комнату во второмъ этажѣ) и бросились къ тремъ окнамъ, выходящимъ въ палисадникъ. Это опять было большое нарушеніе дисциплины. Къ счастью, въ эту минуту въ учительской находился только „Цапля“—неимоверно худой и длинный нѣмецъ, учитель музыки Herr Це. Скромный нѣмецъ оторопѣлъ при видѣ влетѣвшей толпы „Fräulein“ и скромно отошелъ къ роялю. Луговой, обогнувъ длинную дорожку палисадника, дошелъ почти до воротъ и инстинктивно обернулся. Онъ увидѣлъ у каждаго окна учительской группу головокъ и отчаянныя движенія рукъ, посылавшихъ ему поцѣлуи. Онъ только покачалъ головою и скрылся за воротами. Звонокъ заставилъ дѣвочекъ соскочить съ деревянныхъ скамеекъ, стоявшихъ у оконъ, и быстро вылетѣть вонъ. Снова, пробѣгая передъ ошеломленнымъ учителемъ музыки, онѣ не только не „обмакнулись“, но чуть не свалили его съ ногъ. „Бульдожка“ со всего размаху налетѣла на него и ткнулась головою въ то мѣсто, гдѣ у нѣмца за удобою отсутствовалъ животъ. Нѣмецъ дрогнулъ въ колѣняхъ, едва устоялъ на ногахъ, а рѣзвая стая, кто еще со слезами, кто уже съ хохотомъ отъ пассажа съ „Цаплей“, разлетѣлась по классамъ.

Весь остальной день разговоры вертѣлись на одномъ: „Луговой уходитъ“!

Вечеромъ, кривобокая Салопова шепнула что-то „помѣ-

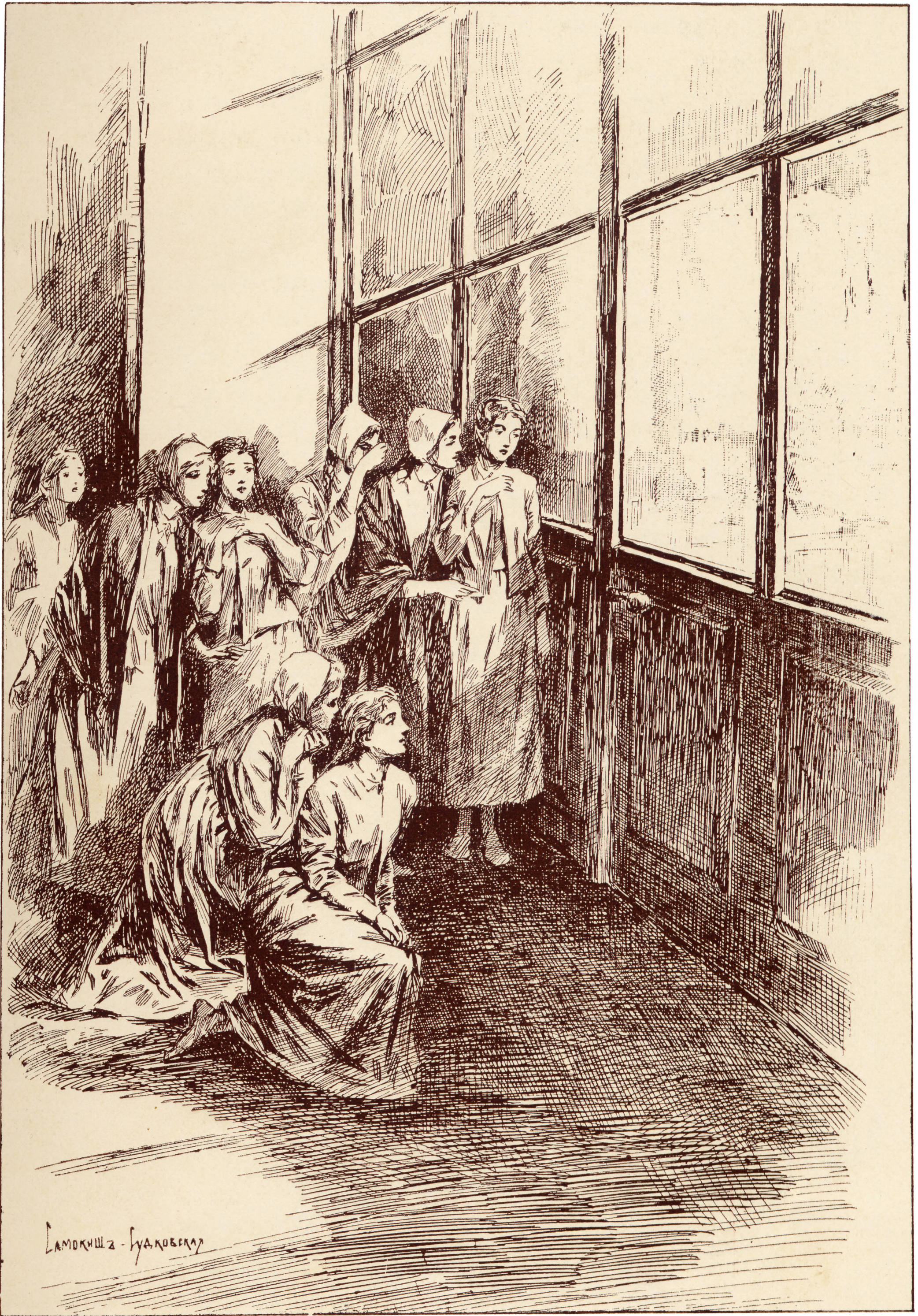
щицѣ“ Петровой, та подозвала еще двухъ-трехъ, наконецъ, интересное совѣщаніе расширилось, и скоро образовалась таинственная группа человѣкъ въ 10—12. Дѣвочки рѣшили ночью идти босикомъ на богомолье. Это была уже совсѣмъ экстренная мѣра помочь горю. Охваченныя религіознымъ рвеніемъ, онѣ не шалили. Ложась въ кровать, „избранныя“ дѣлали другъ другу какіе-то таинственные знаки, обозначающіе предостереженіе: не заснуть. Наконецъ злополучная „Килька“ ушла, повѣривъ на этотъ разъ, что огорченнымъ дѣвочкамъ не до шалостей.

Минуть черезъ десять Салопова встала, а за нею и всѣ собиравшіяся на богомолье. На этотъ разъ не было никакихъ переодѣваній. Всѣ дѣвочки походили на „Красную Шапочку“, исключая того, что были одѣты всѣ въ бѣломъ. У всѣхъ на головѣ былъ чепчикъ изъ довольно грубаго полотна, подвязанный тесемочками подъ подбородкомъ, прямая кофточка, тоже съ тесемочками у ворота, и нижняя короткая бумазейная юбка.

Лѣнивыя, парфешки и трусихи,—потому что были такія, которыя ни за что на свѣтѣ не рѣшились бы пойти ночью въ церковь—лежа на кровати, тихо наблюдали за отрядомъ. Салопова пошла впередъ, за нею остальные по парамъ, какъ монашки. Голыя ножки вступили въ холодный корридоръ, а затѣмъ на каменные плиты церковной площадки.

Въ церковь вели двѣ громадныя двери. Наружныя, глухія только притворялись на ночь, а внутреннія стеклянныя запирались на ключъ. Въ этомъ пространствѣ между дверями и помѣстились богомолки. Сквозь стеклянныя двери онѣ видѣли широкую темную церковь. Два клироса направо и налево. Высокія хоругви по угламъ. Передъ закрытымъ алтаремъ у царскихъ вратъ таинственно мерцали двѣ лампы, освѣщая ликъ Богоматери и Спасителя. Наверху, у Тайной Вечери, какъ звѣздочка въ небесахъ, сіялъ огонекъ въ синей лампадкѣ.

Въ этомъ узкомъ пространствѣ между громадною лѣстницею, погруженною во мракъ, и слабо освѣщенной церковью, дѣвочкамъ казалось, что онѣ отрѣзаны отъ всего

Ламоншица - Буковская

міра. Суевѣрный страхъ предъ чѣмъ-то холоднымъ, неизвѣстнымъ за спиною, чѣмъ-то таинственнымъ передъ лицомъ, заставилъ ихъ горячо молиться, съ тѣмъ религіознымъ экстазомъ, который охватываетъ дѣтей въ 15—16 лѣтъ. И каждая изъ нихъ въ душѣ повторяла одну и ту же наивную молитву:

„Господи, не отними отъ насъ нашего добраго инспектора Владиміра Николаевича Лугового и не допусти къ намъ новаго!“

Чернушка поднялась первая.

— Не могу, медапочки, ноги застыли!—За нею вскочили и другія, только Салопова стояла на колѣняхъ. Ее некрасивый ротъ шепталъ молитвы, костлявая рука замерла на лбу въ крестномъ знаменіи, слезливые глаза свѣтились глубокимъ чувствомъ молитвы и вѣры.

Дѣвочки махнули рукою на Салопову, которая часто простаивала такъ, на церковномъ притворѣ, цѣлыя ночи. Отворивъ двери, онѣ стали выходить на площадку. Кругомъ было темно.

— Душки, я слышу чьи-то шаги!—шепнула вдругъ „Пышка“.—Вся стая богомолокъ шарахнулась въ кучу, какъ испуганныя овцы. На гулкой каменной лѣстницѣ, дѣйствительно, что-то прошуршало. Кто-то слабо вскрикнулъ, и вдругъ вся стая, охваченная паническимъ страхомъ, понеслась въ корридоръ, хватая другъ друга, цѣпляясь за юбки, съ подавленными рыданіями, онѣ влетѣли въ свой дортуаръ.

— Медамъ, медамъ, что съ вами? Чего вы кричите,—посыпались вопросы проснувшихся дѣвочекъ. „Пилигримки“ тряслись и, щелкая зубами, ложились и прятали свои застывшія ноги подъ одѣяла. Когда въ дортуарѣ настала уже тишина, „Чернушка“ потянула тихонько „Пышку“ за одѣяло:

— „Пышка“, ты спишь?

— Нѣтъ еще,—отвѣчала та, тоже шопотомъ,—а тебѣ что?

— „Пышка“, душка, скажи мнѣ, ты ничего не видѣла на лѣстницѣ?

Пышка нагнулась въ промежутокъ между кроватями:

— Знаешь, „Чернушка“, я видѣла „его“, онъ катился шаромъ...

— Ай! ай? ай!—завизжала „Чернушка“, дрянъ этакая, зачѣмъ ты говоришь мнѣ такія страсти!—и, завернувшись одѣяломъ съ головою, свернувшись клубочкомъ, она зашептала: „Да воскреснетъ Богъ“...

На другое утро второй классъ былъ очень разочарованъ. Богомолье не принесло желанныхъ плодовъ. Все шло разъ предназначеннымъ порядкомъ. Классная дама (все еще чужая, за болѣзнью M-me Нотъ) объявила, что второй урокъ (какъ говорилось „классъ“) кончится на полчаса раньше и что до завтрака всѣхъ поведутъ въ залъ прощаться съ Луговымъ и знакомиться съ новымъ инспекторомъ. Впрочемъ, ночныя богомолки не роптали, но только были смущены. Салопова растолковала имъ, что это справедливое наказаніе имъ за ихъ дурное поведеніе: испугъ, крикъ и бѣгство изъ церкви... такую молитву Богъ не принимаетъ.

Первый урокъ былъ сегодня священная исторія. Преподаватель, институтскій духовникъ, отецъ Адріанъ, былъ молодой, видный священникъ; онъ носилъ щегольскую шелковую, лиловую рясу.

Когда онъ вошелъ въ классъ, всѣ встали и пропѣли молитву передъ ученьемъ. Затѣмъ онъ вошелъ на кафедру. Одна изъ дѣвочекъ немедленно подошла къ классной дамѣ:

— Permettez moi de parler avec Monsieur le prêtre.

Затѣмъ, получивъ позволеніе, подошла къ кафедрѣ и начала говорить священнику тихо, какъ на исповѣди.

Въ институтѣ было принято, что если которая изъ дѣвочекъ видѣла „божественный сонъ“ или имѣла видѣніе, то должна была рассказать это батюшкѣ. Чаше всѣхъ рассказывала Салопова. Сны ея были удивительные, длинные и наивные, какъ средневѣковыя легенды. Случалось и такъ, что если классъ не зналъ катехизиса, то Надя Франкъ или Чернушка импровизировали сны и по очереди чуть не весь часъ занимали батюшку своими фантастическими бреднями.

Классъ кончился, дѣвочки окружили отца Адріана.

— Батюшка, вы пойдете сегодня въ залъ смотрѣть новаго инспектора?

— Новый инспекторъ не есть звѣрь диковинный, чтобы

идти смотрѣть на него, я такъ полагаю, а пойти послушать его назидательную рѣчь, я не прочь, ибо, вѣроятно, это человекъ ученый. Вы что-же это?—обратился онъ къ Катѣ Прохоровой, которая съ самымъ серьезнымъ видомъ, нахмутивъ брови, сняла что-то у него съ рукава и отбѣжала въ сторону.

— Батюшка, это Катя Прохорова, такая счастливица, нашла у васъ на рукавѣ длинный волосъ.

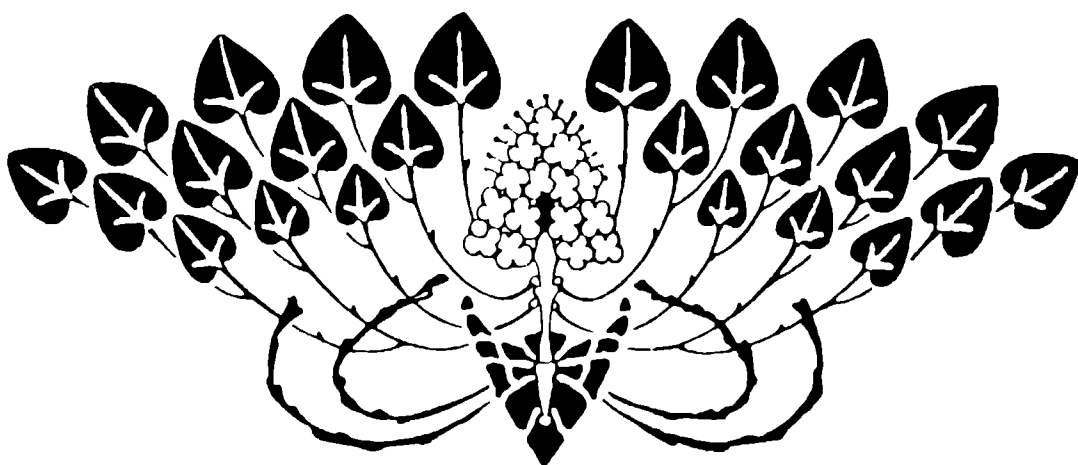
Батюшка засмѣялся.

— А какое же тутъ счастье, коли они у меня лѣзть начинаютъ, и на что дѣвицѣ Прохоровой мой волосъ?

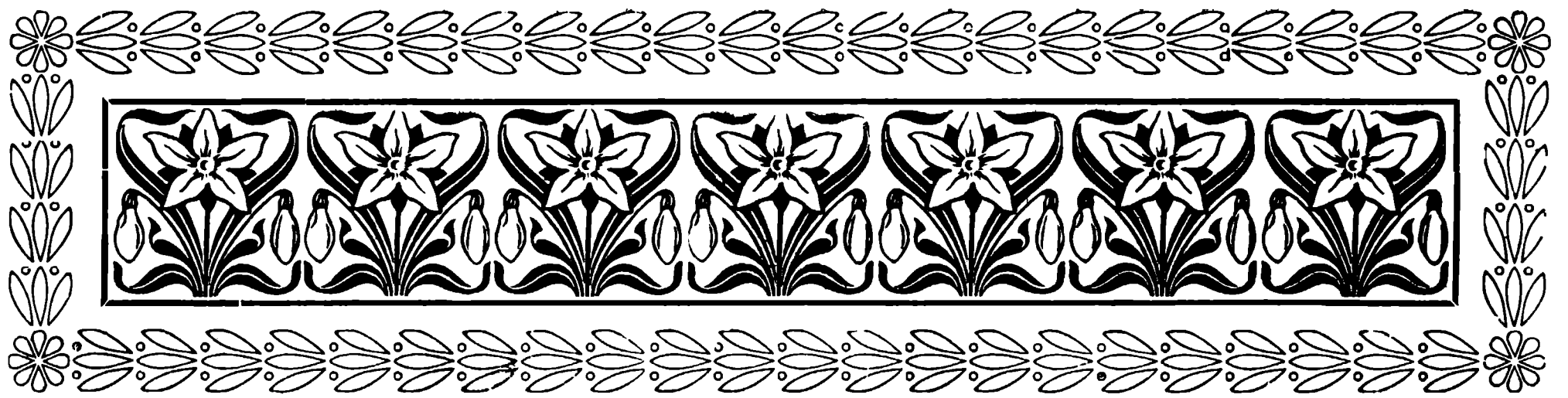
— Какъ на что? Она васъ обожаетъ; у нея ужь цѣлая подушечка вашихъ волосъ собрана, она потомъ себѣ изъ нихъ цѣпочку сдѣлаетъ на шею.

— Нѣтъ ужь, дѣвицы, вы это оставьте; оно, положимъ, волоса-то упавшаго не жаль, да только, того, будто лишнее это все ваше обожаніе; вонъ въ младшемъ классѣ мнѣ недавно Александрова изъ новой рясы клинчикъ на память вырѣзала, такъ ужь и совсѣмъ неподобно. А тоже, говоритъ, обожаю.

Катя Прохорова съ завистью поглядѣла на его рясу; очевидно, въ ней зрѣла мысль отыскать Александрову и цѣною какихъ бы то ни было конфетъ выпросить у нея яркоребристый клинчикъ.

III.

Новый инспекторъ и сказка о принцессѣ съ золотой головкой.

Mesdemoiselles, rangez vous. Rangez vous, mesdemoiselles,—слышалось во второмъ классѣ, и дѣвочки становились по парамъ, чтобы идти въ залъ прощаться со старымъ инспекторомъ и знакомиться съ новымъ.

Второй классъ строился угрюмо и неохотно, пары безпрестанно размыкались, и дѣвочки снова собирались кучками. На общемъ собраніи онѣ рѣшили „травить“ новаго инспектора при первомъ же случаѣ.

— Петрова, наколи себѣ палецъ булавкой или порѣжь немножко—да скорѣе!—шептала маленькая Иванова.

— Зачѣмъ я тебѣ стану свои пальцы рѣзать, вотъ еще выдумала!

— Да, вѣдь, ты другъ Евграфовой, ну, а я ея пара. Евграфову классъ послалъ „выглядѣть“ новаго инспектора, такъ ты понимаешь, что и мнѣ надо „испариться“? Дай мнѣ скорѣй крови на носовой платокъ, я и убѣгу—скажу: кровь идетъ носомъ.

— А-а, для Евграфовой?—хорошо!

Не успѣла Петрова героически ткнуть себя булавкою въ

палець и выдавить изъ него крупную каплю крови, какъ въ классъ влетѣла Евграфова.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ!—шептала она взволнованно,— Матап съ Луговымъ сейчасъ идутъ.

— Ну что, какой онъ?

— Ахъ, душки, это цирюльникъ!

— Какъ цирюльникъ, почему цирюльникъ, откуда ты узнала, что онъ цирюльникъ?

— Ахъ, непременно цирюльникъ; рукава у него короткіе, и держитъ онъ руки точно несетъ тазъ съ мыльной водой...

Какъ мелкіе ручьи впадаютъ въ большое озеро, такъ пара за парой, классъ за классомъ стекался весь институтъ и поглощался громаднымъ рекреационнымъ заломъ. Тамъ, по обѣ стороны, дѣвочки строились рядами, оставляя въ серединѣ пространство, ровное, длинное, какъ корридоръ.

Въ перерывахъ, отдѣлявшихъ классъ отъ класса, стояли „синявки“ и дежурныя „мыши“, то есть классныя дамы, носившія всегда синія платья, и пепиньерки въ форменныхъ сѣрыхъ платьяхъ. Сдержанный гулъ голосовъ наполнилъ высокую комнату.

— Тсъ! тсъ! тсъ!—шипѣли „синявки“.

— Silence!—крикнула, появляясь въ дверяхъ, Корова, въ синемъ шелковомъ платьѣ и „въ сѣдлѣ“, т. е. въ парадной мантильѣ, дѣлавшей ее совершенно горбатой.

Все смолкло, всѣ глаза устремились къ классной двери. Вошли: Матап, Луговой и новый инспекторъ. Это блѣднолицый человѣкъ, средняго роста съ большими свѣтло-сѣрыми глазами, осѣненными темными рѣсницами, съ неправильнымъ, но пріятнымъ и кроткимъ лицомъ, русыми волнистыми волосами, безъ усовъ, въ чиновничьихъ бакенбардахъ котлетами. Онъ производилъ впечатлѣніе весьма вѣжливаго и старательнаго чиновника, но дѣтскій глазъ сразу остановился на нѣсколько короткихъ рукавахъ его виць-мундира и на округленныхъ, неувѣренныхъ жестахъ его рукъ. Кличка „цирюльникъ“ осталась за нимъ.

За торжественнымъ тріо вошелъ батюшка, отецъ Адрианъ, и нѣсколько учителей, затѣмъ двери закрылись.

Мамап прошла во всю длину залы, и каждый классъ присѣдалъ передъ нею съ общимъ ровнымъ жужжаніемъ:

— Nous avons l'honneur de vous saluer, Mamaп.

Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ класснымъ дамамъ, сдѣлавъ кое-какія замѣчанія, Мамап остановилась посреди залы.

— Mesdemoiselles, нашъ многоуважаемый инспекторъ Владиміръ Николаевичъ Луговой покидаетъ насъ. Здоровье не позволяетъ ему болѣе занимать эту должность. На его мѣсто поступаетъ къ намъ новый инспекторъ Викторъ Матвѣевичъ Минаевъ. Я надѣюсь, что подъ руководствомъ новаго инспектора ваши занятія пойдутъ такъ же успѣшно, какъ и при прежнемъ, а лѣнивыя должны стараться не дать себя угадать и впредь получать лучшіе баллы. Отъ сегодняшняго дня всѣ классные журналы будетъ просматривать Викторъ Матвѣевичъ Минаевъ.

Всю эту маленькую рѣчь мамап проговорила по-французски и затѣмъ, утомленная, опустилась въ кресло.

— Mesdemoiselles, remerciez M-r Луговой, — зашептали „синявки“ и „мыши“.

— Nous vous remercions, Monsieur l'inspecteur.

Глаза многихъ дѣвочекъ старшихъ классовъ были полны слезъ и голоса ихъ дрожали при произнесеніи холодной казенной фразы.

Луговой обратился къ дѣвочкамъ; рѣчь его была проста и сердечна. Онъ сказалъ, что знаетъ не только массу, составляющую институтъ, но въ старшихъ классахъ, выросшихъ при немъ, и каждую дѣвочку отдѣльно. Онъ доволенъ былъ всегда общимъ уровнемъ дѣвочекъ, но были многія, которыя могли сдѣлать гораздо больше, чѣмъ хотѣли, вотъ къ этимъ-то нѣкоторымъ, называть которыхъ онъ не хочетъ, онъ и обращается, чтобы онѣ не обманули его надеждъ, что издали, до самаго выпуска третьяго класса (старшаго курса), онъ будетъ слѣдить за успѣхами своихъ бывшихъ воспитанницъ.

Послѣ Лугового сказалъ свою рѣчь Минаевъ. Онъ го-

вориль, очевидно, приготовившись, цвѣтисто и длинно, но рѣчь его, какъ и вся фигура, оставили на всѣхъ впечатлѣніе чего-то расплывчатаго, нерѣшительнаго. Послѣ нихъ, уже безъ всякаго повода, началъ рѣчь и отецъ Адріанъ. Онъ говорилъ о вредѣ своеволия и о пользѣ послушанія. Очевидно, со стороны старшихъ дѣвочекъ побаивались какой-нибудь демонстраціи и заранѣе старались обуздать ихъ.

За каждой рѣчью, дѣвочки, какъ манекены, присѣдали, тоскливо ожидая: когда же конецъ?

Наконецъ Матап, подъ руку съ Луговымъ, выплыла изъ залы. Минаевъ пошелъ съ священникомъ, учителя за ними, и дѣвочки, выстроившись парами, спустились боковою лѣстницею внизъ и снова длиннымъ ручьемъ перелились изъ залы въ столовую.

— Опять пироги съ картофелемъ? Вотъ гадость! Кто хочетъ со мной мѣняться на булку вечеромъ?—спрашивала Вихорева, держа въ рукѣ тяжелый плотный пирогъ съ начинкою изъ тертаго картофеля съ лукомъ.

— Я хочу!—закричала Постникова, „обожавшая“ всякіе пироги,—я его къ вечеру спрячу и буду ѣсть съ чаемъ, а ты бери мою булку.

— Душки, сегодня у насъ въ дортуарѣ печка топилась, кто пойдетъ хлѣбъ сушить?

— Я, я, я, пойду!—отвѣчали голоса.

— Такъ положите и мой, и мой, и мой,—раздалось со всѣхъ концовъ большого обѣденнаго стола.

— Хорошо, только пусть отъ стола каждая сама несетъ свой хлѣбъ въ карманѣ,—отвѣчали вызвавшіяся нести.

— Ну, конечно!

— Иванова, смотри: я свой хлѣбъ крупно посолою съ обѣихъ сторонъ.

— Хорошо.

— А я отрѣжу верхнюю корочку у всѣхъ моихъ кусковъ.

— А я нижнюю.

— А я уголки.

— Mesdames, уговоръ, чтобы у всѣхъ хлѣбъ былъ отмѣченъ, тогда не будетъ никогда споровъ при разборкѣ су-

харей.—И всѣ отмѣтили свои куски. Хлѣбъ, не завернувъ ни во что, клали прямо по карманамъ, съ носовымъ платкомъ, перочиннымъ ножомъ и другимъ обиходомъ. Затѣмъ, въ дортуарѣ, хлѣбъ этотъ наваливался въ отдушникъ, на вьюшки, прикрывавшія трубу, и къ вечеру онъ обыкновенно высушивался въ сухарь. Дѣти грызли его съ вечернимъ чаемъ, или даже просто съ водою изъ-подъ крана.

Нельзя сказать, чтобы дѣти голодали; ихъ кормили достаточно, но грубо и крайне однообразно; вотъ почему онѣ и прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы только выйти изъ наскучившей имъ рутины.

— Ну и рѣчь сказалъ Минаевъ! Ты замѣтила, какъ онъ странно говоритъ?—спросила Евграфова своего друга Петрову.

— Замѣтила, у него языкъ великъ для рта: плохо вертится.

— Петрова, вы говорите глупости,—замѣтила ей Салопова. Богъ никогда не создастъ языка больше, чѣмъ можетъ помѣститься во рту. Промыселъ Божій...

— Ну, поѣхала наша святоша... довольно, Салопова, а то опять нагрѣшишь и станешь всю ночь отбивать поклоны... Онъ, душки, просто манерничаетъ и потому мажетъ слова,—рѣшила Чернушка.

— Ну, теперь синявка Иверсонъ все платье обошьетъ себѣ новыми бантиками, вѣдь она за всѣми холостыми учителями ухаживаетъ.

— А ты почему знаешь, что онъ холостой?

— А кольцо то гдѣ?—я глядѣла, кольца у него нѣтъ!

— Вотъ смотри, еще на которойнибудь изъ нашихъ выпускныхъ женится.

— Ну да, такъ за него и пойдутъ! Тамъ всѣ Лугового обожали, ни одна не захочетъ ему измѣнить.

Словомъ, когда послѣ завтрака шли обратно въ классы, на большую перемѣну, во всѣхъ парахъ только и было разговору, что о новомъ инспекторѣ.

Войдя въ свой корридоръ, второй классъ вдругъ оживился и обрадовался: оказалось, что у нихъ въ классѣ, за легкой балюстрадой, отдѣлявшей глубину комнаты, расхажи-

валъ учитель физики и естественной исторіи Степановъ. Учитель этотъ былъ тоже общій любимецъ: молодой человѣкъ, неимоверно худой и длинный, „изъ породы голенастыхъ“, какъ говорили дѣвочки, огненно рыжій, съ громаднымъ ртомъ, бѣлыми крѣпкими зубами и сѣрыми веселыми глазами. Преподавалъ онъ отлично. Самыя тупыя понимали его, лѣнивыя интересовались его опытами, потому что онъ самъ любилъ свой предметъ, а главное, во время урока былъ всегда оживленъ и, чуть замѣтитъ сонное или разсѣянное личико, немедленно вызоветъ или хоть окликнетъ. Пересыпая шутками и остротами свое изложеніе, онъ все время поддерживалъ вниманіе дѣвочекъ. Потомъ, съ нимъ можно было улаживаться „на честь“. Дѣвочки иногда подкладывали ему въ журналъ бумажку, гдѣ подъ четкой надписью „не вызывать“ значились фамиліи тѣхъ, которыя не выучили урока, съ помѣткою: „обѣщаются знать къ слѣдующему разу“, и онъ не вызывалъ ихъ, но долговъ не прощаль. Память у него была хорошая. На слѣдующій разъ, или черезъ два-три урока, онъ все-таки вызывалъ отказавшихся, спрашивалъ просроченный урокъ и безъ пощады влѣплялъ „незнавшей“ круглый нуль. Кромѣ того онъ ставилъ еще баллы „на глазъ“, и опять-таки безошибочно. Какая-нибудь дѣвочка, прозѣвавшая весь часъ или читавшая какой-нибудь романъ, держа незамѣтно книжку подъ пюпитромъ, вдругъ узнавала къ своему ужасу, что Степановъ поставилъ ей во всю клѣтку нуль.

— Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! Вы нечаянно въ мою клѣтку отмѣтку поставили, вѣдь меня не вызывали. За что же?

— Какъ же я смѣлъ васъ тревожить, вѣдь вы книжку читали,—отвѣчалъ онъ совершенно серьезно.—Нуль я поставилъ вамъ за невниманіе, мы его переправимъ, какъ только вы снова станете присутствовать въ классѣ и слѣдить за уроками.—И переправлялъ, если того заслуживали. Весною и ранней осенью онъ хоть одинъ разъ въ недѣлю бралъ дѣтей въ садъ, чѣмъ тоже доставлялъ имъ громадное удовольствіе. Дѣти въ хорошую погоду уже встрѣчали его крикомъ: „Сегодня по способу перипатетиковъ?“, и онъ веселымъ баскомъ

отвѣчалъ: „Будемъ послѣдователями школы перипатетиковъ!“ Бывало и такъ, что онъ приносилъ въ классъ угощеніе, т. е. сухого гороху, бобовъ, овса, разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, все въ отдѣльныхъ фунтикахъ; онъ передавалъ гостинцы дѣвочкамъ, объявляя громко:— „Слушайте и кушайте, изучайте и вкушайте“—и дѣвочки слушали, изучали и усердно жевали весь классъ. Словомъ, это былъ баловникъ и забавникъ и въ то же время образцовый учитель. Экзамены по его предметамъ сходили безъ фальши и безъ запинки.

Заставъ Степанова убирающимъ „физическій кабинетъ“, дѣти остановились у балюстрады.

— Павелъ Ивановичъ, пустите меня къ себѣ помогать! Пустите меня!—просились многія.

— Васъ?—обратился онъ къ „Пышкѣ“,—а кто у меня стащилъ ртуть въ послѣдній разъ?

— Я?—Никогда не брала!

— Не брали?—ну смотрите мнѣ въ глаза—не брали?

— Немножко...—тихонько отвѣчала дѣвочка, краснѣя.

— Ну, то-то, языкъ лжетъ, а глаза не умѣютъ!

— Васъ?—говорилъ онъ другой;—да вѣдь вы наивная дѣвица: колбы отъ реторты отличить не умѣете, нѣтъ, вы сперва учитесь у меня хорошо, тогда и за загородку попадете. Вы, господинъ „лицарь“, пожалуйста!—пригласилъ онъ Баярда.—Вы, „Головешечка“, ступайте—позвалъ онъ Чернушку.—Вы „Шотландская королева“—обратился онъ къ стройной, серьезной Шкотъ, удостойте.—А вы, ангелъ Божій, отойдите съ миромъ, а не то все крыльями перебьете—отстранилъ онъ Солопову. Дѣвочки хохотали; имъ нравилось, что онъ зналъ всѣ ихъ прозвища.

— Почтенное стадо, гдѣ же твой синій пастухъ?

— У насъ все еще чужеземка, она къ себѣ „вознеслась *).“

— Хорошо сдѣлала; еслибъ я могъ вознестись тоже до какого-нибудь завтрака, то былъ бы очень доволенъ.

---

*) „Возносился“ тотъ, кто жилъ на верху, а кто жилъ внизу, тотъ „закатывался“.

— Павелъ Ивановичъ, хотите пирога?—предложила ему Постникова, жертвуя вымѣненнымъ пирогомъ для любимаго учителя.

— А съ чѣмъ!

— Съ картофелемъ и лукомъ, вкусно!

— Рѣдкое кушанье, давайте!

Дѣвочка вытащила изъ кармана свое угощеніе. Степановъ взялъ его и спокойно въ три глотка справился съ нимъ.

— Ну, барышни, теперь воды,—попросилъ онъ,— а то я чувствую, что „элементъ“ не проходитъ.

Дѣвочки бросились въ конецъ класса и чуть не передрались за удовольствіе подать ему кружку воды.

— Минаевъ! Минаевъ!—закричали въ корридорѣ. Дѣвочки сразу смолкли, насупились и молча, недоброжелательно глядѣли на дверь.

Вошелъ Минаевъ; на лицѣ его было искательное, ласковое выраженіе. Онъ былъ смущенъ, такъ какъ чувствовалъ глухую оппозицію и еще не опредѣлилъ ясно, какъ держать себя. Онъ поздоровался со Степановымъ, который сразу понялъ положеніе и пошелъ ему на помощь.

— Милости просимъ, пожалуйста въ нашъ „физическій кабинетъ“, тѣсновато у насъ, да и не богато, а посмотрѣть не мѣшаетъ.

Минаевъ радъ былъ выбратъся за загородку изъ толпы дѣвочекъ, разглядывавшихъ его безцеремонно и недружелюбно. Войдя туда, онъ однако обратился къ классу.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ онъ Евграфову, стоявшую ближе всѣхъ.

— Иванова,—отвѣтила она безъ запинки.

Дѣвочки переглянулись. Начиналась травля.

— Ваша фамилія?—спросилъ онъ Кутузову.

— Александрова.

Итакъ подрядъ у двадцати дѣвочекъ, дерзко столпившихся кругомъ балюстрады, оказались именныя фамиліи, весь классъ состоялъ изъ Ивановыхъ, Николаевыхъ и Александровыхъ. Высокій лобъ инспектора покрылся краскою, онъ взгля-

нулъ на учителя; тотъ щипаль свою козлиную бородку и молча, серьезно глядѣлъ на дѣвочекъ.

— Ваша фамилія?—спросилъ инспекторъ, глядя въ упоръ на „Баярда“.

— Франкъ,—отвѣтила дѣвочка отчетливо и громко. Инспекторъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Вы изъ Курляндіи?—я тамъ слыхалъ эту фамилію.

— Да, дѣдъ оттуда.

— А какъ ваше имя?

— Надя,—наивно отвѣчала дѣвушка.

Инспекторъ улыбнулся.

— А ваша фамилія?

— Шкотъ.

— Кто вашъ отецъ?

— Отецъ мой умеръ давно. Меня воспитываетъ мой дѣдъ, адмиралъ Шкотъ.

Минаевъ повеселѣлъ. Эти простые, ясные отвѣты успокоили его нервы; онъ почувствовалъ, что своимъ хладнокровіемъ одержалъ побѣду надъ дѣтскою тупою злобой. Поговоривъ еще съ учителемъ, пообѣщавъ ему выписать новые аппараты, онъ просто и вѣжливо поклонился дѣвочкамъ и ушелъ.

Франкъ была спокойна. Еслибы она сказала свою фамилію послѣ Шкотъ, то всѣ назвали бы ее „подлой обезьяной“, но вышло наоборотъ. Поведеніе Шкотъ, считавшейся въ классѣ авторитетомъ порядочности, подчеркивало и уясняло всѣмъ справедливость ея поступка. Послѣ ухода инспектора, многія пробовали обидѣться, слышались насмѣшки, угрозы, но партія была не ровная: сила оказалась за рѣшеткою, на сторонѣ меньшинства.

Степановъ поглядѣлъ на всѣхъ и сказалъ только: „Стыдно и не остроумно!“.

Шкотъ холодно и въ упоръ бросила горячившейся Бульдожкѣ: „дѣвчонка“,—а Франкъ, какъ всегда, вспылила и перехватила черезъ край:

— И буду, и буду обожать Минаева! Да, вотъ такъ и знайте, съ сегодняшняго дня я обожаю Минаева, отвѣчаю на

Е. Самокишъ & Гудковича. —

его вопросы, держу для него мѣль въ розовыхъ юбкахъ, бумагу съ незабудкою и все и все, какъ надо.

Степановъ хохоталъ, глядя, какъ у рыженькаго Баярда отъ волненія прыгали за плечами косы. Его тоже, вѣроятно, обожалъ кто-нибудь, потому что и для него концы тонкихъ мелковъ пышно обертывались розовымъ кляксъ-папиромъ и бумага для какихъ-нибудь записокъ также появлялась всегда съ незабудкою.

Классъ все-таки перессорился, но поведеніе Минаева пристыдило многихъ. Онъ не побѣжалъ „съ языкомъ“ къ Матап, но, напротивъ, пришелъ еще разъ во второй классъ, самъ взялъ съ кафедры журналъ и сдѣлалъ перекличку. Каждую вызванную дѣвочку онъ оглядѣлъ серьезнымъ взглядомъ и запомнилъ почти всѣхъ.

Вечеромъ, моя подъ краномъ умывальника шею, Шкотъ сказала тихо Франкъ:—„Приходи сегодня ко мнѣ на кровать“. Франкъ радостно кивнула головой. „Прийти на кровать“ дозволялось только друзьямъ. Хозяйка лежала подъ одѣяломъ, а гостя, одѣтая въ кофту и юбочку, забиралась съ ногами на кровать, и между ними велась откровенная бесѣда.

Франкъ хорошо рассказывала сказки, и потому къ ней „на кровать“ часто собирались гости, но Шкотъ вообще держалась особнякомъ. Дѣтство ея по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ прошло въ Шотландіи; поступивъ 12 лѣтъ въ институтъ, она сразу заняла первое мѣсто, какъ по наукамъ, такъ и по уваженію среди своего класса. Всѣ одноклассницы говорили другъ другу ты, но рѣдкая изъ нихъ не сбивалась на вы, говоря съ нею. Богатая и гордая дѣвушка никого въ классѣ не удостоивала своею особою дружбою. Она ни отъ кого ничего не принимала и ни съ кѣмъ не дѣлилась гостинцами. То, что оставалось у нея, она отдавала горничной. Весь классъ относился къ ней съ особеннымъ почтеніемъ, больше всего изъ-за того, что „у нея были свои убѣжденія“. Что собственно обозначала эта фраза—никто, конечно, не зналъ. Въ одну изъ институтскихъ „исторій“ она сама сказала это, и весь классъ проникся глубокимъ уваженіемъ и вѣрою въ то, что у Шкотъ есть „свои убѣжденія“.

Классная дама ушла, перессорившимся дѣвочкамъ ничего не оставалось, какъ спать, въ дортуарѣ скоро настала полная тишина. Только Салопова въ своемъ „промежуткѣ“ била поклоны, стоя на голомъ полу босикомъ, въ одной рубашкѣ, да Евграфова съ Петровой, сосѣдки по кроватямъ, поставили въ свой промежутокъ между кроватями табуретъ, на него деревенскій мѣшечекъ съ сушеной малиной и жевали ее, лѣниво переговариваясь. Франкъ явилась въ гости къ Шкотъ и чинно усѣлась у нея съ ногами на одѣяло.

— Ты отчего Минаеву сказала прямо свою фамилію?— спросила хозяйка гостью.

— Не знаю, стыдно стало, языкъ не повернулся.

— Такъ! — А зачѣмъ ты себя назвала не Надеждой, а Надей?

— Да, вотъ это не хорошо, не подумала!

— Тебѣ 15 лѣтъ, а ты не знаешь даже, что нельзя называть себя, какъ ребенокъ: Надя.

— Ахъ, хорошо тебѣ говорить, ты всегда знаешь, какъ себя держать, потому что у тебя есть свои убѣжденія, а мнѣ гдѣ ихъ взять?—отвѣчала грустно Франкъ.

— Не говори пустяковъ, всякій долженъ знать, какъ себя вести. Расскажи мнѣ лучше сказку, только волшебную, хорошую.

— Ахъ, хорошо, постойте, Шкотъ, я расскажу вамъ сказку, которую никогда никому не рассказывала...

„Далеко, на самомъ берегу синяго моря стояла высокая скала, а на ней, какъ орлиное гнѣздо, лѣпился большой волшебный замокъ. Въ этомъ замкѣ жила молодая принцесса, окруженная многочисленнымъ штатомъ—мамками, няньками. Ни отца, ни матери у нея не было. По годамъ ей давно была бы пора сдѣлаться самостоятельною, а она все еще ходила на помочахъ. Причина этому была совсѣмъ особенная. Принцесса никогда не могла быть самостоятельною. У принцессы была голова золотая, сердце брильянтовое, руки мочальныя и ноги глиняныя. Мысли ея были возвышенныя, сердце влекло ее ко всему прекрасному; она была такъ отзывчива и чутка, что нерѣдко понимала, о чемъ вѣтеръ ше-

лестить въ деревьяхъ, о чемъ бабочки шепчутся съ цвѣтами и въ то же время была непрактична и, благодаря глинянымъ ногамъ, дѣлала самые фальшивые шаги. Она ничего не могла удержать, деньги такъ и сыпались у нея изъ мочальныхъ рукъ, и это было такъ глупо, что даже тѣ, которые подбирали ихъ, смѣялись надъ нею и называли ее глупою и хвастуньей. Люди, которые жили въ деревнѣ у подножія скалы, особенно ѣдко и больно насмѣхались надъ нею, а иногда обвиняли ее. Видя ея золотую голову и брильянтовое сердце, они многого ожидали отъ нея, они вѣрили въ ея силу и могущество и на этомъ строили планы собственнаго благополучія, но какъ только они убѣждались, что она не можетъ отколоть куска золота отъ своей головы или выдавить брильянтъ изъ своего сердца, они разочаровывались въ ней, обвиняли ее во лжи, обманѣ, толковали въ дурную сторону всѣ ея поступки и, такъ какъ дѣйствительно она часто со своими мочальными руками и глиняными ногами бывала смѣшна и поступала не такъ, какъ всѣ люди, то многіе и вѣрили всему, что говорили о ней дурного. А принцесса плакала, грустила, простирала къ небу свои безсильныя руки и продолжала идти въ жизни невѣрными, колеблющимися шагами.

Время отъ времени принцессѣ казалось, что и она можетъ быть счастлива, но ея счастье было призрачно. Время отъ времени у подошвы скалы звучалъ рогъ, возвѣщавшій пріѣздъ какого-нибудь сосѣдняго рыцаря. Изъ замка черезъ ровъ съ грохотомъ спускался тяжелый подъемный мостъ. Пажи и слуги спѣшили навстрѣчу гостю. Мамки, няньки бросались наряжать принцессу, нашептывая ей о женихѣ.

И всегда, всегда всѣ подобные пріѣзды кончались одинаково!

Рыцаря вводили въ роскошный залъ, гдѣ по стѣнамъ висѣли щиты и шлемы предковъ принцессы, а сама она сидѣла въ золоченомъ креслѣ. Принцесса привѣтствовала рыцаря, и голосъ ея очаровывалъ, какъ звукъ арфы. Принцесса глядѣла, и глаза ея были тихи и ясны, какъ лѣсныя фіалки. Принцесса смѣялась, и смѣхъ ея былъ нѣжнѣе воркованья горлицы.

Рыцарь забывалъ всѣ слухи, ходившіе про принцессу, онъ пѣлъ ей баллады, рассказывалъ о крестовыхъ походахъ и подъ ея балкономъ устраивалъ турниры.

Принцесса чувствовала себя счастливой и сильной и, уносясь въ мечтахъ, обѣщала ему не только идти съ нимъ ровнымъ шагомъ по жизненному пути, но еще и поддерживать его въ трудныя минуты.

Въ замкѣ готовились къ свадьбѣ, и не было человѣка, начиная отъ замковаго министра до послѣдняго поваренка на кухнѣ, который не ждалъ бы себѣ выгоды и пользы отъ этого брака. Всѣ просили чего нибудь, а принцесса, счастливая, обѣщала все—даже то, чего она и не могла бы никогда исполнить. Наканунѣ свадьбы всѣ приближенные собирались въ замокъ и каждый униженно, въ льстивыхъ выраженіяхъ просилъ обѣщанное. Принцесса раздавала деньги, раздавала подарки, мѣста, назначенія, ордена, и чѣмъ больше она давала, тѣмъ больше отъ нея требовали. Руки ея были до того слабы, что то, что она протягивала одному, у нея по дорогѣ выхватывалъ другой, тяжелыя вещи падали у нея изъ рукъ и разбивались, ноги ея спотыкались и шаги были такіе невѣрные, что вмѣсто того, чтобы подойти къ вельможамъ, она подходила къ дворцовымъ сторожамъ, и кругомъ снова начали смѣяться и осуждать ее. Всѣ были недовольны --а принцесса, видя себя непонятой, осмѣянной и обиженной, начала горько плакать, жаловаться на судьбу и послала за своимъ женихомъ. Рыцарь вошелъ, придворные разступились, принцесса бросилась къ своему избраннику, но глиняныя ноги ея споткнулись, и она чуть не упала; она хотѣла схватить его шею руками, но руки ея махнули только около его лица и упали, какъ плети. Первое движеніе рыцаря было подхватить ее на руки, прижать золотую головку къ своему сердцу и успокоить ее, но маленькій поваренокъ, протиснувшись впереди всѣхъ, визгливо крикнулъ: „Эхъ ты, лыцарьша съ глиняными ногами, обѣщала мнѣ живую лошадь, а дала деревянную!“. А за поваренкомъ подхватили всѣ и въ общемъ шумѣ только и слышалъ рыцарь: „Хвастунья“ — весь свѣтъ осчастливить хочетъ, а стакана воды раненому въ рукахъ не донесетъ.

Лгунья — обѣщаетъ весь свѣтъ обойти, чтобы каждому достать: что только онъ просить, а сама трехъ шаговъ не сдѣлаетъ, чтобы не споткнуться“. Рыцарь слышалъ всѣ эти рѣчи и думалъ: „Голосъ народа — голосъ Божій. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ эта золотая принцесса съ фіалковыми глазами — простая интригантка. Что мнѣ съ ея золотою головою, съ ея брильянтовымъ сердцемъ, когда этого люди не замѣчаютъ? вотъ ея мочальныя руки, ея глиняныя ноги видятъ всѣ и всѣ смѣются надъ нею“.

Рыцарь сталъ говорить съ нею холодно, разсудительно и такъ умно совѣтовалъ ей — „перемѣнить“ или „исправить“ свои ноги и руки. Бѣдная принцесса плакала, страдала, но перемѣнить руки и ноги не могла, потому что она родилась съ ними.

Такъ было съ первымъ женихомъ, такъ было со вторымъ, такъ случилось и съ третьимъ, а третьяго, чернокудраго, статнаго и, казалось, такого добраго рыцаря принцесса полюбила — но и онъ тоже сталъ просить ее „исправиться“, но не предлагалъ ей беречь и любить и понемногу лечить ея бѣдныя руки и ноги. Этого никто не бралъ на себя!

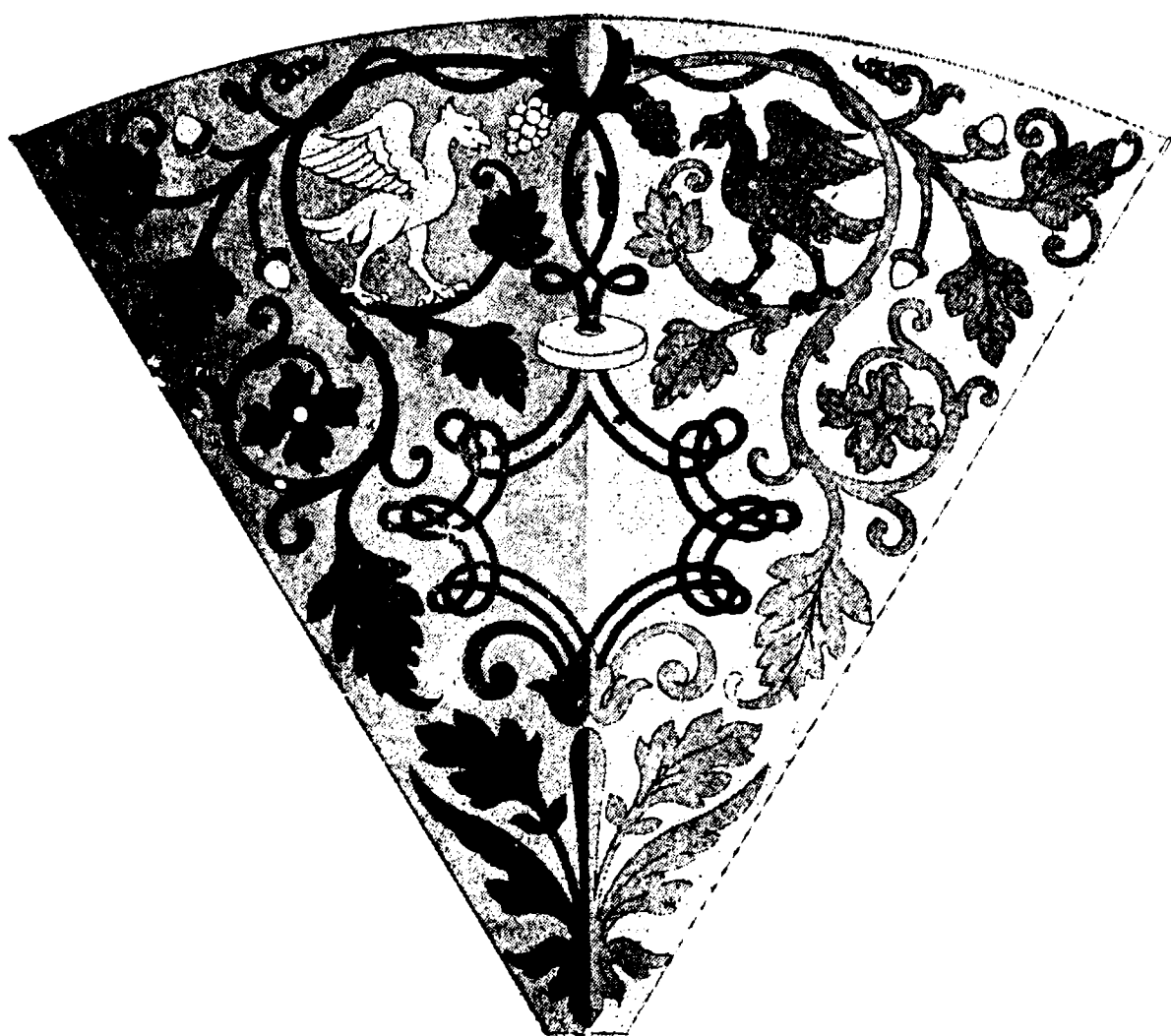
„На что мнѣ моя золотая голова — когда у меня нѣтъ здоровыхъ ногъ, на которыхъ я могла бы догнать уходящаго чернокудраго рыцаря. На что мнѣ мое брильянтовое сердце, когда нѣтъ у меня цѣпкихъ рукъ, чтобы охватить шею любимаго и удержать его у себя. Зачѣмъ я вся — лучше и хуже людей, а не такая, какъ всѣ“. Такъ сказала принцесса, взбѣжала на самую верхнюю башню замка и оттуда, взглянувъ на дорогу, увидѣла въ послѣдній разъ вороного коня и на немъ чернокудраго рыцаря. „Прощай, рыцарь!“ — крикнула она ему и бросилась съ башни.

Разбилась въ прахъ золотая голова, въ алмазную пыль превратилось брильянтовое сердце; люди, жившіе внизу, сбѣжались, чтобы воспользоваться хоть кусочкомъ золота или осколкомъ брильянта, и не нашли ничего. Не нашли ничего и снова бранили бѣдную умершую принцессу: подѣломъ ей;

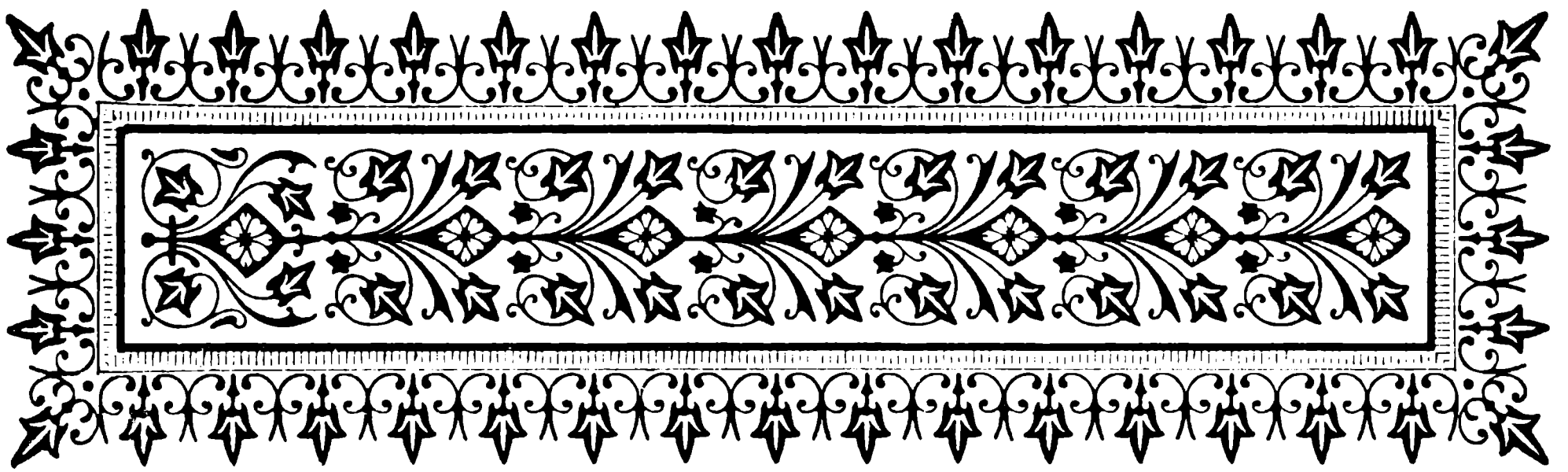
человѣкъ, который такъ не похожъ на всѣхъ другихъ, не долженъ жить на свѣтѣ!“

— Странная сказка,—сказала Шкотъ, выслушавъ сказку,—откуда ты ее выкопала?

— Это Андрюша, мой братъ, сочинилъ ее и принесъ мнѣ написанную, а я выучила ее наизусть.

IV.

Новенькая.—Украденная ложка.

Какъ въ дѣтскомъ калейдоскопѣ сотни стеклышекъ самой разнообразной формы и величины, сбѣгаясь беспорядочнымъ потокомъ, составляютъ всѣ тѣ же правильные рисунки, такъ и институтская жизнь бѣжала, на видъ полная волненій и шума, и складывалась все въ тѣ же утомительно однообразныя рамки.

Чужеземка отбыла срокъ своей ссылки „въ мѣста не столь отдаленныя“, т. е. во второй классъ, и вернулась на родину къ „кофулькамъ“, гдѣ за нее пока справлялась дежурная мышь.

М-ле Ноть, желтая, худая, съ видомъ тоскующаго попугая, снова дежурила у вторыхъ—и вполне заслуживала того, чтобы ей, какъ набожной католичкѣ, дежурства эти сочлись „чистилищемъ“. Шумъ и гамъ тараторившихъ дѣвочекъ мучительно билъ ее по нервамъ, но едва она обращала на которую-нибудь свои умоляющіе, безцвѣтные глаза, какъ дѣвочка вскакивала съ вопросомъ:

— Mademoiselle, васъ тошнить?

И три, четыре другихъ, сорвавшись съ мѣста, бѣжали за водой, повторяя: M-me Ноть тошнить!

— Съ чего вы взяли?—спрашивала съ раздраженіемъ классная дама.

— Ахъ, M-me, васъ непременно тошнить, это видно по лицу,—вы вышли бы!

Минаевъ, мало-по-малу, спокойной, но твердой рукой стягивалъ бразды правленія, и дѣвочки начинали держать себя съ нимъ вѣжливо, хотя все еще съ подавленнымъ недоброжелательствомъ.

Надя Франкъ торжествовала. Шкотъ, хотя и не одарила ее своею дружбою, но „приблизила“ къ себѣ. Франкъ читала ей громко Бѣлинскаго и хотя понимала въ книгѣ только общія мѣста, все-таки гордилась, что читаетъ „серьезную книгу“. Съ инспекторомъ у нея установились курьезныя отношенія. Дѣвочка „покровительствовала“ ему, и ея веселый голосокъ, кричавшій ему при всякой встрѣчѣ: „Bonjour, Monsieur“, ея предупредительность подать ему въ классѣ во-время журналъ, мѣлъ или карандашъ, не разъ выручала его отъ умышленной неповоротливости другихъ. Приводя въ порядокъ шкафы съ жалкою институтскою библіотекою, онъ назначилъ къ себѣ въ помощницы Франкъ и Ермолову изъ старшаго (перваго) класса. Ермолова, „изъ парфешекъ“, жеманно, но безучастно сортировала книги и записывала авторовъ. Надя Франкъ относилась къ книгамъ съ какимъ-то жаднымъ трепетомъ; ей хотѣлось бы ихъ всѣ унести къ себѣ и читать хоть по ночамъ; она задерживала работу, потому что безпрестанно развертывала книги, перелистывала ихъ, читала отрывками и обращалась къ Минаеву съ тысячью вопросовъ. Минаевъ отвѣчалъ охотно, и отвѣты его большею частью удовлетворяли дѣвочку. Разъ, открывъ широко свои сѣрые глаза, она подошла къ нему близко и, глядя въ упоръ, сказала съ восхищеніемъ:

— Я никогда, никогда не предполагала, что вы такой умный!

— Почему?—спросилъ ее Минаевъ.

— Не знаю, вы выглядите такимъ...—дѣвочка чуть не

сказала „цирюльникомъ“, но покраснѣла, опомнилась и добавила: „тихоней“.

Минаевъ разсмѣялся; его вообще забавляла безыскусственная, переполненная институтскимъ жаргономъ, болтовня дѣвочки. Часто изъ ея мѣткихъ словъ онъ составлялъ себѣ ясную картину отношеній между дѣтьми и учителями и мало-по-малу разбирался въ лабиринтѣ характеровъ и событій.

Второй классъ уже недѣлю какъ ждалъ событія: имъ было объявлено о поступленіи „новенькой“. Это было новостью, выходящей изъ ряда,—никто не запомнить, чтобы поступали въ институтъ прямо въ „зеленое“ отдѣленіе,—а тутъ меньше чѣмъ на полтора года, потому что уже подходила весна, время близилось къ каникуламъ, а значить, и къ выпуску старшаго класса, на мѣсто котораго передвигался второй.

Въ одно изъ воскресеній, во время приѣма родныхъ, въ залъ вошли высокій, худой старикъ-генералъ и съ нимъ подъ руку молодая, красивая и очень нарядная дама; передъ ними выступали два мальчика, прелестные, какъ средневѣковые пажи. Длинные бѣлокурые локоны ихъ ложились на широкіе воротники желтыхъ кружевъ; черныя бархатныя курточки, короткіе, такіе же, панталоны буфами, черныя чулки и башмаки съ большими пряжками дополняли изящный костюмъ. Рядомъ съ ними шла дѣвочка лѣтъ 15—16, въ блѣдно-зеленомъ, легкомъ, шелковомъ платьѣ съ массою мелкихъ зеленыхъ лентъ, разлетавшихся у пояса, на плечахъ, у связанныхъ пучкомъ длинныхъ, свѣтло-пепельныхъ волосъ. Необыкновенно изящная дѣвочка была бѣлокура и нѣжна, какъ ундина.

Эта семья обратила на себя общее вниманіе, разговоры смолкли, родственники и воспитанницы съ любопытствомъ разглядывали гостей,—а гости ходили по залу между скамеекъ такъ же спокойно, какъ если бы они гуляли одни въ полѣ; мальчики смѣялись, дѣвочка громко болтала съ ними по-французски.

Дежурныя „синявки“ вдругъ стали тревожно оправлять свои воротнички и рукавчики, „мыши“ побѣжали къ входной двери и встрѣтили Матап.

Матап вошла въ дорогомъ синемъ шелковомъ платьѣ и въ „веселомъ“ чепцѣ съ пунцовыми лентами.

Зеленая нимфа и ея хорошенькіе братья бѣгомъ побѣжали черезъ весь залъ и стали обнимать и цѣловать Матап, объясняя ей на перерывъ по-французски, что „c'est très joli, le salon, les grands tableaux, et Paulixine s'est décidée de rester aujourd'hui pour tout de bon“.

Не только всѣ дѣвочки, но и всѣ родные, поддаваясь невольному движенію, встали. Матап просила ихъ всѣхъ садиться и направилась прямо къ гостямъ.

Генераль звякнулъ шпорами, молодая дама протянула обѣ руки. Матап съ гостями прошла еще разъ весь залъ и затѣмъ направилась въ четвертый классъ, соединенный дверью съ заломъ.

„Вторья“ сразу сообразили, что Поликсена была та самая новенькая, о которой имъ уже говорили. Едва передъ обѣдомъ пропѣли молитву, какъ въ столовую снова вошла Матап, и на этотъ разъ уже съ одной новенькой. Подойдя къ первому столу второго класса, Матап обратилась къ почтительно вставшей Килькѣ: „Вотъ дочь генерала Чиркова; она поступитъ во второй классъ; прошу васъ приучить мою маленькую protégée ко всѣмъ нашимъ порядкамъ. Mesdemoiselles, voilà une nouvelle amie pour vous“.

Новенькую посадили на край стола около самой класной дамы. Матап еще разъ поцѣловала ее въ лобъ со словами: „Bonjour, mon enfant“, и вышла. Такой новенькой институтъ еще не видалъ. На ея прелестномъ и не дѣтскомъ личикѣ не было ни слезъ, ни смущенія, а лишь холодное самоувѣренное любопытство: она, казалось, пришла въ театръ посмотреть, что здѣсь происходитъ, и была увѣрена, что когда представленіе надоѣстъ ей, она уйдетъ домой. Никто изъ сидѣвшихъ за столомъ не рѣшился заговорить съ нею, но всѣ съ нескрываемымъ любопытствомъ разглядывали ее. Новенькая была высокая, тонкая, граціозная дѣвочка, ея густые пепельные волосы лежали крупными волнами и завитками вокругъ овальнаго личика. На темени они были связаны зеленою лентою и локонами падали до плечъ. Узенькія брови,

темнѣе волосъ, лежали правильной дугой. Глаза большіе, зеленовато-сѣрые, дерзко-холодные, выражали что-то непонятное и непріязненное дѣвочкамъ. Ротъ довольно большой, блѣдный, не совсѣмъ правильные и бѣлые зубы портили общую красоту лица. Платье, вырѣзанное у ворота, открывало длинную нѣжную шею съ такими же голубоватыми жилками, какія виднѣлись на лбу и на вискахъ. Руки новенькой удивляли болѣе всего: узкія, нѣжныя, съ длинными, крѣпкими ногтями, отполированными до блеска.

— Vous ne dînez pas avec ces demoiselles?—спросила Чиркова класную даму, увидя, что передъ нею не поставленъ приборъ.

— Я обѣдаю въ своей комнатѣ, chère enfant,—отвѣтила ей очень кротко Килька.—Послѣ обѣда у насъ часовая рекреация, меня смѣняетъ дежурная пепиньерка, а я иду къ себѣ обѣдать и отдохнуть.

— C'est ça, я тоже буду ходить къ вамъ или къ другой дамѣ обѣдать и пить mon chocolat по утрамъ, je n'aimerais pas à dîner à cette table,—отвѣчала спокойно новенькая.

Дѣвочки переглянулись.

Швейцаръ Яковъ и его помощникъ внесли въ столовую корзину съ гостинцами, за ними второй солдатъ принесъ еще громадную корзину и шкатулку и поставилъ ихъ на скамейку второго класса, проговоривъ: „Г-жѣ Чирковой“.

— Ça ce sont mes articles de toilette et mes sucreries—новенькая указала на шкатулку. Vous me ferez porter ça dans le dortoir—почти приказала она огорошенной Килькѣ. Et ça, ce sont des petites friandises pour ces demoiselles, и она указала рукою на классъ.

Гостинцы были раздѣлены, каждая дѣвочка получила фрукты, конфеты и petits fours. Шкотъ отказалась наотрѣзь отъ угощенія. Франкъ тоже не взяла подъ предлогомъ, что у нея сегодня много своихъ гостинцевъ. Салопова отдала свою порцію горничной, потому что любила „истязать свою плоть“ и отказываться отъ искушеній. За то Буракова и Невѣрова, оказавшіяся сосѣдками новенькой по кроватямъ, ухаживали за нею какъ могли.

Вечеромъ, ложась спать, дѣвочки съ нѣмымъ любопытствомъ и затаенною завистью глядѣли на тонкое бѣлье, батистовую съ кружевами кофточку новенькой. Затѣмъ она открыла свою шкатулку и оттуда посыпались чудеса: духи, кольдъ-кремъ, кожаныя папильотки, перчатки, жирныя внутри, которыя Чиркова надѣла на ночь на руки.

Дѣвочки, отданныя съ восьми—десяти лѣтъ въ институтъ, привыкли къ спартанскому образу жизни. Мыло и холодная вода были ихъ единственными косметиками. Чистота, красивый бантъ у передника, да развѣ еще тонкая талія были единственными проявленіями ихъ кокетства.

— Зеленая ящерица влѣзаетъ на ночь въ новую шкуру,— объявила съ презрѣніемъ Чернушка, глядя на ночной туалетъ новенькой.

А ящерица, за которою такъ и осталось это названіе, не обращала никакого вниманія на окружающихъ. Буракова и Невѣрова сразу подпали подъ ея очарованіе. Невѣрова помогла ей раздѣваться и даже сняла съ нея чулки, что возбудило негодованіе многихъ. Послѣ ухода Кильки, Буракова пододвинула къ изголовью Чирковой табуретъ, надѣла на него второй, третій и, образовавъ такимъ образомъ столъ, поставила на него хорошенькій подсвѣчникъ съ зажженной свѣчей, зеркало и конфеты.

Новенькая болтала громко, ей было холодно, и она велѣла Бураковой достать изъ корзины, которую заранѣе поставили ей подъ кровать, теплый пушистый пледъ и окутать ей ноги; затѣмъ она рассказала, что ея папа *est très riche*, что братьевъ ея зовутъ Анатоль и Авениръ, что молодая дама ея мачиха и что именно изъ за нея она захотѣла на годъ, пока будетъ совсѣмъ большая, уйти въ институтъ; ей тутъ будетъ хорошо, потому что „*Maman est une grande amie de la maison*“, а затѣмъ, какъ только она кончитъ курсъ, она выйдетъ замужъ за „*petit Basil*“—папинаго адъютанта: у нихъ это давно рѣшено.

Ночью Чиркова просыпалась два раза, ей было страшно: она будила то ту, то другую свою сосѣдку и, наконецъ, при-

казала дѣвочкамъ выставить изъ промежутковъ шкапики, а кровати свои приблизить вплотную къ ея кровати.

Со дня поступленія новенькой, классъ раздѣлился на три партіи. Одна, стоявшая всегда въ сторонѣ отъ всякаго движенія,—группа лѣнивыхъ, слабыхъ здоровьемъ, парфешекъ и ханжи Салоповой. Вторая составила штатъ „Ящерицы“; онѣ угождали ей, дежурили около нея поочереди, одѣвали ее, рассказывали сказки и получали отъ нея щедрья подачки, не только конфетами, пирожками, но и разными тонкими закусками и винами, которыя ей нерѣдко тайкомъ проносили братья и ея прислуга. Не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, мальчики допускались въ дортуаръ. По вечерамъ, послѣ ухода классной дамы, тамъ устраивались маленькіе пиры, слышался смѣхъ и шептаніе, кровати сдвигались вмѣстѣ, и въ тѣсномъ кружкѣ шла какая-то особенная, не дѣтская, не институтская жизнь. Тамъ были и слезы, и сцены ревности, и ссоры съ злыми, странными намеками. Кружокъ этотъ вскорѣ опредѣлился въ пять человѣкъ и держался отдѣльно, уже болѣе не сливаясь съ классомъ до самаго выпуска. За „Ящерицу“ этими подданными дѣлались всѣ письменные уроки, устные ей читали громко, вдалбливали, какъ роль неграмотному актеру. На урокахъ ей подсказывали и помогали всѣми силами. Смѣлая, дерзкая дѣвочка помыкала своими пятью приближенными; она цѣловала одну, чтобы возбудить ревность другой, шепталась съ третьей, чтобы поссорить ее съ четвертой, и полновластно, съ презрѣніемъ третировала всѣхъ. Но были минуты, когда она блѣднѣла со злости и рвала въ клочки свои тонкіе батистовые платки; это были минуты отпора, который она получала отъ третьей части класса. Тамъ стояли Шкотъ, Назарова, Франкъ, Вихорева и другія дѣвочки, презиравшія ее въ силу своего здороваго дѣтскаго инстинкта. Все въ ней казалось имъ ломанно, лживо, противно, онѣ не брали ея гостинцевъ, звали ее въ глаза „Ящерицей“, брезгливо сторонились отъ ея „приживалокъ“ и зло смѣялись надъ всѣми ея хвастливыми рассказами о „petit Basil“.

Авениру и Анатолю вскорѣ запретили появляться въ дортуарѣ.

Двѣнадцатилѣтній Авениръ, съ распущенными по плечамъ локонами какъ у дѣвочки, былъ особенно противень „Чернушкѣ“. Его изысканная вѣжливость, красныя губы и льстивые глаза, неимоверно злили прямую и вспылчивую дѣвочку; однажды когда онъ рассказывалъ о томъ, какъ на дѣтскихъ балахъ у его знакомыхъ всѣ дѣвочки хотѣли танцовать непременно съ нимъ, „Чернушка“ вспыхнула.

— Ты лжешь, навѣрно лжешь! Дѣвочки совсѣмъ не любятъ такихъ мальчиковъ, какъ ты.

— Какихъ же онѣ любятъ?—тряхнувъ кудрями, спросилъ Авениръ.

— Такихъ—волоса щеткой, глаза смѣлые и голосъ крѣпкій, ну... настоящихъ мальчиковъ.

— А я-то кто же?

— Ты?—кукла, парикъ, болонка, такъ... дрянъ.

Авениръ гордо поднялъ голову.

— Вы никогда не видали порядочныхъ мальчиковъ, вы видали только кадетъ или гимназистовъ съ грязными руками; тѣ и говорить-то не умѣютъ.

У „Чернушки“ былъ братъ гимназистъ, и гнѣвъ ея такъ и рвался наружу.

— А хочешь я тебѣ докажу, что и ты совсѣмъ простой мальчикъ, что и у тебя и голосъ, и лицо могутъ быть совсѣмъ другими!

— Вы можете говорить, что хотите, и поступать, какъ хотите, дѣвочкѣ не удастся вывести меня изъ себя.

— Не удастся? „Чернушка“ размахнулась и изъ всей силыхватила Авенира по щекѣ.

Вся изысканность слетѣла съ Авенира, онъ схватился за щеку и заревѣлъ какъ простой уличный мальчишка.

Рука у Чернушки оказалась очень тяжелая: всѣ ея пять пальцевъ отпечатлѣлись на щекѣ мальчика. Чиркова бросилась на кровать и хохотала до слезъ надъ ревушимъ братомъ. Шумъ и гвалтъ ссоры дошелъ до ушей М-лле Нотъ, и по ея просьбѣ входъ въ дортуаръ мальчикамъ былъ запрещенъ.

Кромѣ явныхъ получекъ черезъ посредство классной

дамы, Петрова получала еще и тайно разные деревенскіе гостинцы. Рыжая Паша, спавшая при дортуарѣ второго класса, была родомъ изъ Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда, и каждый разъ, какъ ея родичи появлялись въ Петербургъ, они, по порученію помѣщицы Петровой, привозили всевозможный провіантъ ея дочери. На этотъ разъ, между прочимъ, Паша передала ей банку варенья фунтовъ въ десять. Хлѣбъ для ѣды съ вареньемъ доставляла Паша, но бѣда была въ томъ, что ни у кого не было большой ложки, чтобы доставать варенье.

— Петрова, если ты дашь мнѣ варенья, я достану тебѣ столовую ложку,—предложила Маня Лисицына.

— На долго достанешь?

— Ну, пока не съѣшь варенья, дня на три достану.

— Хорошо, я тебѣ дамъ три полныхъ ложки варенья.

— Идетъ.

Въ этотъ день передъ обѣдомъ Маня Лисицына, проходя въ парѣ между столами, незамѣтно взяла съ края стола пятаго класса столовую ложку и опустила ее въ карманъ. Въ большую рекреацію Лисицына съ Петровой побѣжали наверхъ въ дортуаръ, Лисицына чисто на-чисто вымыла подъ краномъ свою фарфоровую мыльницу и съ торжествомъ принесла ее и столовую ложку Петровой. Помѣщица приняла ложку и щедрой рукой наложила полною мыльницу варенья. Ложка весьма облегчила дѣло, варенье черпалось изъ большой банки и раздавалось друзьямъ. Между тѣмъ пропажа столовой серебряной ложки не прошла незамѣтно. Классная дама потребовала дежурную у стола горничную и приказала подать нехватавшую ложку, та кинулась къ дежурному по столовой солдату, солдатъ сбѣгалъ въ буфетную. Дѣвочки обмѣнялись ложками, давно поѣли и ушли изъ столовой, а пропавшая ложка не была найдена. Послѣ обѣда оказалось, что одна ложка исчезла, объ этомъ донесли эконому.

Дѣвочкамъ пятаго класса былъ сдѣланъ допросъ, результатомъ котораго было только то, что слухъ о пропавшей ложкѣ распространился по всему институту и встревожилъ тѣхъ, которыя знали объ участи злополучной ложки. Клас-

сняя дамы объявили во всѣхъ классахъ, что будетъ сдѣланъ въ шкапикахъ и партахъ обыскъ.

— Бери ложку, Лисицына, и подсунь ее какъ-нибудь обратно на столъ,—просила Петрова, вымывъ ложку и отдавая ее назадъ.

— Нѣтъ, душка, я боюсь, какъ стану класть на столъ меня и поймаютъ.

— Такъ брось ее въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не найдетъ,—совѣтывала Евграфова,—мы не выдадимъ.

— Ужъ если вы не хотите сознаться, что взяли ложку, то покайтесь Богу въ вашемъ поступкѣ, а на ложку навяжите белетикъ „для бѣдныхъ“ и спустите изъ окна прямо на улицу.

— Блаженная Салопиха, ты сперва сотвори чудо, чтобы у насъ была улица подъ окнами; вѣдь у насъ со всѣхъ сторонъ садъ да дворы, ложка непременно упадетъ на кого-нибудь изъ учителей и пробьетъ ему съ благотворительною цѣлью голову.

— Вы всегда, Франкъ, обо всемъ спорите,—покорно отвѣчала Салопова,—если бы вы больше вѣрили, то поступали бы, не разсуждая, а полагаясь во всемъ на Провидѣніе.

— Слушай, Лисичка,—посовѣтывала маленькая Иванова,—возьми ты эту ложку, спрячь ее въ карманъ, а затѣмъ, въ первую же перемѣну лети внизъ, въ столовую, клади ее на ближайшій столъ и удери назадъ; вѣдь въ перемѣну въ столовой не бываетъ ни души.

— Знаешь, душка, я такъ и сдѣлаю,—и Лисицына сунула ложку въ карманъ.

— Вы помните, Лисицына,— снова вступилась Салопова,—что вы все-таки украли ложку.

— Какъ украла? Ты съ ума сошла! Я ее взяла, потому что намъ нечѣмъ было ѣсть варенье,—мы такъ и рѣшили поддержать ее и отдать.

— Да, вѣдь, ложка серебряная; она, говорятъ, очень дорого стоитъ, за нее, вы знаете, солдата могли сослать въ Сибирь.

Е. Самокишъ - Гудковская -

— Это ты теперь пугаешь меня, противная Салопиха, отчего же ты раньше не говорила ничего?

— А развѣ я знала, что вы возьмете со стола ложку?

— Медамочки, не ссорьтесь,—умоляла Петрова,—и не говорите такихъ страстей. Мы съ Лисичкой будемъ цѣлый мѣсяцъ бить по пяти поклоновъ утромъ и вечеромъ.

Бѣдная Маня Лисицына сидѣла весь первый урокъ съ ложкой въ карманѣ, и ей было такъ тяжело, какъ если бы у нея тамъ была пудовая гиря. Въ первую же перемену, какъ только всѣ выбѣжали изъ класса въ коридоръ, она улучила минутку и бормоча: „Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его“, бросилась по боковой лѣстницѣ внизъ. Благополучно достигнувъ столовой, она вошла на порогъ громадной пустой комнаты, какъ вдругъ на другомъ концѣ нижняго коридора скрипнула дверь „бѣлевой“ комнаты, и изъ нея показалась Корова. Лисицына выхватила ложку изъ кармана и бросила ее прямо на полъ, но вмѣстѣ съ ложкою выкинула изъ кармана и свой носовой платокъ, затѣмъ накинула на голову бѣлый передникъ и понеслась, какъ дикій жеребенокъ, обратно по лѣстницѣ, взбѣжала въ самый верхній этажъ, въ пустой дортуаръ, и моментально легла подъ далекую кровать. Сердце ея билось, въ вискахъ стучало, а губы все шептали: „Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его“. Корова, какъ старый боевой конь, слышавшій звуки трубы, помчалась тоже къ столовой и, къ ужасу своему, увидѣла лежащую на порогѣ ложку и носовой платокъ. Она схватила все на лету, какъ коршунъ хватаетъ добычу, и помчалась тоже на лѣстницу за дѣвочкой. Вѣрнымъ указаніемъ ей былъ № на носовомъ платкѣ и мелькнувшее зеленое платье.

Лисицына, отлежавшись минуту, выползла изъ-подъ кровати, оправила волоса, передникъ, выпила въ умывальной воды и тихонько, скромно, по коридору вышла на церковную площадку, положила на паперти пять поклоновъ и спустилась по парадной лѣстницѣ прямо въ классъ. На послѣдней ступенькѣ она лицомъ къ лицу столкнулась съ Коровой. Дѣ-

вочка остановилась, вся блѣдная, а Корова глядѣла на нее глазами сыщика.

— Это вы украли ложку и потомъ подбросили ее въ столовую?—грубо спросила она.

Дѣвочка отшатнулась.

— Нѣтъ, Mademoiselle, я ничего не знаю, какая ложка? Я ходила въ дортуаръ вымыть руки,—лепетала дѣвочка.

— Вы просили позволенія у M-elle Нотъ идти мыть руки?

— Нѣтъ, M-elle, я не просила, я сама...

— А вы зачѣмъ накинули передникъ на голову, когда меня увидѣли, а это что?—Корова показала ей носовой платокъ съ мѣткою № 141.

Лисицына едва стояла на ногахъ.

— Я не знаю, M-elle, право, не знаю, можетъ быть, это я потеряла платокъ...

Корова схватила дѣвочку за руку и потащила въ классъ. Второй классъ, узнавъ уже объ „исторіи“, какъ испуганное стадо, столпился въ концѣ комнаты за партами. Всѣ притихли, когда отворилась дверь и Корова втащила дрожащую и блѣдную Лисицыну.

— Mesdemoiselles, такихъ поступковъ, какими отличается вашъ классъ, еще никогда не было въ стѣнахъ института, вы просто не дѣвицы, а разбойники: каждый день у васъ исторіи, грубости, самыя непростительныя шалости, а теперь, наконецъ, преступленіе—воровство! Мнѣ даже страшно сказать это слово: среди васъ, христіанокъ и благородныхъ дѣвиць—есть воръ! Вотъ онъ—и она тряхнула Лисицыну за руку.

— Изъ столовой, съ чужого стола, она крадетъ серебряную ложку! Въ кражѣ этой заподозрили несчастнаго солдата, у него рѣшили вычитать изъ его скуднаго жалованья стоимость ложки. Въ зачерствѣломъ сердцѣ этой преступницы не шевельнулось раскаяніе, она не рѣшилась сознаться, хотя вы всѣ знали, что пропавшую ложку ищутъ, объ этомъ въ каждомъ классѣ сообщали ваши добрыя классныя дамы. Теперь, движимая не раскаяніемъ, а страхомъ обыска, она подкинула ложку въ столовую и думала избѣжать наказанія.

Но Отецъ Небесный не допустилъ этого, онъ уличилъ нераскаянную грѣшницу, она сама своею рукою вмѣстѣ съ ложкою вытащила улику своего преступленія—платокъ съ мѣткою, вотъ онъ, № 141. — Корова трясла въ воздухѣ бѣлымъ носовымъ платкомъ съ явнымъ признакомъ чернилъ по всѣмъ четыремъ уголкамъ, куда украдкою вытиралось перо.—Если бы я доложила Маман, то Лисицыну выгнали бы изъ института, да, выгнали бы съ позоромъ, потому что такія преступленія поощрять нельзя. Я пощажу Маман, мнѣ стыдно сказать ей: Маман, у насъ въ институтѣ, среди любимыхъ вами дѣвочекъ, есть—воровка!

Корова закрыла лицо руками. Салопова, Петрова и маленькая Иванова рыдали. Чиркова безучастно сидѣла на задней партѣ, еще въ своемъ темносинемъ платьицѣ, и съ улыбкой глядѣла на всю эту мелодраму; на лицѣ Франкъ, Шкотъ, Чернушки и нѣсколькихъ другихъ лежало недоброе выраженіе, сознаніе жестокости и несправедливости закрадывалось въ ихъ сердца; дѣвочки были близки къ явному возмущенію.

— Я сама примѣрно накажу васъ, M-elle Лисицына, подайте мнѣ листъ бумаги!—приказала Корова.

Ей подали чистый листъ, она оторвала отъ него четвертушку и крупными буквами написала: „Воровка“.

— Mademoiselle Лисицына, я васъ спрашиваю, и помните, что Господь Богъ слышитъ вашъ отвѣтъ. Вы унесли ложку изъ столовой?

— Да, я унесла, намъ нечѣмъ было кушать варенье, я не знала, что она серебряная, что она дорогая.

— Значить, вы сознаетесь! Подите сюда.

Корова пошарила на своей сухой груди и достала булавку, повернула дѣвочку къ себѣ спиной и пришила ей къ пелеринкѣ билетъ.

Лисицына рыдала судорожно:

— M-elle, простите, простите меня!

Надя Франкъ и Вихорева бросились впередъ.

— Этого нельзя, нельзя, — кричали дѣвочки, къ нимъ присоединилось еще человекъ десять. — Нельзя, снимите би-

летъ, мы старшія, мы переходимъ въ первый классъ, съ нами нельзя такъ обращаться, она не воровка, она не крада, мы скажемъ нашимъ роднымъ, мы заплатимъ этому солдату, мы купимъ дюжину новыхъ ложекъ,—кричали дѣвочки, и чья-то рука сорвала билетъ „воровка“. Скажите Матап, скажите Матап, пусть она сама разсудитъ!

— А, такъ вы бунтовать?—визжала Корова,—такъ я же вотъ что, я вотъ какъ!..

Но она не могла ни такъ, ни этакъ; она видѣла, что зашла слишкомъ далеко, что исторія могла скверно разыграться. Въ эту минуту обезумѣвшая Лисицына бросилась цѣловать ея руки. Салопова встала на колѣни и умоляла Корову быть христіанкой... Корова сдѣлала видъ, что ее трогаютъ эти просьбы.

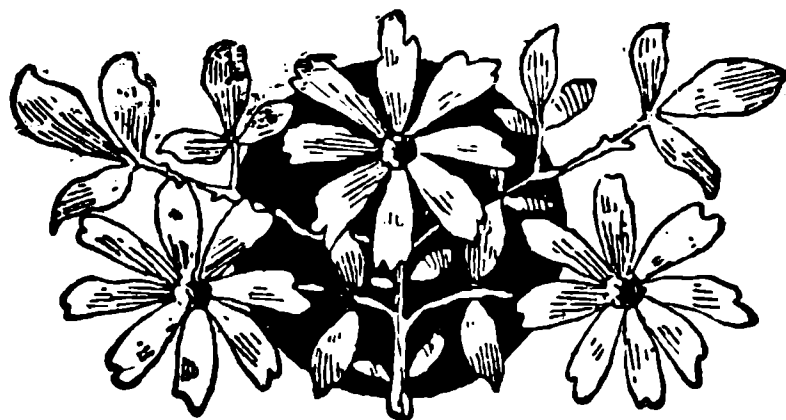
— Ну, Богъ васъ проститъ, я не могу видѣть вашихъ слезъ, я васъ прощаю, но за дерзости Франкъ, Вихоревой и другихъ, весь классъ будетъ сегодня стоять за обѣдомъ.

За обѣдомъ весь классъ стоялъ, но за то ночью, въ дортуарномъ коридорѣ, лежала Корова съ вывихнутой ногой.

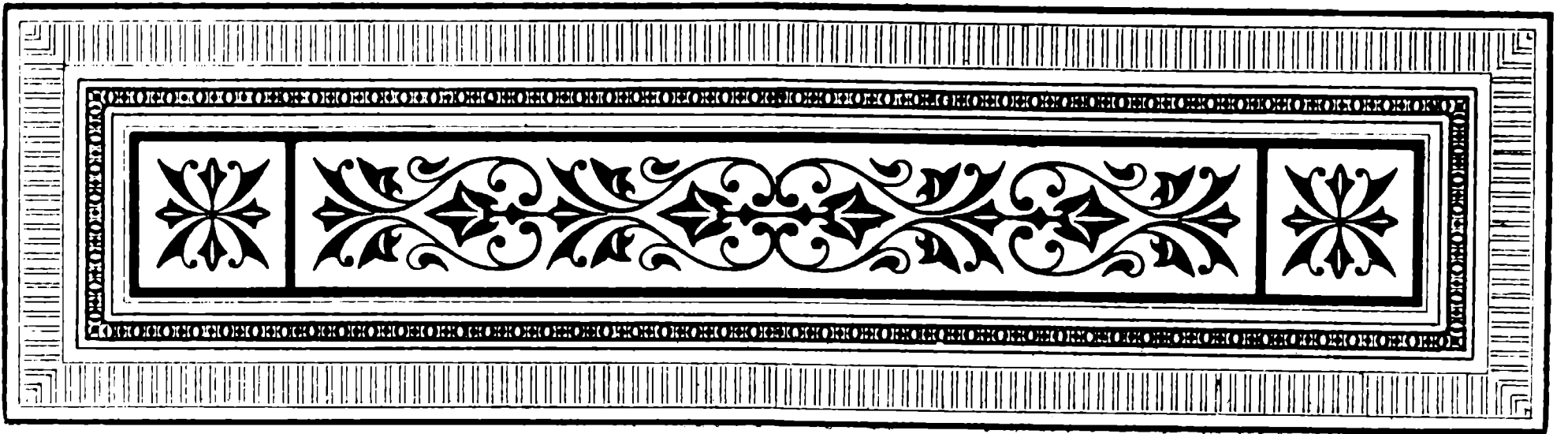
Окна дортуаровъ, выходящія въ коридоръ, были снизу до половины закрашены бѣлой краской. Чтобы поглядѣть въ дортуаръ, надо было поставить, по крайней мѣрѣ, два табурета, одинъ на другой. Дѣвочки, зная это, всегда по вечерамъ утаскивали всѣ табуреты изъ коридора въ спальню. Онѣ знали, что если Корова рѣдко является ночью въ дортуаръ, то часто подсматриваетъ въ окна и записываетъ читающихъ или разговаривающихъ. Увѣренныя, что на сегодня Корова непременно захочетъ подсмотрѣть, нѣтъ-ли у нихъ ночного засѣданія по поводу ложки, дѣвочки приготовили подъ окномъ дортуара второго класса, какъ бы забытую, пирамиду изъ трехъ табуретовъ. Нижній былъ только на трехъ ногахъ и, чуть-чуть прислоненный къ стѣнѣ, держался равновѣсіемъ. Дѣвочки не ошиблись. Часовъ въ двѣнадцать въ пустомъ, гулкомъ коридорѣ раздался страшный грохотъ. Корова влѣзла на табуреты, но едва нагнулась къ окну, какъ равновѣсіе было потеряно, и табуреты полетѣли, а съ высоты ихъ полетѣла и Корова. На ея крикъ въ дортуарѣ отвѣчали

неистовымъ крикомъ. Бѣдная M-elle Нотъ выбѣжала изъ своей комнаты въ одной рубашкѣ, и какъ привидѣніе металась по дортуару; горничныя выбѣжали въ коридоръ. Крикъ второго класса отозвался въ сосѣднемъ дортуарѣ третьяго класса, тамъ съ какою-то „слабенькой“ сдѣлался припадокъ. Корову почти отнесли внизъ, она едва могла ступать. Никто хорошенько не зналъ, отчего произошелъ весь шумъ, но всѣ уже таинственно передавали другъ другу о злой продѣлкѣ со сломаннымъ табуретомъ, чуть, было, не кончившейся такъ печально. Всѣ были взволнованы; почему-то въ началѣ всѣмъ казалось, что будетъ очень смѣшно, очень шумно, когда полетятъ табуреты, теперь же всѣмъ было не по себѣ и какъ-то стыдно; паденья, а тѣмъ болѣе увѣчья никто не желалъ.

Корова пролежала недѣлю, и о чудо! о своемъ паденіи не сказала ничего Матап. Это молчаніе было гораздо краснорѣчивѣе всякаго наказанія: оно дошло до сердца дѣвочекъ, ни одна не хотѣла сознаться, что она раскаивается и жалѣетъ больную, но безпрестанно, то та, то другая, забѣгали въ Чортовъ переулокъ; встрѣтившись тамъ, онѣ принимали равнодушный, холодный видъ, трогали чахоточныя растенія, стоявшія на окнѣ, или читали расписанія на стѣнахъ музыкальныхъ уроковъ Метлы, а между тѣмъ цѣль каждой изъ забѣгавшихъ туда была узнать, поправляется или нѣтъ ин-спектриса.

V.

Каникулы.—Спасеніе погибавшихъ.

Прошелъ Великій постъ, съ длинными службами и запахомъ постнаго масла, заполонившимъ всѣ коридоры. Прошла веселая Пасха; кончились экзамены, съ вѣчными мелкими подлогами, долбленіемъ по ночамъ, сотенными поклонами на паперти передъ церковными вратами: промелькнулъ волшебнымъ сномъ публичный экзамень, надѣли выпускныя свои воздушныя бѣлыя платья, пропѣли послѣдній благодарственный молебенъ въ институтской церкви и разлетѣлись по домамъ, на горе, на радость, на роскошь, на нужду, словомъ, вступили въ дѣйствительную жизнь.

Въ опустѣвшій первый классъ перешелъ второй, а въ седьмой младшій набрались новыя, маленькія кофульки и пока ходили еще съ красными носами и заплаканными рожицами и всѣ каждый вечеръ просились домой.

М-ле Ноть, еле живая, все по прежнему завивала свои 36 волосиковъ и прикрывала ихъ фантастическимъ тюрбаномъ изъ кружевъ. Корова, Килька и Метла „осѣлись“, оставили въ покоѣ старшій классъ. Тутъ уже не годилась ихъ система облавы и постыднаго наказанія „на часы“. Корова вообще съ

последней экскурсіи и „помѣщичьяго“ бунта, какъ дѣвочки окрестили эпизодъ съ вареньемъ и ложкой, „обломала рога“. Килька набиралась силы, чтобы черезъ годъ начать „пресовать“ кофулекъ, такъ какъ послѣ „своего“ выпуска, получивъ награду, должна была принять самый младшій классъ. Ми-наевъ былъ все также справедливъ, вѣжливъ, но не завоевалъ симпатій старшаго класса. Пришли каникулы. Этотъ разъ много поговаривали о томъ, что начнутъ распускать дѣвочекъ на лѣто по домамъ, а не имѣющихъ родныхъ перевезутъ на казенную дачу, но ничего подобнаго еще на этотъ годъ не произошло. Изъ cadaго класса, какъ и всегда, отпустили двухъ-трехъ „слабенькихъ“; между ними уѣхала и Чиркова; о ней пожалѣла только ея „кучка“, теперь перегрызшаяся между собою и распавшаяся. Въ каникулы институтъ всегда переправлялся по этажамъ, начиная съ верхняго. Въ громадномъ институтскомъ саду были двѣ крытыя галле-реи, въ нихъ помѣщались во время каникулъ классы, то есть переносились парты и ставились съ интервалами по клас-самъ. Въ средній же этажъ, гдѣ были классы, переносились тюфяки, и дѣвочки спали на полу, кровати же въ то время красились и чинились. Когда дѣло доходило до второго этажа, дѣвочки переходили спать на верхъ, а когда парты снова устанавливались на своихъ мѣстахъ въ классахъ, въ галле-реяхъ устраивалась столовая. Эти перемѣны разнообразили институтскую жизнь и нарушали утомительную дисциплину. Больше было открытыхъ дверей, оконъ, больше предлоговъ сбѣгать туда и сюда, синявки не торчали вѣчно за спиною, родныхъ принимали въ саду и съ ними можно было свобод-нѣе болтать. Да, наконецъ, садъ, старый громадный садъ, доставлялъ дѣвочкамъ такъ много радости. Передняя пло-щадка, усыпанная свѣтлымъ пескомъ, была удобна для вся-кихъ игръ. Направо и налѣво на ней стояли два высокихъ столба гигантскихъ шаговъ, лежали колеблющіяся бревна, за-крѣпленные однимъ верхнимъ концомъ, и другія гимнастиче-скія игры. Въ центрѣ сада была большая круглая бесѣдка (на мѣстѣ которой впоследствии вырыли большой прудъ для купанья), направо и налѣво шли куртины немудреныхъ цвѣ-

товъ, затѣмъ аллеи, большія лужайки, окаймленные группами густыхъ кустовъ, внутри которыхъ можно было прятаться, играя въ разбойники; задняя аллея, обсаженная старыми ивами, была всегда темна и прохладна. Прелесть сада составляли тоже птицы и кошки. Птичьи гнѣзда дѣти отыскивали и по секрету показывали другъ другу. На пѣніе какой-нибудь немудреной пташки сбѣгались кучами и слушали ее съ замираніемъ сердца. Природа, вѣчно влекущая къ себѣ человѣка, очаровывала дѣвочекъ и вознаграждала ихъ лѣтомъ за длинные, длинные мѣсяцы, когда онѣ не видѣли ничего, кромѣ классныхъ стѣнъ, скамеекъ да ландкартъ.

Этой весною, въ старшемъ классѣ произошло необыкновенное событіе: маленькая Назарова высидѣла птенчика изъ голубинаго яйца; весь классъ приходилъ въ восторгъ отъ этого чуда и даже классныя дамы, ради каникулярной свободы и слишкомъ ужъ большой дѣтской радости, оставили въ покоѣ этотъ оригинальный эпизодъ. Дѣло въ томъ, что Назаровой, Богъ вѣсть почему, пришла фантазія упросить истопника Ефрема принести ей съ чердака нѣсколько голубиныхъ яицъ. Ефремъ, угрюмый, бородатый солдатъ, соблазненный четвертакомъ и ласковымъ голосомъ маленькой барышни принесъ ей штукъ пять нѣжныхъ, голубоватыхъ яичекъ.

— А вонъ энто,—указалъ онъ на одно съ большимъ темнымъ пятномъ на боку,—какъ есть живое, коли вы, барышня, его теперь въ теплую паклю обернете, да куда въ теплое мѣсто положите, изъ него завтра къ утречку, а може, еще и сегодня ночью, махонькій голубеночекъ вылѣзетъ.

— Вылѣзетъ?—съ восторгомъ спросила Назарова.

— Отчего же не вылѣзти—философствовалъ Ефремъ—вылѣзетъ и подохнетъ.

— Подохнетъ?—дѣвочка всплеснула руками.

— А какъ же не подохнуть! Вы, къ примѣру, не птица, а барышня, подъ крыло вы его не посадите, и изъ клювика, такъ сказать, кормить не будете?

— Такъ зачѣмъ же вы, Ефремъ, такое яйцо мнѣ принесли?

— А мнѣ что же играть, что-ли съ ними было? Пуг-

нуль голубей, да и выгребъ въ шапку все, что тамъ было... А за четвертакъ покорнѣйше благодаримъ. И Ефремъ, хладнокровно оставивъ сконфуженную, почти испуганную дѣвочку, пошелъ внизъ; а Назарова побрела въ спальню изъ средняго коридора, въ которомъ имѣла свое рандеву съ Ефремомъ; по дорогѣ, она все время грѣла дыханіемъ яйцо съ чернымъ пятномъ... Придя въ дортуаръ, она достала коробочку, положила въ нее ваты, обернула ею яичко и снова стала дышать на него. Весь этотъ день и всю ночь до разсвѣта яичко въ коробочкѣ переходило изъ рукъ въ руки и всѣ по очереди грѣли его и дышали, и каждая прикладывала ухо къ нему и ясно слышала какъ птенчикъ стучитъ клювомъ въ тонкую скорлупу. На утро, послѣ чаю, никакая сила не могла бы разогнать дѣвочекъ, собравшихся въ саду, на самомъ припекѣ солнышка, вокругъ Назаровой, затѣнявшей руками отъ яркаго свѣта свое драгоцѣнное яйцо. Съ восторгомъ, доходившимъ почти до испуга, дѣвочки присутствовали при величайшей тайнѣ природы; голубенокъ проклевалъ скорлупу и его большая голова, голая, покрытая сморщенной кожей, съ закрытыми выпуклыми глазами вылѣзала наружу.

— Какой душка! Какая гадость!—прошептали двѣ вдругъ.

— Тсъ! Вы его испугаете!—прошептала Назарова.

— Я слышала, что мать помогаетъ ему вылупливаться изъ скорлупки и Иванова протянула руку къ лицу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога не тронь! — Назарова схватила ее за руку — я видѣла дома цыплятъ, онѣ сами выходятъ изъ яйца, и этотъ, какъ только будетъ готовъ, выйдетъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени остатокъ скорлупы свалился съ голубенка и онъ лежалъ на ватѣ голый, безсильный, похожій скорѣе на лягушку, чѣмъ на птенца.

— Павелъ Иванычъ! — Степановъ, возившійся въ „химическомъ“ шкафу перваго класса, чуть не выронилъ изъ рукъ большую реторту.

— Вы чего это, господинъ рыцарь? Или за вами враги гонятся?—спросилъ онъ съ улыбкой, узнавъ Франкъ, а главное, замѣтивъ ея дрожащій голосъ и взволнованное лицо.

— Павелъ Иванычъ, мы только что высидѣли голубенка?

— Весьма почтенное занятіе для дѣвиць! Какъ это вамъ удалось?

— Т. е. высидѣла-то птица, да только Ефремъ намъ принесъ его, еще въ яйцѣ, велѣлъ завернуть въ вату и все грѣть. Вотъ мы все дули, грѣли...

— И выдули?

— Самъ вылѣзъ. Мы даже вотъ, пальчикомъ не тронули. А только что-же дальше будетъ, Павелъ то Иванычъ? Кормить-то намъ его какже?

— Да ужь не съ ложечки, а ужь высидѣли птенца, такъ должны и кормить. Да онъ у васъ живъ-ли?

— Головой вертѣлъ, какъ я къ вамъ побѣжала, и ротъ разѣвалъ. Ахъ, какая у него голова большая! — Павелъ Иванычъ, онъ совсѣмъ не похожъ на голубя. Я ужь думаю, отъ голубей-ли Ефремъ принесъ намъ яйцо.

— Успокойтесь, рыцарь, Ефремъ не волшебникъ, и ему труднѣе достать какое-нибудь чудовище, чѣмъ простого голубя. Только возни вамъ много будетъ теперь съ вашимъ питомцемъ. А коли не выкормите его, такъ я васъ засмѣю. Голубиныя мамы! Ну, вотъ смотрите!—Степановъ подошелъ къ каѳедрѣ и вынулъ цѣлый пучекъ гусиныхъ перьевъ, обрѣзалъ съ двухъ сторонъ, оставивъ одну пустую трубочку. — Теперь достаньте куриное яйцо, сваренное въ крутую, мелко-меленько нарубите его, положите немного въ эту трубочку, затѣмъ когда птенчикъ будетъ розѣвать ротъ, вставьте ему эту трубочку въ клювъ, а съ другого конца тонкой палочкой выталкивайте ему пищу; и такъ кормите его по одному разу черезъ каждые полчаса. Первые дни дѣлайте только это, а потомъ я васъ научу какъ мѣнять пищу.

Восхищенная Франкъ схватила перо и только блеснувъ на него благодарнымъ взоромъ, бросилась вонъ, и уже только изъ коридора, почти сбѣгая на лѣстницу, крикнула ему:

— Ахъ, Павелъ Иванычъ, какой вы умный!

А умный Павелъ Иванычъ, принимавшій всегда такое душевное участіе во всѣхъ институтскихъ событіяхъ, спѣшилъ укладывать обратно въ шкафъ колбы и реторты, торопясь

въ садъ, чтобы воочию поглядѣть новорожденного голубенка и дать практическій совѣтъ его кормленія.

Голубенокъ оказался изъ очень крѣпкихъ; несмотря на то, что за нимъ ходило не семь, а 14 нянекъ, онъ въ свое время открылъ глаза, и все тѣло его покрылось голубоватымъ пушкомъ, а самъ онъ принялъ видъ прелестнаго шелкового шарика; затѣмъ выпалъ пухъ и на немъ остались пустыя, сѣрыя трубочки, изъ которыхъ мало по малу развернулось перо, и наконецъ пришло время, когда статный, сизый голубокъ, отливавшій зеленымъ и краснымъ на шеѣ, уже леталъ на свободѣ и безпрестанно возвращался къ Назаровой на плечо, клевалъ изъ рукъ, гулялъ по столу въ открытой лѣтней столовой, ночевалъ на балкахъ подъ галлереей, въ мѣстечкѣ, устроенномъ ему дѣвочками, куда не могла забраться ни одна кошка. Какъ только дѣвочекъ выпускали въ садъ, и Назарова начинала кричать: „Гуля! Гуля!“—онъ слеталъ къ ней на плечо и позволялъ себя всѣмъ ласкать, цѣловать и кормить.

Кошекъ въ саду была масса; голодные, ободранныя зимою, онѣ за лѣто отъѣдались и обростали шерстью. Дѣвочки раздѣляли ихъ между собою, у каждой было по двѣ—три хозяйки. Каждой кошкѣ давалось имя. Полъ животнаго опредѣлялся весьма оригинально.

— Душка, пусть у насъ будетъ котъ; мы назовемъ его *Napoléon* и надѣнемъ ему желтую ленту.

— Ну, хорошо, — кричала другая, — а у насъ будетъ *M-me Roland*, ей надо розовую ленту.

— А моя, душки, будетъ молодая дѣвушка; я назову ее *M-elle Mars*,—была такая знаменитая артистка, я ей надѣну блѣдно-зеленую ленточку.

Хозяйки приносили своимъ кошкамъ отъ обѣда говядину въ карманѣ, покупали имъ молоко и, наливъ его въ большой листъ лопуха, сзывали гостей. Кошки, поднявъ хвосты, бѣжали со всѣхъ концовъ сада, и дѣвочки были въ восторгѣ.

— Душки, какой у Наполеона маленькій ротикъ и языкъ совсѣмъ розовый, а носикъ, носикъ, ахъ, какая прелесть!

— Якимова, позволъ поцѣловать мнѣ твою Леди?

— Ахъ, пожалуйста, не цѣлуй; вѣдь я не трогаю твоего Людовика!

Это лѣто „первыя“ много читали, Франкъ выпрашивала у Минаева книги; разсѣвшись группами по ступенькамъ лѣстницы большой галлерей, дѣвочки читали громко поочереды Диккенса, Теккерея, Писемскаго, Аксакова „Семейную хронику“ и др. Лѣто было теплое, перепалили веселые обильные дожди. Однимъ изъ острыхъ наслажденій было, снявъ пелерину и рукавички, промчатся подъ проливнымъ дождемъ вдоль по задней аллѣе и назадъ. Ходили дѣвочки и на богомолье, то есть, принявъ кругъ сада за полверсты, онѣ узнавали разстояніе отъ Петербурга до какого нибудь монастыря и, собравъ желающихъ, отправлялись. Дорогой велись только благочестивые разговоры; привалъ можно было дѣлать послѣ пяти верстъ; доходя до мѣста, становились на колѣни и молились.

За это лѣто Франкъ получила отъ класса двѣ медали „за спасеніе погибавшихъ“. Медали дѣлала Женя Терентьева, замѣчательно талантливая дѣвочка по лѣпкѣ и рисованію.

Первою была спасена ворона. Кто ухитрился поймать ворону и учинить надъ нею судъ и расправу—неизвѣстно, но только по институтскому саду летала съ отчаяннымъ крикомъ ворона; на вытянутой лапѣ ея была веревка съ привязаннымъ лоскутомъ жести. Ворона летала все ниже и ниже, а надъ нею, съ страшнымъ карканьемъ, какъ бы призывая небо въ свидѣтели людской жестокости, вились стаей другія вороны. Ворона спустилась на вѣтку дерева, веревка съ жестянкой запуталась; ворона, желая снова подняться, метнулась, вправо, влево, и вдругъ, обезсиленная, разинувъ ротъ, повисла на своей вытянутой ногѣ, внизъ головою.

— Ворона, ворона повисла! Давайте ножницы! — несите столъ подъ дерево, такъ не достать! Гдѣ Франкъ? гдѣ Франкъ? зовите ее, она ничего не боится!

— Здѣсь, я здѣсь! что надо? какая ворона?—и Франкъ отчаяннымъ галопомъ понеслась на мѣсто происшествія.

— Столъ, столъ, скорѣй!

Изъ галлерей двѣ дѣвочки, запыхавшись, тащили тяжелый садовый столъ.

— Низко, тащите табуретъ!

На табуретъ, поставленный на столъ, влѣзла Франкъ и поймала ворону, начавшую снова биться при приближеніи дѣвочки; а стая воронъ, теперь съ угрожающимъ крикомъ, носилась низко, надъ самой головой дѣвушки. Стоявшія внизу кричали и махали сорванными вѣтками, боясь, какъ бы вороны не бросились на Франкъ. Дѣвочка, быстро подсунувъ острые ножницы подъ веревку, перерѣзала ее и освобожденная ворона, взмахнувъ крыльями, слетѣла на лужайку. Немедленно, безъ всякаго страха передъ толпою сбѣжавшихся дѣвочекъ, къ больной воронѣ спустилось штукъ десять изъ стаи. Спасенная прыгала на одной ногѣ, волоча другую.

— Надо ее поймать и осмотрѣть ея ногу, — рѣшила Франкъ. Но едва дѣвочки двинулись на лужайку, какъ вороны, съ особымъ гортаннымъ крикомъ, сбились въ кучу и поднялись, причемъ всѣмъ было ясно видно, какъ здоровыя поддерживаютъ подъ крылья больную. Группа, какъ черная туча, поднялась и, перелетѣвъ высокій заборъ, спустилась въ сосѣдній громаднѣйшій огородъ, прилегавшій къ саду.

— Женя Терентьева! Классъ поручаетъ вамъ выбить медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ — вороны, а на другой — надписи: „Храброму рыцарю Баярду за спасеніе погибавшей!“

Талантливая Женя Терентьева вылѣпила изъ краснаго воску медаль, украсила ее надписью и орнаментами, продѣлала въ ней дырочку, и выбранная отъ класса Вихорева торжественно надѣла ее на шею Франкъ.

Вторую спасена была маленькая, бѣлая, мохнатая собака.

Дѣвочки читали. До обѣда еще оставался часъ, хотя въ противоположной галлерей уже начинали накрывать столы и разставлять приборы. Въ задней аллеѣ слышался протяжный жалобный вой.

— Медамочки, въ саду воетъ собака! — вскричала Еврафова.

— Ври больше,—остановила ее Назарова,—это развѣ на огородѣ! ты знаешь, у насъ здѣсь нигдѣ нѣтъ собакъ.

Протяжный жалобный вой повторился.

— Душки, вотъ, вправо, у насъ воетъ,—закричалъ еще кто-то, и всѣ, повскакавъ съ мѣстъ, бросились по аллеѣ.

Посреди аллеи, съ края, примыкавшаго къ забору, была старая, заржавленная, покрытая плѣсенью желѣзная рѣшетка, вдѣланная въ деревянную, четырехугольную раму; изъ подъ этой-то рѣшетки шелъ вой. Дѣвочки бросились на землю, нагнулись къ рѣшеткѣ и тамъ въ темной ямѣ разсмотрѣли что-то бѣловатое, барахтавшееся и визжавшее. Собака, брошенная Богъ знаетъ кѣмъ и куда, и какими-то невѣдомыми путями проползшая подъ эту отдушину въ институтскомъ саду, сразу почувствовала, что на помощь ей сбѣжались друзья,—отчаянный вой ея перешелъ въ жалобный, тихій визгъ.

— Mesdames, у кого есть ножи, тащите скорѣй сюда!

Вмигъ принесли нѣсколько ножей и даже одинъ столовый, схваченный прямо отъ прибора.

— Бульдожка, смотри, опять скажутъ—украли!

— Ахъ, брось, вѣдь ножъ-то не серебряный, да я и скрывать не стану, что взяла; только Франкъ, душка, работай скорѣй, спаси собачку!

— Копай землю здѣсь, Лисичка, съ этой стороны, подкапывай рѣшетку, а я тутъ буду подрывать.

Перегнившее дерево уступило быстро, рама подъ усиленіемъ ножей рѣзалась, какъ гнилушка. Рѣшетку подняли, и Надя Франкъ безъ малѣйшаго страха, безъ мысли, что собака можетъ быть бѣшеной, больной, почти легла на край ямы и, протянувъ внизъ обѣ руки, вытащила оттуда неимоверно грязную, мокрую, дрожавшую собаченку.

— Собаченка, милая, бѣдная, кто тебя бросилъ туда?—твердила дѣвочка со слезами, окутывая передникомъ собаченку и прижимая ее къ груди, а животное судорожно лаяло и только старалось лизнуть руку или лицо наклонившихся къ ней дѣвочекъ.

— Господи, что мы съ ней будемъ дѣлать?—плакала Евграфова.

— Франкъ, Франкъ, что тебѣ будетъ, вѣдь у тебя передникъ, пелеринка, рукавчики, все въ грязи! Вотъ подыметя опять исторія!

— Mesdames,—воскликнула Франкъ,—знаете, что я вамъ скажу? Снесемъ собачку прямо Матап и признаемъ ей во всемъ, она проститъ, она любитъ собакъ, а?

— Снесемъ, снесемъ!—подхватили всѣ, и по аллеѣ слышался топотъ бѣгущихъ ногъ.

Мимо удивленныхъ синявокъ, сидѣвшихъ на одной изъ скамеекъ площадки, дѣвочки пробѣжали прямо въ подъѣздъ и исчезли въ нижнемъ коридорѣ налѣво, гдѣ начинались апартаменты Матап.

— Ну, M-lle Нотъ, спѣшите,—сказала старуха Волкова, дама третьяго класса,—наши сорванцы опять что-то выдумали. Вы не замѣтили, Франкъ что-то несла на рукахъ.

— M-lle Нотъ, Франкъ вынула изъ трубы большую крысу, доложила какая-то дѣвочка.

— Какъ крысу? Какую крысу? Вы меня съ ума сведете! Кто видѣлъ крысу?

— Ахъ, M-lle, я не видѣла, мнѣ такъ сказали, она понесла ее къ Матап, съ ней побѣжалъ чуть не весь классъ.

— Крысу, къ Матап? Да что же это теперь будетъ?

Съ M-lle Нотъ на этотъ разъ дѣйствительно сдѣлалось дурно, и никто изъ дѣвочекъ не побѣжалъ за водой.

— Барышни, барышни, что вамъ надо?—спрашивала горничная Матап, Наташа, выйдя въ коридоръ.

— Наташа, милая, хорошая, что Матап дѣлаетъ?

— Баронесса книжку читаютъ, сидятъ у окна.

— А какой на ней чепчикъ?—спросила Евграфова.

— Барышни, не шумите. Господи, да вы что это держите, мамзель Франкъ?

— Наташа, душечка, доложите Матап, что первый классъ пришелъ къ ней, что мы спасли собаку и умоляемъ, просимъ Матап принять насъ.

Наташа пошла докладывать.

— Назарова, ты будешь говорить по-французски?

— Пустяки, Франкъ, говори сама, у тебя и собачка на рукахъ.

— А какая она хорошенькая, глазки черненькіе,—и дѣти снова кинулись цѣловать бѣдную грязную собаченку.

— Матап идетъ, Матап!

Матап вышла въ чепцѣ съ пунцовыми лентами и съ ласковымъ лицомъ.

— Матап, Матап,—дѣти бросились цѣловать ея руки,—мы спасли собачку и принесли ее подарить вамъ.

Франкъ выступила впередъ и, протягивая собачку, рассказала, какъ онѣ спасли ее. Матап разсмѣялась, поцѣловала дѣтей и дала слово оставить у себя собачку.

— Франкъ, пусти ее на полъ.

Собачка на полу имѣла самый жалкій видъ.

Маленькая, бѣлая съ желтыми пятнами, лохматенькая дворняжка дрожала и, поджавъ хвостъ, глядѣла умоляющими глазами на Франкъ, которую признавала своей спасительницей.

— Франкъ, снеси собачку Наташѣ; скажи, я велѣла ее накормить и закутать во что-нибудь, а вечеромъ вымыть ее. Завтра я вамъ позволю придти посмотреть ее, а потомъ, Франкъ, иди въ бѣлевую и скажи, я велѣла выдать тебѣ все чистое. Adieu, mes enfants, conduisez vous bien—cette fois je ne vous gronde pas.

Съ неистовымъ восторгомъ дѣти влетѣли въ бѣлевую и авторитетно, отъ имени Матап, потребовали для Франкъ всю чистую перемѣну.

Звонокъ къ обѣду давно уже собралъ въ столовую всѣхъ дѣвочекъ. Передъ приборомъ M-lle Нотъ стояли склянки съ эфиромъ, валеріаномъ и мятой, она нюхала ихъ по очереди и тоскливо глядѣла въ садъ. Наконецъ, оттуда появилась веселая группа дѣвочекъ. Надя Франкъ шла вся въ чистомъ и выдѣлялась бѣлымъ пятномъ среди уже запылившихся дѣвочекъ, носившихъ третій день свои передники.

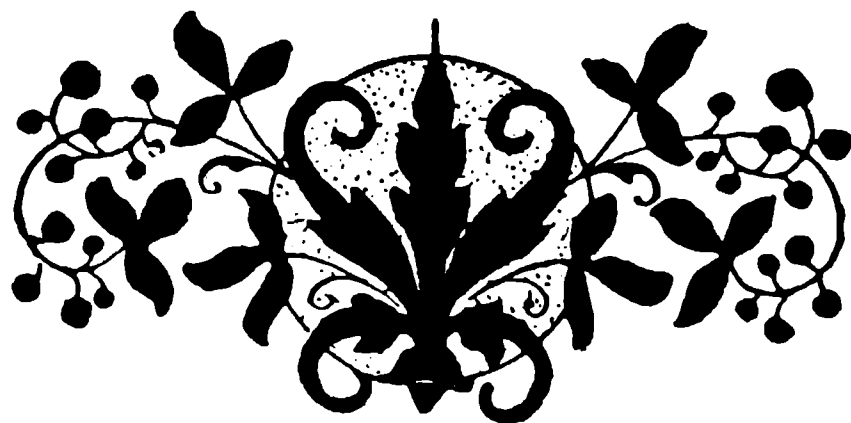
— Mademoiselle Франкъ! накинулась на нее Нотъ—вы опять бунтовать. Куда вы бѣгали? Какую крысу вытащили вы? Да говорите ради Бога.

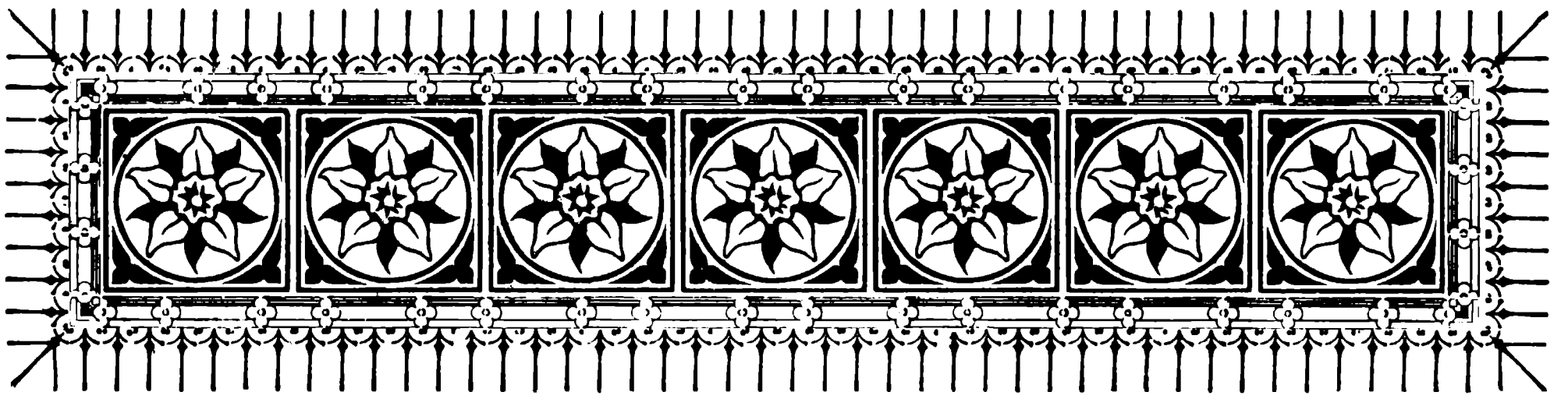
Дѣвочки въ десять голосовъ рассказали классной дамѣ

о своей находкѣ и добротѣ Матап. Затѣмъ, не слушая больше ея восклицаній и угрозъ, что собака могла быть бѣшеной, дѣвочки бросились на свой остывшій обѣдъ, а разговоръ вертѣлся на томъ, какъ назвать собачку: trouvé, ami или Cadeau.

Матап сдержала свое слово; собаченка вымытая, накормленная оказалась ласковой и веселой. Послѣ выпуска перваго класса она еще жила на попеченіи Наташи, а затѣмъ, когда Матап, баронесса Ф., оставила свою службу деректриссы и уѣхала въ имѣніе къ дочери, собачка Cadeau уѣхала вмѣстѣ съ нею.

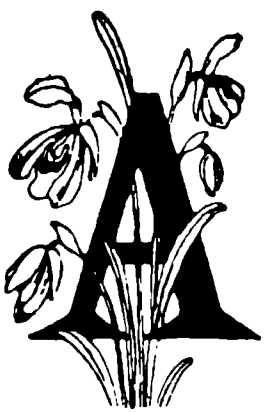
Женя Терентьева изготовила еще медаль съ надписью „за спасеніе Cadeau“.

VI.

Конецъ каникулъ.—Первыя розы.—L'Egypte.—Русалочка.

Августъ подходилъ къ концу. Кленъ зарумянился, а на липѣ золотыми пятнами пошелъ желтый листъ. Погода стояла еще теплая, и дѣвочкамъ жаль было разставаться со своимъ старымъ садомъ, не хотѣлось снова запереться въ душныхъ классахъ, взяться за книги, словомъ, войти въ монотонную рутину зимней институтской жизни.

Для перваго класса это была послѣдняя зима. Снова придетъ весна, зазеленѣетъ старый садъ, налетятъ въ него знакомыя птицы вить гнѣзда, сбѣгутся съ чердаковъ и изъ темныхъ подваловъ голодные, исхудалые „Наполеоны“ и „Ристори“; но первому, выпускному классу будетъ уже не до нихъ. 1 Мая, какъ въ волшебной сказкѣ, раскроются передъ ними каменные стѣны, и 30 бѣлыхъ дѣвушекъ выйдутъ въ широкій свѣтъ, и пойдетъ каждая изъ нихъ искать въ немъ свою долю земныхъ радостей и страданій.

— Надя Франкъ, въ приѣмную! Франкъ! Гдѣ Франкъ? Къ ней пріѣхалъ братъ, ее зовутъ въ маленькую приѣмную!

— Иду, иду? Тутъ я? Кто пришелъ ко мнѣ, не видѣли?

Франкъ бѣжала изъ сада, вся запыхавшись; ея толстыя косы, еще по лѣтнему распущенныя за спиной, на бѣгу били

ее по плечамъ, передніе волосы густой волной сбѣгали на лобъ, пелеринка была на боку, а въ передникѣ она держала завернутую куклу.

Въ старшемъ классѣ была „мода“ играть въ куклы и куклы у всѣхъ были одинаковыя,—фарфоровыя, вертящаяся головка, фарфоровыя-же ручки и ножки и лайковый животикъ „съ пищалкой“. При выпускѣ, каждая, обладавшая такимъ „baby“, дарила его своей обожательницѣ изъ маленькаго класса.

— Кто ко мнѣ пришелъ?

— Должно быть, братъ; Яковъ сказалъ: офицеръ.

— Андрюша!—и Франкъ опрометью бросилась на каменный подъѣздъ, хлопнула тяжелой дверью, промчалась мимо швейцарской въ коридоръ направо, рванула дверь пріемной и чуть не бросилась на шею совершенно незнакомому ей бѣлокурому офицеру.

— Ахъ!—и дѣвушка остановилась какъ вкопанная.

Яркое солнце, врывавшееся въ окошко пріемной, цѣлымъ снопомъ лучей легло на ея рыжую головку, покрыло розовымъ блескомъ взволнованное, смущенное личико и предательски освѣтило фарфоровую куклу, голова и руки которой выглядывали изъ скомканнаго передника дѣвушки.

Молодой офицеръ, стоявшій у окна, спиною къ двери, обернулся, услышавъ торопливые шаги, и тоже чуть не ахнулъ, увидя передъ собою дѣвушку. Ему казалось, что старый садъ, которымъ онъ только что любовался, выслалъ къ нему одну изъ своихъ нимфъ, всю сотканную изъ свѣжаго аромата зелени и яркихъ лучей солнца...

— Простите,—начала дѣвушка,—я ошиблась, меня звали къ брату...

— Mademoiselle Франкъ?—спросилъ офицеръ.

— Да, я Франкъ...

— Такъ я къ вамъ, отъ вашего брата, я его товарищъ по полку. Я былъ здѣсь въ командировкѣ и завтра уѣзжаю обратно въ Одессу... онъ взялъ съ меня слово повидать васъ

— А когда онъ пріѣдетъ?

— Онъ не можетъ быть раньше, какъ зимою, но онъ

самъ хлопочеть скорѣе о переводѣ въ Петербургъ; онъ знаетъ, какъ его здѣсь ждуть, вѣдь онъ теперь совсѣмъ сюда къ вамъ.

— Совсѣмъ?—переспросила дѣвушка и разсмѣялась; въ ея тихомъ, дѣтскомъ смѣхѣ было столько радости, что глядя на нее улыбался и офицеръ.

— Ну, да, совсѣмъ... Онъ вамъ прислалъ...—офицеръ торопливо обернулся и взялъ съ окна бонбоньерку, завернутую въ тонкую атласную бумагу, и большой букетъ бѣлыхъ розъ въ вѣнкѣ изъ незабудокъ.

— Это мнѣ?—съ недовѣрчивымъ восторгомъ обратилась дѣвушка къ офицеру.

— Да, конечно, Андрюша поручилъ мнѣ...

Лицо дѣвочки сіяло; не дотрагиваясь до конфетъ, она взяла букетъ въ правую руку, но онъ былъ великъ—и она прижала его къ груди.

— Подержите baby!—она протянула молодому человѣку свою куклу и тогда, взявъ букетъ въ обѣ руки, вдругъ поднесла его къ лицу и поцѣловала въ самую середину. Это были въ ея жизни первые поднесенные ей цвѣты, первый настоящій букетъ, который при томъ ей дарилъ молодой, красивый офицеръ.

Поцѣловавъ цвѣты, она подняла голову и, взглянувъ на офицера, который стоялъ передъ нею съ конфетами въ одной рукѣ и съ куклой въ другой, снова разсмѣялась. На этотъ разъ разсмѣялся и офицеръ, и точно какая-то преграда, стоявшая между ними, рухнула.

— Вы мнѣ позволите положить вашу даму „baby“ съ конфетами на рояль?

Франкъ кивнула головой.

— Только осторожно.

Затѣмъ они сѣли на скамейку пріемной и начали болтать, какъ старые знакомые.

— Вы знаете, что я здѣсь всѣхъ обманулъ, чтобы добраться до васъ; впрочемъ меня научилъ Андрюша.

— А какъ вы обманули?

— Я сказалъ швейцару, начальницѣ вашей, двумъ по-

чтеннымъ особамъ въ синемъ и одной тоненькой барышнѣ въ сѣромъ...

— Это стрекоза.

— Какъ?

— Это пепиньерка; онѣ, видите, въ сѣромъ и очень тянутся, это у нихъ мода быть тоненькими, пелериночки у нихъ широкія, вотъ и зовутъ ихъ „стрекозами“.

— А! Такъ вотъ всѣмъ этимъ особамъ я сказалъ, что я вашъ двоюродный братъ и пріѣхалъ изъ Одессы, чтобы именно повидаться съ вами.

— Это хорошо, а то, пожалуй, васъ не допустили бы; вѣдь сегодня послѣдній день каникулъ, завтра 20-го, начало классовъ. А я, какъ только узнала, что меня въ пріемной ждетъ офицеръ, была увѣрена, что это Андрюша, и такъ бѣжала, что меня никто не могъ бы удержать. Ахъ, какъ я обрадовалась.

— А потомъ разочаровались?

— Да, конечно, я чуть не заплакала, какъ вы повернулись ко мнѣ... Только вотъ эти цвѣты,—дѣвочка снова съ нѣжной лаской поднесла цвѣты къ лицу. Они до того нравились ей, что хотѣлось бы гладить ихъ, цѣловать, но теперь было стыдно.

— Надежда Александровна...

— Ахъ, какъ смѣшно!

— Что смѣшно?

— А вотъ вы меня такъ назвали, это тоже первый разъ въ жизни.

— Что значитъ „тоже“?

— А вотъ цвѣты мнѣ подарили въ первый разъ и такъ назвали, какъ въ жизни.

— Какъ же я могу васъ звать?

— Какъ?—Mademoiselle Франкъ!

— Мнѣ такъ не нравится.

— А васъ какъ зовутъ?

— Евгеній Михайловичъ.

— Евгеній, Eugéne, это красиво, мнѣ нравится. Такъ вы завтра въ полкъ? Поцѣлуйте за меня Андрюшу, тысячу разъ;

поцѣлуйте, скажите ему, что я его жду и Люда ждетъ его. Она молчитъ, но я знаю, что она страшно ждетъ его.

— Кто это Люда?

— Это моя подруга. Ахъ какая она душка; если бы вы ее видѣли, вы бы тоже начали ее обожать; только нельзя, она „бѣгаетъ“ за Андрюшей, и я просила его жениться на ней; жаль, она дежуритъ у кафулекъ, я не могу ее вызвать къ вамъ. Я бы показала вамъ тоже Eugénie, вотъ прелесть!

— Это тоже ваша подруга?

— Ахъ нѣтъ, это бѣлая кошка Петровой и Евграфовой, но какая милка. Когда же вы приѣдете снова въ Петербургъ?

— Я буду здѣсь къ веснѣ, т. е. какъ разъ къ вашему выпуску.

— Да? Вотъ это хорошо! Приѣзжайте прямо въ церковь, мы всѣ въ бѣломъ, батюшка намъ читаетъ проповѣдь и мы всѣ плачемъ. Очень, очень интересно видѣть нашъ выпускъ!

Дверь приѣмной скрипнула, и въ комнату, крадучись, пролѣзла M-lle Ноть.

— Пора, ma chère, идти обратно въ садъ. Матап позволила принять вашего брата только на полчаса. Вы знаете, что сегодня не приѣмный день.

Франкъ встала.

— Прощайте, „cousin Eugéne!“—и она лукаво поглядѣла на молодого человѣка.

— Прощайте, кузиночка—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Смотрите, не забудьте десять тысячъ разъ поцѣловать за меня Андрюшу.

— Вотъ ваши конфеты, вотъ babu въ цѣлости и сохранности.

Передавая бонбоньерку и куклу, онъ подошелъ ближе къ дѣвочкѣ и сказалъ ей тихо:

— Я уѣзжаю надолго, подарите мнѣ на память цвѣтокъ изъ вашего букета.

— Цвѣтокъ? Хорошо!—Дѣвушка вынула изъ букета небольшой пучекъ незабудокъ и одну розу изъ середины, безъ всякаго кокетства, забывъ, что это та самая, которую она въ восторгъ поцѣловала, затѣмъ она быстро сдернула съ кон-

чика одной косы маленькій синій бантикъ и этой лентой связала свой крошечный букетъ.

— Смотрите, когда онъ завянетъ, высушите его въ книгѣ, или въ толстой тетрадкѣ, но не бросайте; говорятъ, не хорошо бросать или жечь подаренные цвѣты.

Офицеръ наклонился взять цвѣты и поцѣловалъ маленькую ручку, державшую ихъ.

Надя Франкъ вспыхнула и невольнымъ движеніемъ отдернула руки. И это тоже было въ первый разъ; все личико ея покрылось краской...

Въ дортуарѣ перваго класса на ночномъ шкафикѣ Франкъ, въ большой грубой кружкѣ изъ подъ квасу, стояли остатки прелестнаго букета: пять-шесть распустившихся розъ и пучекъ незабудокъ, остальные цвѣты были розданы подругамъ. Ложась спать, Франкъ не болтала ни съ кѣмъ, не шла ни къ кому въ гости „на кровать“: она на колѣняхъ молилась больше обыкновеннаго передъ своимъ образкомъ, прикрѣпленнымъ къ чехлу ея кровати. Минуту она постояла передъ цвѣтами, и личико ея было грустно и блѣдно, какъ будто она предчувствовала, что въ жизни изъ цвѣтовъ нерѣдко вырастаютъ жесткія терніи. Затѣмъ она по привычкѣ легла на правый бокъ, положила подъ щеку правую руку и заснула. Трепетный сладкій ароматъ разносился надъ ея головой, ей снился офицеръ и сурово спрашивалъ у нея сравнительную хронологію семнадцатаго вѣка, изъ которой она не знала ни слова...

Вокругъ висячей ночной лампы, на табуретахъ, поставленныхъ верхомъ одинъ на другой (чтобы быть поближе къ огню), сидѣли три дѣвочки; ихъ голыя ножки болтались въ пространствѣ, юбочки доходили только до колѣнъ, широкія безформенныя кофты и бѣлые чепчики придавали имъ видъ отдыхающихъ клоуновъ; всѣ три вполголоса долбили „Египетъ“. Завтра первый классъ былъ Дютака, учителя всеобщей исторіи, которую въ институтѣ проходили на французскомъ языкѣ. Это было очень трудно, потому что никто не

рисковалъ „разсказывать“, а всѣ, какъ попугаи, долбили отъ слова до слова.

— Душка Пышка, спроси меня, — просила Маша Евграфова. Пышка, вся красная отъ усиленной долбни обернулась къ ней.

— Развѣ ты знаешь?

— Да, кажется, хорошо знаю.

— Ну, только не очень громко, не мѣшай мнѣ, — просила Иванова.

— А ты пока зажми уши и повторяй сама, что знаешь.

Маленькая Иванова поджала подъ себя ноги, положила на колѣни книгу и, заткнувъ уши, продолжала шептать урокъ.

— Ну, говори, не смотри въ книгу, уже теперь поздно.

— Ты, Пышка, не перебивай только меня, а то какъ сорвусь, такъ и кончено, ничего не помню. Слушай: „L’Egypte se trouve dans la partie du N. E. de l’Afrique sur les bords du Nil, qui par ses débordements annuels rend cette contrée très fertile. Du mois d’août, jusqu’au mois de novembre, les eaux du Nil inondent les contrées d’alentours et les couvrent de limon, de manière que l’agriculteur sans se donner beaucoup de peine confit ses semences à la terre et dans l’espoir d’une bonne moisson oublie ses champs pour quelques mois“...

Маша Евграфова нанизывала фразу за фразой, и Пышка только слѣдила за нею съ открытымъ ртомъ.

— Вотъ такъ хорошо! Когда это ты такъ выдолбила?

— Лѣтомъ, я всѣ каникулы долбила, я много параграфовъ такъ знаю, только меня сбивать не надо! — съ гордостью отвѣчала Маша.

— Медамочки, кто меня пустить на свое мѣсто? Я ничего не знаю „къ Дютаку“, просилась Чернушка, стоя внизу тоже босикомъ и поджимая подъ себя, какъ цапля, то одну ногу, то другую. Своихъ туфель имѣть не полагалось, кромѣ какъ для танцевъ, а надѣвать ночью грубые кожаные башмаки дѣти не любили.

— Вотъ Евграфова тебя пустить. Вотъ выдолбила l’Egypte — на зубокъ!

— Прощайте, душки, я спать. — Евграфова слѣзла, а Чер-

нушка, какъ обезьяна по вѣткамъ, по выдающимся угламъ табуретовъ поднялась на-верхъ, и снова всѣ трое усѣлись неподвижно вокругъ лампы, губы ихъ шептали, отъ усердія запомнить трудную фразу онѣ закатывали глаза въ потолокъ. Бѣдныя дѣвочки сидѣли такъ пол-ночи, какъ три факира, стерегущихъ священный огонь.

Въ одномъ изъ угловъ дортуара на трехъ сдвинутыхъ кроватяхъ сидѣла кучка институтокъ. Тамъ было весело, двѣ свѣчи горѣли въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, въ маленькихъ хрустальныхъ кружечкахъ было налито какое-то сладкое вино, на серединѣ кровати стоялъ подносъ и на немъ навалены вмѣстѣ куски всего:—паштета съ говядиной, копченая рыбка, пирожное, фрукты.—Чиркова угощала свой дворъ; она только сегодня вернулась изъ отпуска.

Тутъ шелъ тихій смѣхъ и разговоръ съ недоконченными намеками, имена Авенира, Анатоля и Basil'я такъ и пересыпали всякую фразу.

Чиркова лѣто провела въ Крыму, катаясь верхомъ, взбираясь на горы; въ ея рассказахъ красоты природы не играли никакой роли; на правахъ уже почти взрослой дѣвушки, она принимала участіе во всѣхъ пикникахъ *partie de plaisir* и какъ знатокъ говорила о лошадяхъ, ресторанахъ и проч. За лѣто куча ея поклонницъ сильно порѣдѣла; возлѣ нея оставались только три-четыре изъ слабохарактерныхъ, готовыхъ всегда прислуживаться тому, кто умѣетъ ими повелѣвать. Чахоточная тоненькая Быстрова, прозванная Русалочкой за ея бѣленькія ручки, впалую грудь и большіе синіе глаза безкорыстно жалась къ Чирковой, точно инстинктивно чувствуя, что ей никогда не видать той веселой, пустой, но интересной жизни, пестрой картины которой передъ ней развѣтывала ея свѣтская подруга. Русалочка училась неровно, какъ неровно и нервно дѣлала все. Родные ея были далеко, на Кавказѣ, она на груди носила образокъ с. Нины, бредила Демономъ, замкомъ Тамары и пѣла романсы надорваннымъ, но замѣчательно пріятнымъ голосомъ, произнося слова съ захватывающимъ выраженіемъ. До самаго поступленія Чирковой, дѣвочку всѣ любили, баловали, ласкали, но теперь она

отшатнулась отъ всѣхъ, стала рѣзка, и ея синіе, чудные глаза оживлялись и блестѣли, когда Чиркова рассказывала о театрѣ. Дѣвочка, привезенная въ институтъ съ восьми лѣтъ, ничего не видала, и теперь фантазія ея слѣдила за героями какой-нибудь ужасной драмы съ такимъ увлеченіемъ и пыломъ, что Чиркова не жалѣла красокъ и хотя въ душѣ считала Русалочку неизмѣримо ниже себя, гордилась тѣмъ обаяніемъ, подъ которымъ держала ее.

Шкотъ, лежа въ кровати у своей зажженной свѣчи, писала письмо на свою далекую родину; некрасивое, но симпатичное и серьезное лицо дѣвушки было освѣщено, и по нему легко было понять, какъ одинока она, какъ далеко отъ нея стоятъ и три обезьянки на высокихъ табуретахъ, долбятія І'Егурте, и кучка Чирковой, и всѣ эти безопасно сидящія дѣвочки.

Мало-по-малу все стихло, всѣ разошлись по кроватямъ, чья-то рука потушила лампу, дортуаръ погрузился во тьму, и только слышно было, какъ Русалка, лежа въ кровати, соседней съ Чирковой, тихо и нѣжно упрашивала ее рассказать ей балетъ „Русланъ и Людмила“.

А лѣто идетъ все къ концу, скоро запрутся распахнутыя окна и скроется изъ глазъ дѣвочекъ старый садъ. Надя Франкъ точно дорожитъ каждой минутой и цѣлыя ночи сидитъ забравшись съ ногами на подоконникъ и болтаетъ съ своимъ другомъ, бѣлокурой Людочкой. Кончивъ курсъ, Людочка, не колеблясь, приняла предложеніе Матап остаться пепиньеркою при младшемъ классѣ. Мать ея была безъ средствъ и дѣвушкѣ все равно предстояло идти въ гувернантки и, можетъ быть, ѣхать въ дальнюю провинцію, а у Людочки тамъ, въ глубинѣ ея кроткаго сердечка лежалъ образъ красиваго офицера, Андрюши Франкъ. Она знала, что молодой человѣкъ вернется къ Надину выпуску и безсознательно въ силу какого-то непобѣдимаго инстинкта желала непременно дождаться его въ институтѣ.

Сегодня, кончивъ дежурство, сѣренькая пепиньерка не слышно, какъ мышь, пробралась по коридору и явилась на назначенное ей Надей свиданіе.

Подъ окномъ, глубоко въ планѣ, лежалъ ихъ любимый старый садъ; среди черныхъ кустовъ и деревьевъ громаднымъ серебрянымъ пятномъ вырисовывалась площадка, усыпанная свѣтло-желтымъ пескомъ; лужайки и дорожки, залитыя луннымъ свѣтомъ, отражали на себѣ трепещущую тѣнь. Изрѣдка то тутъ, то тамъ, таинственно кралась кошка, замирала на мѣстѣ, медленно поводила хвостомъ и снова, эластично крадучись, пропадала въ кустахъ. Прохлада и ненарушимая тишина шли изъ сада въ открытое окно.

— Люда, когда ты смотришь внизъ, тебѣ не хочется броситься изъ окна?

— Господь съ тобою, вотъ выдумала... Отодвинься, Франкъ!

— А знаешь, меня такъ и тянетъ, только я вовсе не хочу упасть, разбиться, нѣтъ, мнѣ почему-то кажется, что меня какая-нибудь невидимая сила подхватитъ и поставитъ на землю.

— Вотъ чушь! Самымъ исправнымъ образомъ разобьешь себѣ голову.

— Нѣтъ, я убѣждена, что со мной ничего не случится. Хочешь, попробую?—и Франкъ вскочила на подоконникъ.

— Франкъ, сумасшедшая! Сиди смирно или я сейчасъ уйду, я даже говорить съ тобой не хочу!

— Ахъ, Люда, отчего у тебя нѣтъ такой вѣры... а у меня, ты знаешь, бываетъ,—именно вотъ такъ: въ сердцѣ горитъ, горитъ и чувствуешь въ себѣ такую силу, что, кажется, весь домъ, вотъ весь нашъ институтъ, возьмешь на руки и подынешь.

— Неужели ты, Франкъ, бросилась бы изъ окна? Франкъ засмѣялась.—Нѣтъ, конечно, не бросилась бы, это я такъ, тебя поугатать хотѣла, а только правда, что мнѣ иногда почему-то кажется, что со мною ничего не можетъ случиться и что я все могу! Ты знаешь, мнѣ говорилъ Минаевъ, что въ древности христіане умѣли желать и вѣрить, и отъ этого происходили чудеса, и я знаю, что онъ говоритъ правду. Только всегда и всего желать нельзя, такъ желать можно, только очень рѣдко. Знаешь, я разъ желала, чтобы солнце

сошло ко мнѣ. Я была одна одиныхонька въ дортуарѣ, окно вотъ также было открыто, и солнце стояло какъ разъ противъ меня. Я протянула къ нему руки и такъ желала, такъ желала обнять его! Мнѣ стало холодно, въ глазахъ шли круги, подъ волосами ползали мурашки и вдругъ я почувствовала, какъ что-то теплое, круглое, легло мнѣ на руки и ослѣпило меня. Когда я открыла глаза, у меня болѣла голова, изъ глазъ текли слезы, но, я тебя увѣряю, солнце сходило ко мнѣ!

— Господи! Франкъ, да ты совсѣмъ сумасшедшая! Вѣдь солнце болѣе чѣмъ въ миллионъ разъ больше земли, лучи его, доходя съ высоты 140 миллионовъ, жгутъ и высушиваютъ почву, а ты говоришь, что оно сошло къ тебѣ на руки!

— Ахъ Люда... я чувствовала!

Дѣвочки смолкли. Надя глядѣла въ садъ и снова теряла чувство дѣйствительности, и садъ, и луна, и блуждавшія тѣни кошекъ казались ей сказкой, но не такой, которую рассказываютъ, а которую переживаютъ во снѣ длиннымъ рядомъ странныхъ фантастическихъ картинъ. Людочка нахмурилась; ей хотѣлось совсѣмъ о другомъ говорить съ подругой.

— Ты когда писала Андрюшѣ? — спросила она, беря Франкъ за руку.

— Дусѣ? Я буду писать завтра. У тебя есть симпатическія чернила?

— Есть, я всегда беру ихъ для этихъ писемъ, да только теперь тебѣ зачѣмъ? Ты пиши завтра въ саду, когда Ноть уйдетъ завтракать, а послѣ обѣда я отпрошусь въ гостиный дворъ и сама опущу письмо. Какъ ты думаешь, когда онъ пріѣдетъ?

Франкъ вдругъ вскочила съ подоконника и схватила Люду за голову.

— Онъ пріѣдетъ, онъ пріѣдетъ,—пѣла она тихонько,—онъ пріѣдетъ къ сентябрю и навсегда; онъ переводится на службу въ Петербургъ; мнѣ это сказала вчера мама; онъ писалъ ей.

Людочка громко разсмѣялась и начала цѣловать Франкъ.

— Кто это хохочетъ и спать не даетъ?—ворчала „Бульдожка“—это очень глупо!

Е. АМОХИШ - БУКОВОСКАЯ

Франкъ и Людочкѣ вдругъ стало очень смѣшно; онѣ уткнулись въ подушку на пустой кровати и хохотали какъ безумныя.

Быль утомительно жаркій іюльскій день и, несмотря на запрещеніе бѣгать на „гигантскихъ“ до обѣда, первый классъ, воспользовавшись отсутствіемъ Кильки, бросился на качели.

Ирочка Говорова, хорошенькая брюнетка, съ замѣчательно толстой и длинной косой, была особенно весела; она перетягивала всѣхъ, кто хотѣлъ, т. е. подпускала внизъ свою веревку; и тотъ, кто былъ на верху, леталъ особенно легко и высоко. Когда дежурный солдатъ, сѣдой Савелій, появился на каменномъ подъѣздѣ института и, поднявъ высоко руку, три раза ударилъ огромнымъ колоколомъ, Ирочка сбросила съ себя лямку и раньше, чѣмъ на площадку стеклись всѣ классы, влетѣла въ галерею и, схвативъ свою кружку холоднаго молока, выпила ее до дна. За завтракомъ съ Ирочкой сдѣлалось дурно, она поблѣднѣла, ее начало трясти, въ 2 часа ее отправили въ лазаретъ, затѣмъ въ классъ проникли какіе-то лихорадочные тревожные слухи; шопотомъ передавали, что Ирочкѣ хуже, что у нея холера. Килька три раза бѣгала въ лазаретъ и къ вечеру, не успѣла она ввести классъ въ дортуаръ, какъ ее потребовали къ Матап. Дѣвочки, обрадовавшись отсутствію классной дамы, шалили. Бульдожка, напѣнивъ мыла, достала откуда-то соломинку, пускала мыльные пузыри и любовалась перламутровымъ отливомъ, который имъ придавалъ свѣтъ лампы. Евграфова, намыливъ руки, гонялась за Петровой, громко напѣвая:

Чертъ намылилъ себѣ носъ,
Напомадилъ руки
И изъ ледника принесъ
Ситцевыя брюки.

— Да полно вамъ, барышни,—крикнула, не выдержавъ рыжая Паша,—молитесь лучше за упокой души рабы Божьей Ирины, вѣдь барышня Говорова то скончалась...

Минуту въ дортуарѣ царила мертвая тишина, казалось, смерть распростерла свои крылья и дохнула холодомъ на

этихъ тридцать дѣвушекъ-дѣтей, полныхъ здоровья и силы. Затѣмъ жизнь взяла перевѣсъ, и всѣ разразились бурнымъ отчаяніемъ.

— Ирочка умерла! Ирочка, такая здоровая, веселая, ласковая!.. Ирочка, хохотавшая сегодня на весь садъ, перетягивавшая всѣхъ на „гигантскихъ?“... Не можетъ быть! Развѣ такъ быстро умираютъ? Значитъ, сегодня Ирочка, завтра другая, третья...—дѣвочки кричали, громко перебивали другъ друга, почти всѣ плакали, нѣкоторыя молились.

— Паша, милая, ты навѣрно знаешь, что она умерла?

— Знаю, барышня, потому что, такъ какъ онѣ были моего дортуара, такъ меня приставили обмывать ихъ.

— И ты обмывала?—дѣвочки отшатнулись и со страхомъ глядѣли на ея руки.

— А то какъ-же, развѣ я дамъ другимъ? Онѣ были „моей барышней“... и мертвая-то барышня, какъ живая, бѣленькая такая, а волосы, что вороново крыло, какъ положили въ гробъ, такъ по обѣ стороны, какъ покрывало, до самыхъ ногъ лежатъ...

— Ее уже и въ гробъ положили?

— Да, онѣ померли въ самый обѣдъ, въ четыре часа, а въ 7 ихъ уже въ гробъ положили.—Паша заплакала, за нею заплакали слушавшія ее, а за ними зарыдалъ и весь классъ.

Смерть вообще была рѣдкимъ явленіемъ въ институтѣ. За два, три года умирали не больше одной, а тутъ такъ страшно грубо была вырвана взрослая здоровая дѣвушка. Смерть являлась какимъ-то страшнымъ насиліемъ и дѣвочки рыдали не только отъ жалости къ подругѣ, но и отъ страха передъ невѣдомой, грозной силой.

— „Со святыми упокой душу рабы Твоея, идѣ же нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни плачь, ни воздыханія“...—запѣла громко Салопова, ставъ на колѣни и поднявъ руки вверхъ.

За нею и другія дѣвочки бросились на колѣни и хоромъ дрожащими голосами подхватили молитву.

Надя Франкъ упала на кровать лицомъ въ подушку и, заткнувъ уши судорожно рыдала.

— Молчать!—крикнула на весь дортуаръ Шкотъ.—Молчать, сумасшедшія! Салопова, не смѣть юродствовать!

Авторитетный, здравый голосъ отрезвилъ дѣвочекъ; какъ струя свѣжаго воздуха, разогналъ кошмаръ. Дѣвочки повскакали съ колѣнъ и начали раздѣваться. Салопова уткнулась головою въ полъ и продолжала молиться тихо.

— Франкъ, перестань, перестань, опомнись...—говорила Шкотъ, ласково отрывая ея лицо отъ подушки:—Иди ко мнѣ!

— Ахъ, Шкотъ, Шкотъ, вѣдь мы всѣ умремъ, всѣ, и я, и вы, и мама, и Андрюша, и Кадошка, всѣ, всѣ, кто только живетъ, какъ это страшно!

— Да, но ни ты, ни я, ни Андрюша, ни твой Кадошка, никто не будетъ знать заранѣе, когда именно, и потому, если тебѣ, напримѣръ, суждено умереть лѣтъ восьмидесяти, то ты слишкомъ рано начала оплакивать себя. Ирочку жаль, очень жаль, но она сама виновата, вся въ поту, запыхавшись, выпила холоднаго молока; у нея сдѣлалось, говорятъ, острое воспаленіе. Ну, молчи, иди ко мнѣ, сегодня я буду рассказывать тебѣ сказки, хочешь?—и Шкотъ увела къ себѣ уже тихо всхлипывавшую дѣвочку.

— Медамочки, ради Бога, чтобы сегодня всю ночь горѣла лампа,—молила маленькая Иванова.

Дортуаръ погрузился въ тишину. Шкотъ убавила въ лампѣ огонь и легла; въ ногахъ у нея сидѣла печальная Франкъ.

— Франкъ, сколько дней намъ еще осталось до выпуска!

— Сегодня, Шкотъ, 19-ое августа, выпускъ 1-го мая... да у меня записано, только вѣрно не помню.

— Ахъ, какъ я жду выпуска; я уѣду въ Шотландію. Еслибы ты знала, Франкъ, какъ тамъ хорошо! Горы, знаешь, высокія, до неба, и на верху всегда снѣгъ; теперъ, когда я большая, я непременно съ проводникомъ пойду туда. Въ горахъ озера глубокія, тихія, вода въ нихъ синяя, какъ и небо, темно-синее, а какая тамъ зелень, какіе цвѣты въ горахъ, совсѣмъ особенные! У насъ тамъ большой котеджъ, знаешь, ферма. Домъ господскій нашъ стоитъ на выступѣ горы, со-

вершенный замокъ! Въ немъ есть высокія залы, а въ нихъ огромные камины, туда наваляютъ толстыхъ дубовыхъ чурокъ, и огонь горитъ цѣлый день. У насъ есть башни, оттуда изъ верхнихъ оконъ видно далеко, далеко на широкія, ровныя, какъ зеленый бархатъ поля; тамъ ходятъ стада; у коровъ на шеѣ большіе звонки и подобраны подѣ тонъ, звенятъ, какъ музыка; коровъ стерегутъ громадныя бѣлыя собаки, мохнатая, съ длинными мордами, горныя овчарки; онѣ очень умныя и злыя. Церкви тамъ всегда стоятъ въ саду; часто церковь соединена галлерейкой съ домомъ пастора, а пасторы тамъ живутъ хорошо—сады у нихъ, цвѣты... Въ четыре часа со всѣхъ сторонъ несетъ такой особенный звонъ къ молитвѣ и гдѣ-бы кого не засталъ этотъ звонъ, въ саду, на дорогѣ, въ полѣ, каждый становится на колѣни и читаетъ про себя ту же молитву, которую въ то время читаетъ и священникъ. Ты понимаешь, это ихъ объединяетъ...

Франкъ слушала, вперивъ въ говорящую свои широкіе сѣрые глаза. Слова ложились передъ ней картинами; живое воображеніе дѣвочки схватывало всѣ вызываемые образы.

— Счастливая Шкотъ! А съ кѣмъ ты туда поѣдешь?

— Съ дѣдушкой и бабушкой; только они у меня уже старенькіе,—дѣвушка потупилась,—а, впрочемъ, никто, какъ Богъ, можетъ, еще и проживемъ вмѣстѣ годковъ десять...

Эти слова снова навели ихъ на мысль о разлукѣ и смерти; обѣ стали говорить тише.

— Ты знаешь,—продолжала Шкотъ,—почему я учусь такъ хорошо, а особенно языки; я открою школу въ нашемъ имѣніи и сама буду учить мальчиковъ и дѣвочекъ, т. е. я и сосѣдній пасторъ.

— А развѣ ты замужъ не пойдешь?

— Какая ты смѣшная, почему я знаю! Хотя, вѣрнѣе, не пойду. Пока старики живы, я не разстанусь съ ними ни за что, а потомъ, когда ихъ не будетъ, Богъ дастъ, я и сама буду уже не молодая, и меня никто не возьметъ.

— Ахъ, Шкотъ, не говори такъ! Когда я думаю, что никто на мнѣ не женится, я всегда плачу; мнѣ становится такъ страшно, вотъ какъ умереть!

— Вотъ такъ Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека! Ай-да Франкъ, не ожидала я отъ тебя такого признанія; — смѣялась Шкотъ, да ты это съ чего-же?

— Ахъ, Шкотъ, какъ я вамъ это объясню, я сама не знаю, почему это такъ надо выйти замужъ, а только съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, для меня это всегда было самая страшная угроза, бывало сердисься — нянька говоритъ: кто такую злющую замужъ возьметъ? Въ 14 лѣтъ я вытянулась худая, шея у меня стала, что у гуся, длинная. Опять мама въ отчаяніи: пойми, говоритъ, ты бѣдная дѣвочка и еще дурнѣешь, у тебя, говоритъ, ни гроша приданаго и весной все лицо въ веснушкахъ, кто тебя, говоритъ, возьметъ замужъ? Теперь, когда время идетъ къ выпуску, у мамы кажется, каждая третья фраза начинается съ того: „когда ты выйдешь замужъ...“. Вотъ теперь и подумайте, Шкотъ: что же это будетъ, если меня никто не возьметъ, и я останусь старой дѣвой? Вѣдь вотъ, вѣроятно, оттого всѣ старыя дѣвы и злы.

— Ужь будто всѣ старыя дѣвы и злыя?

— Ахъ, всѣ, всѣ, Шкотъ! Вотъ ужь на нашихъ глазахъ: кончитъ курсъ—ангелъ, останется въ пепиньеркахъ—ее обожаютъ, а пройдетъ года три, надѣнетъ синее платье и сейчасъ готово — вѣдьма!.. Нѣтъ, Шкотъ, я непременно хочу выйти замужъ и имѣть дочь, которую отдамъ въ нашъ же институтъ. Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что это будетъ лѣтъ черезъ 10 — 15, а къ тому времени садъ нашъ разрастется и будетъ еще красивѣе, еще гуще, всѣ учителя и класныя дамы состарѣются и станутъ гораздо добрѣе.

— Вотъ выдумала! Да черезъ 15 лѣтъ, тутъ, пожалуй, никто и не останется изъ тѣхъ, кого мы знаемъ.

— Ну, новые будутъ. И знаете, я думаю, къ тому времени, все здѣсь будетъ лучше и свободнѣе; вѣдь и за наше время ужь какъ много измѣнилось и все къ лучшему.

— Дай-то Богъ!—сказала задумчиво Шкотъ. Ужь очень оторваны мы отъ семьи; какъ домой хочется! А тебѣ жаль будетъ когонибудь оставить въ институтѣ?

— Знаете, Шкотъ, кого мнѣ очень, очень будетъ жаль?.. Звѣрева.

— Ты съума сошла! Что тебѣ за дѣло до него.

— Не знаю, Шкотъ; онъ выгладить такимъ больнымъ, несчастнымъ, а я у него учусь русской исторіи, на зубокъ, даже по ночамъ учусь. Онъ какъ вызоветъ одну, другую, врутъ, врутъ, а онъ сердится, кричитъ и, какъ намучается, сейчасъ вызоветъ меня. Я говорю и гляжу ему въ глаза, а онъ такъ молчитъ, и успокаивается, глаза у него станутъ добрые, лицо разгладится, вотъ точно я ему воды дала напиться! А мнѣ его такъ жалко, такъ жалко, что я сказать вамъ не могу!

— Ступай спать, Франкъ! Спокойной ночи, поцѣлуй меня!

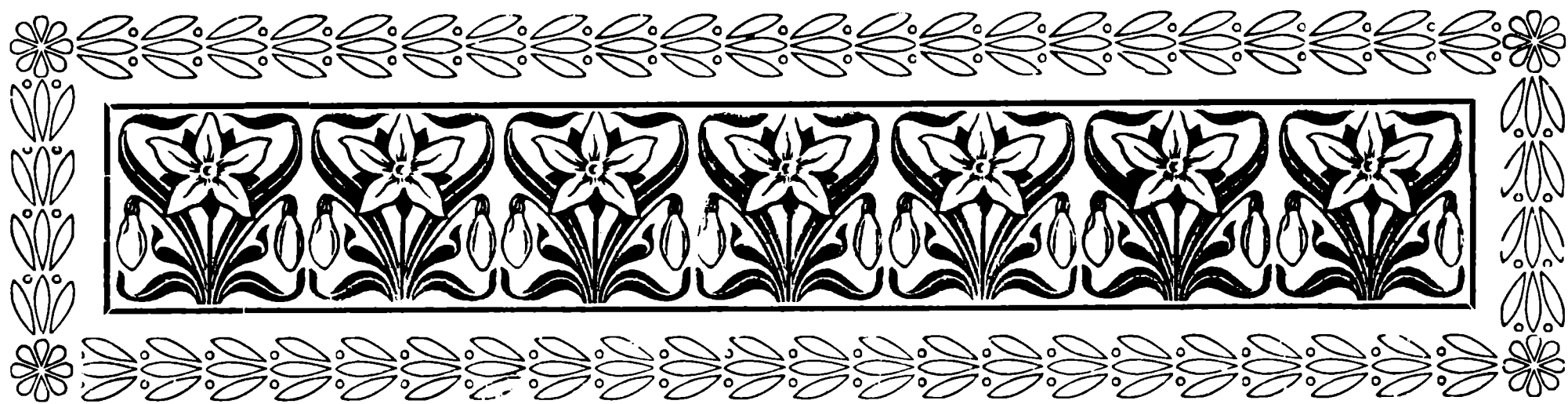
Франкъ горячо поцѣловала Шкотъ, которую буквально обожала въ душѣ, и пошла къ своей кровати, молиться и ложиться спать.

— Франкъ, — сказала Шкотъ на другой день, — я переимѣнила твое прозваніе: ты не Баярдъ, веселый рыцарь безъ страха и упрека, ты рыцарь, но рыцарь-мечтатель, ты—Донъ Кихотъ!

Послѣдній годъ за Франкъ такъ и укрѣпилось прозвище: Донъ Кихотъ.

VII.

Выпускной классъ.—Разборка кузеновъ.—Бесѣда съ рыжей Пашей.—Гаданіе.

 двадцатаго августа, въ институтской церкви, отецъ Адрианъ отслужилъ молебенъ для начала занятій и поздравилъ дѣвушекъ съ переходомъ въ старшіе классы. Затѣмъ снова весь институтъ собрался въ большомъ залѣ, снова вошли туда начальница, инспекторъ и нѣсколько учителей.

Было произнесено нѣсколько рѣчей, сводившихся къ тому, что надо хорошо себя вести и учиться. Дѣвочки благодарили, присѣдали, и, наконецъ, разошлись по классамъ; начались занятія.

Первый классъ былъ почти пропущенъ, — Дютакъ могъ заниматься только полчаса—*Les jardins suspendus de Semiramis* и *l'Égypte* однѣми были пробарабанены, другими исковерканы до неузнаваемости. Салопова, та прямо объяснила, что иностранные языки „Богу не угодны“, и не училась и не отвѣчала, а такъ какъ всѣ знали, что, кончивъ институтъ, она идетъ въ монастырь, то ее оставляли въ покоѣ и переводили изъ класса въ классъ.

Грушецкая, „Дромадеръ“, высокая, сутуловатая, съ поднятыми лопатками, такъ и вышла изъ института называя

своего брата, гарнизоннаго офицера, „Кискенкинъ“; языкъ у нея былъ дѣйствительно суконный; она кончила курсъ, буквально не умѣя ни читать, ни писать по-французски и по-нѣмецки. Во второмъ классѣ съ нею былъ случай, которому трудно повѣрить.—Зная, что ее долженъ вызвать нѣмецъ къ доскѣ писать переводъ, она съ утра упросила Бульдожку, за булку, написать ей переводъ. Бульдожка согласилась, добросовѣстно съѣла булку, написала ей бумажку и не велѣла никому показывать. Вызванная къ доскѣ, Грушецкая встала храбро и, къ ужасу цѣлаго класса, начала четко и ясно выводить на доскѣ мѣломъ: „Die kurī, turī lurī, ich gab dir arleuri“... Тутъ весь классъ покотился со смѣху, и, услышавъ крики: „сотри! сотри!“ оторопѣлый „Дромадеръ“ успѣлъ стереть свою кабалистику раньше, чѣмъ учитель всталъ съ кафедры и прочелъ написанное ею.

Весь послѣдній годъ старшій классъ „тренировали“ какъ скаковыхъ лошадей, тутъ была одна конечная цѣль—„выпускной экзамень“. Экзамены эти были не такъ важны для дѣвочекъ, уходившихъ навсегда изъ институтскихъ стѣнъ, какъ для учителей, преподавательская дѣятельность которыхъ оцѣнивалась именно этими испытаніями. Дѣвочекъ старшаго класса, въ послѣднемъ году, дѣлили на три категоріи; ихъ, какъ золотой песокъ, фильтровали и просѣивали, составляя отборную группу солистокъ, на которыхъ и обращалось все вниманіе; затѣмъ хоръ, съ которымъ занимались тоже, такъ какъ они годились для отдѣльныхъ отвѣтовъ, чтобы усилить общее впечатлѣніе, и, наконецъ, статистокъ, вродѣ Салоповой, Грушецкой, которыя уже никуда не годились и фамиліи которыхъ, какимъ-то фокусомъ, даже не всегда попадали въ экзаменные списки. Все искусство инспектора, вся ловкость классныхъ дамъ, вся опытность преподавателей сводились къ тому, чтобы ни одинъ изъ самыхъ язвительныхъ „чужихъ“ не нашелъ возможнымъ опредѣлить настоящую степень невѣжества выпускныхъ дѣвочекъ.

Корифеями выпускныхъ экзаменовъ являлись: Лафось—французъ, у котораго четыре, пять дѣвочекъ, съ чисто парижскимъ акцентомъ, разыгрывали сцены Мольера и декла-

мировали изъ Виктора Гюго и Ламартина; Поповъ, съ блестящими отрывками изъ русской словесности, стихами и всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ правописанія, котораго не знала ни одна; Степановъ, у котораго дѣвочки, дѣйствительно, знали хоть что-нибудь, въ границахъ преподаваемаго имъ курса естественной исторіи и физики; затѣмъ учителя пѣнія, танцевъ, гимнастики и музыки, у котораго дѣвочки играли на столькихъ рояляхъ за-разъ, сколько могли найти въ институтѣ, и во столько рукъ, сколько хватало. Мучениками послѣднихъ экзаменовъ являлись: учитель рисованія, которому надо было приготовить собственноручно тридцать недурныхъ картинъ акварелью и карандашомъ и дать подписать каждой ученицѣ свою фамилію, и учительница рукодѣлія, которая ночи просиживала за „институтскими“ работами роскошныхъ капотовъ, чепчиковъ и др. „ouvrages fins“, которыми восхищались всѣ зрители...

Въ этомъ году, стараніями инспектора, для первыхъ двухъ классовъ прибавился новый предметъ и новый учитель: его братъ Николай Матвѣевичъ Минаевъ, началъ преподавать педагогику и дидактику. Признано было, что дѣвочкамъ, треть которыхъ готовится быть гувернантками, надо знать науку воспитанія и обученія дѣтей. Насколько педагогика послужила къ развитію умственныхъ способностей дѣвочекъ,—это вопросъ, но для классныхъ дамъ наука эта стала „bête noire“, потому что дала поводъ критиковать всѣ ихъ поступки, такъ сказать, на законномъ основаніи.

Бѣжали дни и слагались въ недѣли, недѣли уводили за собой мѣсяцы и незамѣтно, среди занятій и мелкихъ институтскихъ событій, наступило Рождество и близился годовой балъ, который давалъ отъ себя каждый выпускной классъ...

Дѣвочки дѣлали складчину, устраивали буфетъ и приглашали на этотъ балъ только кого хотѣли. Таковы были традиціи, что приглашенія писались самими воспитанницами и только тѣмъ лицамъ, которыя, по общему мнѣнію, заслуживали того. Приглашительное письмо писалось коллегіально отъ всего класса—это былъ, такъ сказать, первый актъ гражданской свободы выпускного класса. Разговоръ объ этомъ

балъ и приготовленій къ нему была масса. Кавалеры могли приглашаться и „съ воли“, но списокъ ихъ съ помѣтками: „frère, officier de la garde“, „cousin-cadet“, „oncle-procureur“ и т. д. передавались на обсужденіе начальницы, и она по какимъ-то высшимъ соображеніямъ ставила у иныхъ крестъ согласія, а другихъ вычеркивала.

— Mesdames, кто хочетъ кузена, у кого нѣтъ?—спрашивала Назарова.

— А какой у тебя кузень, военный или штатскій,—обращались къ ней.

— Это товарищъ брата, правовѣдъ; братъ говорилъ, и *charmant garçon*, онъ очень хочетъ быть на нашемъ балу.

— Ну, дай Ивановой. Иванова, возьми кузена, вѣдь у тебя никого нѣтъ!

Иванова летитъ къ концу класса:

— Кузена? Давай, только съ условіемъ, чтобы онъ со мной танцовалъ! Слышишь, Назарова?

— Ну да, конечно, я скажу ему, давай записку.

Иванова пишетъ: „Екатерина Петровна Иванова, дочь надворнаго совѣтника, 17 лѣтъ“. Назарова прячетъ записку, а ей отдаетъ данную ей братомъ: „Сергѣй Николаевичъ Храбровъ, правовѣдъ, 19 лѣтъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника“.

Такія записки необходимы. — Мaman можетъ вдругъ спросить: „Кто вашъ кузень, *ma chère enfant*?“—*Serge Храбровъ*, Мaman, élève de l'école de droit, son père général tel... Или его, при входѣ, могутъ спросить: „Кто ваша кузина“—*Catiche Ivanoff*,—отвѣчаетъ онъ безъ запинки...

Чтобы не ошибиться въ лицо съ кузеномъ, котораго никогда въ глаза не видали, условливались, съ кѣмъ войдетъ или гдѣ встанетъ или такой-то цвѣтокъ одѣнетъ въ петличку. Молодымъ людямъ было труднѣе разбирать своихъ кузинъ, потому что тѣ, какъ въ сказкѣ о 13 лебедяхъ, на первый взглядъ со своими форменными платьями и одинаковыми переринками всѣ казались на одно лицо.

Въ этомъ году балъ назначенъ былъ на четвертый день Рождества, а теперь приближался канунъ-сочельникъ, и дѣ-

вочки сговаривались гадать и наряжаться, и ходить по классным дамамъ. Раздобывъ часть костюмовъ изъ дому, часть смастеривъ сами изъ разныхъ тряпокъ, дѣвочки составляли пары:—цыганъ и цыганка, франтъ и франтиха, пастухъ и пастушка.

— Шкотъ, не знаете-ли вы гаданья, только очень вѣрнаго,—спрашивала Франкъ свою авторитетную подругу накануне сочельника.

— А ты вѣришь въ гаданья?

— Да я не знаю, я никогда не гадала, но, видите, теперь мнѣ хотѣлось бы... вы скажите, вѣдь вы вѣрно знаете?

Шкотъ задумалась.—Нѣтъ, право не знаю, читать-читала, только все не подходящее; вотъ: Татьяна у Пушкина идетъ на дворъ въ открытомъ платьѣ и наводитъ на мѣсяцъ зеркало, или вотъ—Свѣтлана садится передъ зеркаломъ въ полночь, вѣдь это все тебѣ не подходитъ? Вотъ что, Франкъ, ты спроси лучше нашу дортуарную Пашу, она навѣрно все знаетъ и посоветуетъ тебѣ.

— А вѣдь это правда, Шкотъ, Паша навѣрно все знаетъ!

Франкъ дождалась вечера сочельника, и когда всѣ легли спать, отправилась въ умывальную, къ Пашѣ.

— Вы что, милая барышня, гадать что-ли хотите?

— Да, Паша, я хотѣла бы гадать, мы всѣ хотѣли бы, да не умѣемъ.

— Вотъ что, барышня, я объ гаданьяхъ много знаю, слыхала отъ подружекъ,—да только вѣдь гаданье вещь страшная, неровень часъ и не отчураешься. Вотъ такъ-то одна гадала, пошла въ овинъ...

— Это что такое овинъ, Паша?

— Не знаете? Ничему-то васъ, барышня, не учатъ; вотъ, институтъ покидаете, на волю выходите, а несмысленышъ вы, какъ дите малое, только что каля-баля по-французски, да трень-брень на роялѣ.

Паша даже вздохнула. Вздохнула и Надя Франкъ,—а вѣдь правда, кромѣ нотацій, выговоровъ и уроковъ, никто,

никто за всѣ семь лѣтъ не говорилъ съ ними; ни одной бесѣды вотъ такой, простой, дружеской, какъ съ этой рыжей Пашей, не было у нея никогда ни съ кѣмъ изъ старшихъ. Никто не вздумалъ хоть немножко разъяснить массу смутныхъ вопросовъ, догадокъ, зарождавшихся въ душѣ. Напротивъ, на каждый смѣлый вопросъ былъ одинъ отвѣтъ: *Ayez honte de demander des choses pareilles. Taisez vous, Mademoiselle, ou vous serez punie!*

— Овинъ, барышня, это сарай такой въ полѣ стоитъ, одинъ; подъ осень въ немъ хлѣбъ молотятъ, ну, а зимой, онъ пустуетъ. Такъ вотъ одна дѣвушка, Марьей ее звали, надумала гадать; сволокла она втихомолочку въ овинъ скамью, разстелила на ней полотенце, а на него поставила поддонъ съ хлѣбомъ и солью крупной. Въ полночь прибѣгла она къ овину, вошла въ него; жутко таково: вѣтеръ-то кругомъ воймя-воетъ, морозъ отъ угла въ уголъ щелкаетъ. А въ овинѣ темно, потому оконъ нѣтъ, однѣ ворота широкія, а она за собой ихъ примкнула. Стала она вызывать: „суженый, ряженый, приди ко мнѣ наряженный!“... Ну и пришелъ...

— Какъ же онъ пришелъ, Паша, скажите, что же дальше-то, потомъ?—вся похолодѣвъ, упрашивала ее Франкъ.

— Такъ, на утро хватились въ избѣ дѣвки, дѣвки нѣтъ, гдѣ да гдѣ, а подружки и проговорись: въ овинъ-моль гадать ходила. Ну, туда. А овинъ-то запертъ и входъ самый завалило, замело, снѣгу страсть, горой стоитъ, видно, „самъ“ замель и ходъ туда. Мужики за лопатами, едва снѣгъ отгребли, входятъ, а дѣвонька у самага входа лежитъ вся бѣлая, бѣлая, глазыньки закрыты и душенька вонъ вылетѣла. Скамья опрокинута, хлѣбъ далеко валяется. Крестъ-то, барышня, какъ гадать, она сняла съ шеи; вотъ „онъ“ ее видимо и придушилъ...

— Господи, какія страсти!—Франкъ перекрестилась.

— Гадаютъ, также у насъ, барышня, и такъ: надо пойти въ 12 часовъ, ну хоть на дворъ, а не то такъ въ комнату, только гдѣ молодякъ-мѣсяцъ въ окно смотреть. Взять надо съ собой бѣлое полотенце и разослать его такъ, чтобы лучъ-то мѣсяца лежалъ какъ разъ на немъ, и одного только сте-

речься надо, чтобъ ни своя, ни чужая тѣнь не легла на холстъ. Завернуть этотъ лучъ, да и нести его къ себѣ подъ подушку. Во снѣ, какъ на ладони, вся будущность такъ и привидится; только ужь разговаривать, какъ идешь назадъ съ лучемъ-то, нельзя ни слова, а то и чары пропадутъ. А то вотъ вамъ, барышня, деликатное гаданіе. Пойдите вы въ полночь къ часамъ, и какъ пробьютъ 12 часовъ, послушайте кругомъ, можетъ, и услышите чей голосъ.

— Куда же я пойду, къ какимъ часамъ? Ахъ, стойте, стойте, Паша, я пойду по парадной лѣстницѣ на среднюю площадку; тамъ, вѣдь, у насъ большіе, круглые часы, и бьютъ такъ звонко, что въ классахъ слышно.

— Вотъ-вотъ, барышня, это и есть что вамъ надо.

— Вотъ спасибо, Паша; только какъ я узнаю, когда мнѣ на площадку идти, часы-то слушать?

— А вотъ постойте, барышня, у меня спички есть, я спущусь сперва сама и посмотрю, который теперь часъ.

Паша стала обуваться и кутаться въ платокъ, а Франкъ отошла къ окну умывальной и сѣла на подоконникъ; прижавшись лбомъ къ холодному стеклу, она снова глядѣла внизъ въ старый садъ. Молодой мѣсяць стоялъ на небѣ и сіялъ серебрянымъ полурогомъ, садъ лежалъ подъ бѣлою пеленой, а деревья въ фантастическихъ ватныхъ одѣянїяхъ тянули другъ къ другу вѣтвистыя руки; кусты стояли роскошными шатрами, покрытыми ярко бѣлыми сводами. Крыши галлерей казались бѣлою, нескончаемой дорогой, и все было тихо, ни живой души, какъ въ заколдованномъ зимнемъ царствѣ.

— Ступайте, барышня, пора, черезъ 7 минутъ часы будутъ бить полночь.

Франкъ заволновалась. Запахнувшись плотнѣе въ платокъ, какъ была въ юбочкѣ и однихъ чулкахъ, она вышла изъ умывальной въ коридоръ, на церковной площадкѣ сдѣлала земной поклонъ передъ закрытыми воротами, спустилась по широкой лѣстницѣ въ средній этажъ и, едва дыша, съ бьющимся сердцемъ, присѣла на полукруглую скамейку, стоявшую въ нишѣ подъ часами. Сквозь два круглыхъ окна по

бокамъ стѣны шелъ серебристый лучъ мѣсяца и, робкими полосами, струясь какъ вода, бѣжалъ по ступенямъ лѣстницы внизъ. Едва дѣвочка немножко успокоилась, какъ въ концѣ класснаго коридора стукнула дверь, слышались тихіе голоса, шаги приближались къ лѣстницѣ. Франкъ неслышно, какъ мышь, соскользнула со скамейки и, обойдя кругомъ, присѣла за ея высокой деревянной спинкой. Чуть-чуть выглядывая, она увидѣла трепетный свѣтъ свѣчи, бѣжавшій къ лѣстницѣ, и услышала мужской голосъ.

— Не безпокойтесь ради Бога, тутъ свѣтло!—Голосъ былъ Минаева: очевидно, у Коровы въ „чертовомъ переулкѣ“ было какое-нибудь совѣщаніе насчетъ праздниковъ, елки и бала.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, мы сойдемъ.—Это говорилъ басъ толстаго эконома Волкова. Вотъ какъ мы засидѣлись у васъ, Марья Федоровна!

— Что дѣлать, днемъ-то некогда поговорить. Такъ вы какъ думаете, Викторъ Матвѣевичъ, свадьба-то ихъ состоится?

— Да, навѣрно, только счастья-то мало въ этомъ, тутъ и Соренто не поможетъ!.. Слышите, 12 бьетъ.

Часы густо и звонко пробили полночь...

— Свадьба состоится. Счастья не будетъ... Соренто,—повторяла Франкъ въ умѣ. Неужели это и есть пророчество?

Гаданье такъ понравилось Надѣ Франкъ, что на другой день она сообщила всему классу о томъ, какъ ловятъ лучъ мѣсяца. Дѣвочки пришли въ восторгъ; даже Русалочка оживилась и объяснила, что и она пойдетъ ловить мѣсяцъ въ два полотенца и принесетъ одно для себя, другое для Поликсены Чирковой. Людочка тоже объявила, что пойдетъ вмѣстѣ съ Франкъ.

Салопова пробовала объяснить, что гаданіе есть „бѣсовское навожденіе“, но ее никто не слушалъ и ночью, веселая компанія, опять въ чулкахъ, юбочкахъ и теплыхъ платкахъ, отправилась гадать.

Дѣвочекъ собралось всѣхъ тринадцать, но онѣ сразу не опредѣлили своего числа; гурьбою вышли онѣ въ половинѣ двѣнадцатаго изъ дортуара, прошли тихонько коридоромъ

Е. В. Ламонина-Будковская

и спустились по второй лѣстницѣ, но дойдя до средняго этажа, нашли запертою стеклянную дверь. Это была первая неудача, пришлось вернуться обратно, пройти снова мимо погруженныхъ въ сонъ дортуаровъ другихъ классовъ, выдти на церковную площадку, въ средній коридоръ, миновать всѣ темные, молчаливые классы и войти въ залъ.

Жутко было дѣвочкамъ; шаги ихъ глухо шуршали по коридору, изъ открытыхъ настежь дверейъ классовъ глядѣли на нихъ еле освѣщенные мѣсяцемъ ряды пустыхъ партъ, въ рекреационномъ залѣ кое-гдѣ блестѣло золото рамъ.

Паркетный полъ точно колебался отъ движущихъ лучей куда-то спѣшившаго по небу мѣсяца.

Молча разостлали дѣвочки свои полотенца; у Бульдожки мѣсяць три раза убѣгалъ съ полотенца. Петрова посадила свою тѣнь на полотенце Евграфовой, въ то время какъ та уже завертывала въ него свой лучъ. Дѣвочки толкнули другъ друга и поссорились. Иванова бѣгала на четверенькахъ, а Русалочка, разложивъ на окнѣ свои два полотенца, стояла сама вся облитая луннымъ свѣтомъ, ея большіе глаза сіяли, лицо было прозрачно блѣдное, а темные, длинные волосы прямыми прядями, какъ смоченные водой, падали почти до полу.

— Русалочка, Нина Бурцева, уйди отъ окна, я тебя боюсь!—крикнула Екимова.

Нина вздрогнула и схвативъ свои два полотенца, отшатнулась отъ окна.

Молчаливою гурьбой бѣжали дѣвочки назадъ и прижимали къ груди таинственныя полотенца. При поворотѣ изъ класснаго коридора, изъ-за двери выдвинулось длинное, блѣлое привидѣніе, кто-то вскрикнулъ, но остальные сразу узнали подкараулившую ихъ Ноть.

— Это еще что за новости? Откуда?—и она схватила за руку Бульдожку.

Дѣвочка молча, угрюмо рвалась изъ ея рукъ, но костлявые пальцы М-ле Ноть уже уцѣпились за полотенце.

— Что вы несете? Я должна знать...

Бульдожка съ отчаяніемъ рванула полотенце, которое и раскрылось передъ классной дамой, какъ пустая, длинная лента,

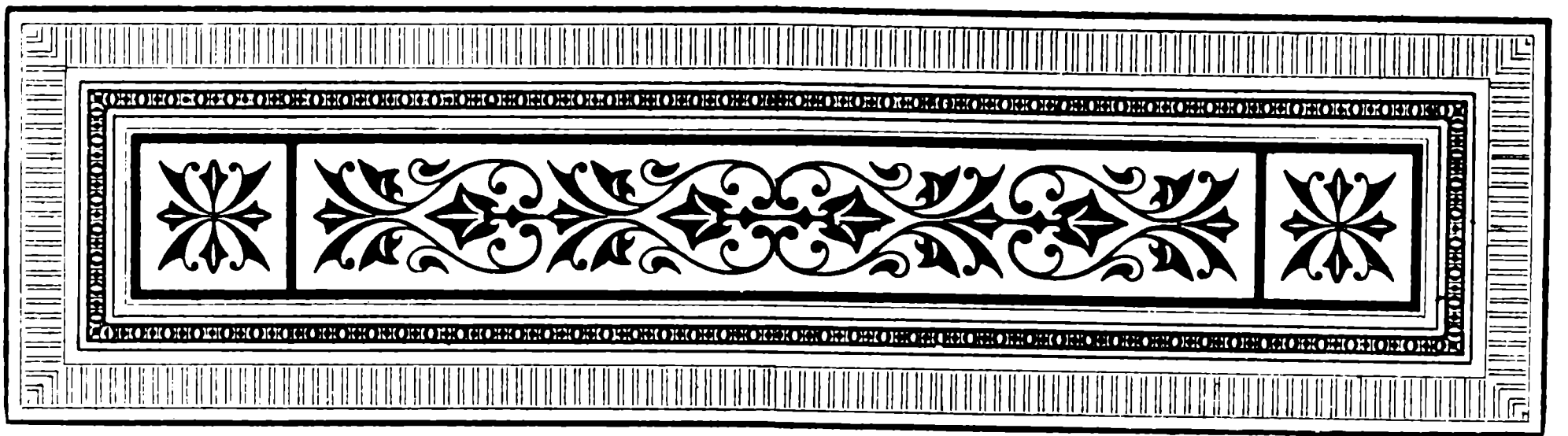
— Ну, теперь, ничего не несу!—вскричала она съ отчаяніемъ.—Когда вы насъ оставите въ покоѣ, вѣдь ужь кажется и выпускъ на носу!

— Что вы несли? Что вы несли?—приставала къ ней Ноть.

— Луну несла!—крикнула ей Бульдожка и, махая теперь „пустымъ“ полотенцемъ, бросилась наверхъ за убѣжавшими туда дѣвочками.

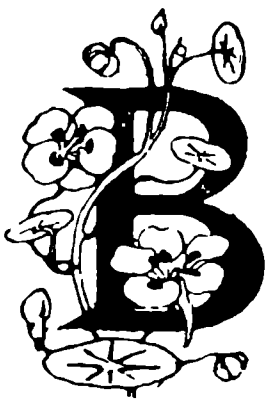
Счастливицы, успѣвшія заснуть молча на подушкахъ, подъ которыми спрятанъ былъ пойманный лучъ мѣсяца, рассказывали на другой день другъ другу удивительныя сновидѣнія.

VIII.

Женя Лосева.—Смерть ея матери.—Усыновленіе Грини.

Въ концѣ того же мѣсяца случилось событіе, взволновавшее все старшее отдѣленіе института.

На парадной лѣстницѣ большіе часы пробили 7; изъ швейцарской, сквозь боковую стеклянную дверь, вышелъ самъ швейцаръ Яковъ, который только въ экстренныхъ случаяхъ не посылалъ наверхъ своего помощника, а являлся самъ. Проведя рукою по своимъ рыжимъ бакенбардамъ, торчавшимъ по обѣ стороны лица правильными треугольниками, приподымая на ходу длинныя полы своей красной ливреи, онъ поднялся по лѣстницѣ. Взглянувъ мимоходомъ на бившіе часы и провѣривъ ихъ со своими карманными, онъ направился въ коридоръ старшаго отдѣленія. Въ широкомъ коридорѣ, освѣщенномъ по концамъ двумя висячими лампами, не было ни души, но за то, сквозь открытыя двери трехъ классовъ несся смѣхъ, шумъ, говоръ сотни молодыхъ голосовъ.

Яковъ постоялъ минуту у дверей старшаго класса, пока его замѣтила дежурная „Чернушка“.

— Вамъ кого, Яковъ,—вылетѣла она изъ класса.

— Баронесса требуетъ къ себѣ барышню Лосеву: ихъ папенька пріѣхалъ.

— А! „Чернушка“ рванулась въ классъ объявить радостную новость.

— Стойте, барышня!—Яковъ, забывъ всю свою выдержку, чуть не хватилъ Чернушку за руку,—вы сперва выслушайте, а ужь потомъ извольте передавать, — степенно замѣтилъ онъ ей.

— Папенька-то ихъ пріѣхалъ объявить, что ихъ маменька умерла, такъ вотъ баронесса и приказала приготовить ихъ, раньше чѣмъ, значить, сказать.

„Чернушка“ поблѣднѣла, съ разинутымъ ртомъ неподвижно поглядѣла она на Якова, величественно уходившаго вонъ, затѣмъ, повернулась, и робко вошла въ классъ. На кафедрѣ, приблизивъ къ близорукимъ глазамъ лампу, сидѣла худая Ноть и съ увлеченіемъ читала желтенькій томикъ какого-то романа. Сознвая, что въ старшемъ классѣ пребываніе ея болѣе форма, чѣмъ необходимость, она оставляла дѣвочекъ почти на свободѣ и только окликала ихъ при какомъ-нибудь слишкомъ шумномъ спорѣ или тревожно кричала: „Eh bien, eh bien?.. ой допс?“ при всякой попыткѣ дѣвочекъ проскользнуть изъ класса. Дѣвочки сидѣли, что называется вольно, группами, кто съ кѣмъ хотѣлъ, на многихъ партахъ тѣснились, и тамъ, гдѣ мѣста было на двухъ, сидѣло пятеро-шестеро; нѣкоторыя ходили обнявшись по узкому боковому проходу и толковали о предстоявшемъ выпускѣ. Двѣтри „долбязки“, какъ всегда запоздавъ съ урокомъ, отчаянно жужжали, зажавъ уши, закрывъ глаза, покачиваясь со стороны въ сторону. Русалочка и Лосева, кроткая веселая дѣвочка, не участвовавшая никогда ни въ какихъ „классныхъ исторіяхъ“ безъ всякой музыки съ увлеченіемъ отплясывали вальсъ въ три темпа. Въ узкомъ пространствѣ между запасными шкафами и партами у нихъ собралась своя публика, хохотавшая каждый разъ, когда учившаяся танцовать пара, натыкалась на шкафы, на парты и на публику. „Чернушка“, оглядѣвъ классъ и увидѣвъ танцующую Лосеву, смутилась еще болѣе, робко подошла къ Ноть и шопотомъ повторила

ей сказанное Яковомъ. Ноть бросила свой романъ, засуетилась, замигала маленькими выцвѣтшими глазками, зачѣмъ-то развязала и потомъ снова туго завязала концы кружевного фишу, скрывавшее ея тщедушную косичку и, наконецъ, проговорила тоненькимъ дискантомъ:

— M-elle Лосева!

— Лосева! Лосева! Женя Лосева!—подхватило двадцать голосовъ, какъ бы обрадовавшихся, что нашлась причина пошумѣть.

Танцовавшая пара разомкнулась, въ три прыжка передъ каедрой очутилась дѣвочка лѣтъ 17-ти, кругленькая, плотная, съ густой каштановой косой, съ маленькимъ, нѣсколько вздернутымъ носикомъ, съ лучистыми, голубыми глазами.

— Me voilà?—крикнула она, и нѣсколько дѣвочекъ, сидѣвшихъ на переднихъ партахъ, крикнули вмѣстѣ съ нею:

— La voilà!

Француженка сошла съ каедры и колеблющимися шагами взволнованной утки направилась къ дѣвочкѣ. Дрожащими руками она поправила ея пелеринку, съѣхавшую на бокъ.

— Ma chère enfant,—начала она по-французски, путаясь и заикаясь,—вотъ папа пріѣхалъ къ Матап... ваша татап... ваша добрая татап...

Дѣвочка вдругъ прониклась какимъ то страшнымъ предчувствіемъ, она рванулась такъ, что Ноть, державшая ее за плечи, чуть не упала носомъ впередъ.

— Что съ мамой? Зачѣмъ пріѣхалъ папа?

Нѣсколько дѣвочекъ повскакали съ мѣстъ и окружили каедру.

Въ старшій классъ вошла дежурившая у Матап пепиньерка.

— Матап удивляется, отчего не идетъ Лосева?—сказала она, обращаясь съ легкимъ реверансомъ къ Нотъ.

— Скорѣй, скорѣй, Лосева,—заторопила Ноть.

— Счастливая, счастливая! Тебя, вѣрно, въ отпускъ!—крикнулъ кто-то.

Личико Лосевой вдругъ просіяло.

А можетъ быть! — и она рванулась изъ класса, за ней поспѣшила и пепиньерка.

— Ея мама умерла! — шепнула вдругъ „Чернушка“, стоявшая рядомъ.

— Мама... умерла! умерла! — разнеслось вдругъ по классу, и дѣвочки сразу смолкли, у каждой сжалось сердце. Для этихъ дѣтей, оторванныхъ отъ семьи ради воспитанія, ради того ученья, которое каждая изъ нихъ не въ состояніи была бы получить въ семьѣ, слово „мама“ было самое завѣтное; оно напоминало имъ дѣтскую, игры, смѣхъ, а главное ласку, ту нѣжную материнскую ласку, которой онѣ были лишены здѣсь въ теченіе столькихъ лѣтъ. Сцены самаго ранняго, нѣжнаго дѣтства воскресли у каждой въ памяти. У многихъ матери были далеко, тамъ въ глубинѣ заброшенныхъ селеній, куда теперь ихъ переносилъ только сонъ. „Мама“ была центръ, кругомъ котораго группировались и няня, и солнце, и густой паркъ, и мохнатый барбось, и первая книга, и звонъ сельской церкви — словомъ, весь кругъ впечатлѣній дѣтства, всѣ радости и печали, которыя оборвались у входа въ институтъ. Потерять маму теперь, передъ выпускомъ, когда каждая жаждетъ снова пріютиться у ея сердца, снова связать ниточку своей жизни, разорванную семью долгими годами. Болѣе чувствительныя дѣвочки заплакали, другія нахмурились, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ — въ классѣ воцарилась странная тишина. Нотъ забыла о своемъ желтомъ томикѣ и сидѣла на каѳедрѣ, опустивъ голову на руки, полузакрывъ глаза; у нея не было матери, она потеряла ее еще тогда, когда совсѣмъ молоденькой дѣвушкой выѣхала изъ отцовскаго дома одна, въ чужую страну, чтобы воспитать маленькихъ дѣвочекъ, чуждыхъ ей и по вѣрѣ, и по языку. И вотъ въ разлукѣ, въ рутинномъ, неблагодарномъ трудѣ промелькнула вся молодость, состарилась она, пожелтѣла и сидитъ она на каѳедрѣ, а передъ нею море дѣтскихъ головокъ; неужели и теперь, какъ прежде онѣ чужія другъ другу?

— Надя Франкъ! Надя Франкъ! — Шкотъ, сидѣвшая сзади Нади, дергала задумавшуюся дѣвочку за пелеринку, — смотри, Нотъ плачетъ.

Франкъ подняла голову, посмотрѣла на классную даму, и тихо, голосомъ, полнымъ волненія, проговорила:

— Ноть плачетъ?!

Минуты двѣ почти всѣ дѣвочки глядѣли на классную даму, а Ноть, ничего не замѣчая, сидѣла, все также подперевъ голову рукой, и слезы, одна за другой, падали на дубовую каѳедру. Безъ словъ, безъ малѣйшей попытки привлечь къ себѣ дѣтей, Ноть покоряла ихъ своими слезами. Чуткія, дѣтскія сердца понимали скорбь одинокой женщины; съ крайней парты встала Русалочка и первая подошла къ Нотъ. Фамильярно и ласково, какъ она не дѣлала никогда, она опустилась однимъ колѣномъ на ступеньку каѳедры и прижалась головой къ высокому столу.

— Это правда, что Женина мама умерла? — спросила она по-французски.

— Да, да, умерла!— Ноть быстро вытерла платкомъ глаза.

— А у васъ есть мама?— классная дама почти испуганно взглянула на Русалочку; за нею стояли уже другія дѣвочки, и въ первый разъ, во всѣхъ этихъ дѣтскихъ взорахъ, она видѣла грусть и ласку, безъ малѣйшаго луча задорной насмѣшки.

— Вы откуда родомъ, Mademoiselle?—спросилъ другой голосъ.

— А у васъ тамъ хорошо? — добавила третья; и Ноть, ожившая отъ всѣхъ этихъ вопросовъ, видя себя окруженной дѣтьми, вострепелась, румянецъ разлился по ея лицу, глаза оживились и она начала рассказывать, спѣша, прерываясь, счастливая, какъ человѣкъ, который впервые высказываетъ громко все накипѣвшее на душѣ. Дѣти узнали про бѣднаго школьнаго учителя, вдоваго, съ громадной семьей, про Каролину, старшую сестру Нотъ, которая служила матерью всѣмъ этимъ сиротамъ, про городокъ на южномъ берегу Франціи, гдѣ въ воздухѣ такъ чудно пахло солеными волнами, гдѣ закатъ пурпуромъ разливался въ открытомъ морѣ, узнали и о томъ, сколько горя пережила эта некрасивая, смѣшная M-elle Ноть, когда еще неопытной, молоденькой дѣвушкой пріѣхала въ Россію добывать хлѣбъ для своей семьи.

Лосева поспѣшно спустилась внизъ, пепиньерка шла рядомъ съ нею, мучительно отыскивая и не находя въ умѣ ни одной фразы, которою могла бы приготовить дѣвочку къ ожидавшей ее роковой правдѣ. Такъ миновали онѣ швейцарскую, изъ-за стеклянныхъ дверей которой глядѣлъ на нихъ величественно „красный“ Яковъ. Прошли нижній коридоръ, и дежурная горничная ввела ихъ въ маленькую прихожую квартиры Матап. Въ голубой гостиной, на диванѣ сидѣла Матап въ синемъ шелковомъ платьѣ и въ бѣлой кружевной косынкѣ на головѣ, рядомъ съ нею на креслѣ сидѣлъ отецъ Лосевой, и сразу Женѣ кинулось въ глаза утомленіе, тоска и придавленность, выражавшаяся въ каждой чертѣ его лица. Дѣвочка, забывъ всякій этикетъ, сдѣлала только бокомъ „кривой“ реверансъ Матап и бросилась на шею отцу.

— Папа, ты чего? Ты что? Мама?

Отецъ прижалъ ея голову къ груди.

— Мама?

— *Ma chère enfant*,—тучная баронесса поднялась съ дивана и подошла къ ней,—*calmez vous*, посмотрите на вашего отца, пожалѣйте его.

Дѣвочка даже не слыхала ея словъ, ея широко раскрытые глаза читали страшную вѣсть на лицѣ отца; еще разъ, упавшимъ голосомъ, она повторила:

— Мама?

— Мама скончалась сегодня утромъ.

— А-а—дѣтское горе, не умѣющее еще подавлять, ложиться камнемъ на душу, разразилось бурнымъ, страшнымъ рыданіемъ. Женя забыла, что она уже „зеленая“; что передъ нею сама Матап, она жалась къ отцу, повторяя: „мамочка, мама, мама“. Слезы обливали ея лицо, она сморкалась въ передникъ, утиралась имъ, захлебывалась и отстранялась плечами и руками отъ пепиньерки, старавшейся привести ее въ себя.

— Ты, Женюродка, не плачь, мама... того... ужь очень страдала... ей лучше... тамъ... а вотъ... у меня дома вѣдь Гриня одинъ...

Женя оборвала рыданья; брату ея было всего 5 лѣтъ.

Б. Самокишич Гудковская —

— Съ кѣмъ же онъ теперь, папа?

— Да съ няней, съ Василисой.

— Папа, домой! Слышишь, папа! Да?

— Да, вотъ баронесса такъ добра, позволила тебѣ завтра дня на два...

— Завтра?!—Женя снова зарыдала и вдругъ бросилась на колѣни передъ начальницей. Инстинктивно, не называя ее больше Матап, она только лепетала:

— Прошу васъ, дорогая, добрая, прошу васъ, пустите меня... туда къ мамѣ... къ брату... теперь... сейчасъ... пустите меня!

— Эти просьбы „по-русски“, эти сердечныя слова, были такъ необыденны, такъ нарушали институтскую дисциплину, что Матап взволновалась; желая покончить съ тяжелой сценой, она дала свое согласіе, послала пепиньерку распорядиться о пальто, шляпѣ и приказать Якову послать за каретой, и наконецъ Женя не переставая вздрагивать, всхлипывать вышла съ отцомъ въ швейцарскую и уѣхала.

Матап удержала около себя пепиньерку.

— M-elle Панфилова, вы кончили курсъ съ золотою медалью и уже три года служите пепиньеркой, поэтому вы можете обсудить, какую важность имѣетъ для меня сегодняшняя сцена; она показала мнѣ, до чего плохо вкореняются въ дѣтей дисциплина и хорошія манеры. Дѣвушка воспитанная не растеряется ни въ какомъ случаѣ, а эта чуть не брыкается, сморкается въ передникъ, кричитъ. Вѣдь это дикарь какой-то! Вотъ, при первомъ печальномъ случаѣ все воспитаніе сошло съ нея какъ не бывало. Гдѣ она набралась такихъ манеръ? Горе-горемъ — я ему сочувствую, а приличіе-приличіемъ, на то ихъ и воспитываютъ.

Пепиньерка, дѣвушка лѣтъ 22-хъ, некрасивая, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, съ сухой шеей, сирота, воспитывавшаяся на казенный счетъ, стояла передъ Матап неподвижно, не спуская съ нея своихъ узенькихъ сѣрыхъ глазъ; воспользовавшись паузой, она заговорила вкрадчиво и размѣренно:

— Матап, по Лосевой судить нельзя; она поступила прямо въ 5-ый классъ уже 13-ти лѣтъ, подготовка была хо-

рошая, но никакихъ манеръ, прямо изъ деревни, гдѣ она росла. Я помню, что когда она поступила, то не умѣла ни танцовать, ни дѣлать реверансы.

— Да, да, помню, скажите M-elle Ноть и M-elle Гилле, ея класснымъ дамамъ, что когда Лосева вернется, на ея манеры должно быть обращено особое вниманіе,—и Матап, въ сущности добрая и сердечная, но неумолимая насчетъ манеръ, величественно подала пепиньеркѣ руку.

Та присѣла по всѣмъ правиламъ искусства, нѣжно поцѣловала пухлые пальцы и на ципочкахъ вышла.

Когда Панфилова вернулась наверхъ, дѣвочки уже отпили вечерній чай и разошлись по дортуарамъ. Увидѣвъ пепиньерку, старшія бросились къ ней.

— Что Лосева? Гдѣ Женя?—вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, но Панфилова поджала губы и прошла въ комнату M-elle Ноть.

— Гордячка! Дрянь! Мышь бездушная!—крикнули ей въ слѣдъ обозленные дѣвочки.

— Вѣдь вотъ!—крикнула, захлебываясь отъ злости, Франкъ—своя, своя всего два года какъ кончила курсъ, а злющая, какъ три синявки! Ну, подожди-же, изведу я тебя когда-нибудь. Слушай, Евграфова, у тебя тамъ въ ея классѣ есть кузина, узнай-ка кого обожаетъ эта вѣшалка?

Дѣвочки стали шептаться, замышляя одну изъ египетскихъ казней надъ бездушной пепиньеркой.

— Медамочки, — сунулась между ними Бульдожка — а можетъ-быть, она тоже какъ Ноть?

— Что какъ Ноть?

— Да тоже, снаружи холодная, а внутри теплая; вѣдь у Панфиловой-то ни отца, ни матери, ни души; выходить стала, казна ей платье бѣлое сдѣлала, я такъ слышала.

— Правда, и мнѣ говорили—поддакнула Франкъ, и дѣвочки, забывшія уже проектъ мщенія, строя предположенія о томъ, куда дѣлась Лосева, разошлись по своимъ кроватямъ.

Прошло два дня. Снова наступила ночь; дверь классной дамы была заперта, но изъ старшаго класса почти никто не спалъ, только „парфешки“ тихо лежали на своихъ

кроватяхъ, не смѣя ни высказаться противъ общаго собранія, ни примкнуть къ нему.

Салопова въ углу била поклоны, вздыхая и громко шепча молитвы, да маленькая Иванова у ночника съ отупѣвшимъ лицомъ долбила хронологію.

1700... 1500... Людовикъ XII, XIII, XIV, XV... Господи, сколько Людовиговъ! Медамочки, медамочки!—взывала она голосомъ утопленницы. — Да сколько же во Франціи было Людовиговъ?

— Сорокъ два!—крикнулъ ей кто-то. Иванова со страха уронила на полъ книгу.

Лосева сидѣла на своей кровати, вокругъ которой—на табуретахъ, на столахъ и на полу, поджавъ подъ себя ноги, сидѣли всѣ остальные; лицо дѣвочки было безформенно, отъ непрерывныхъ слезъ вѣки распухшихъ глазъ съузились, носъ покраснѣлъ, опухъ, все лицо лоснилось.

— Вотъ, душки — рассказывала она — проѣхали мы въ каретѣ всего одну улицу, я и не знала, что мои живутъ такъ близко; такъ близко, вотъ изъ окна перескочить можно. Входимъ мы въ швейцарскую, а тамъ ужъ стоятъ три человека и кланяются; папа говоритъ: „вы чего!“, а они говорятъ:

— Насчетъ гроба и похоронъ—такъ стало мнѣ страшно, что я опять заплакала, а папа махнулъ только рукой, прижалъ меня къ себѣ, и пошли мы во второй этажъ... Ну, умерла мама, умерла!..—Женя опять заплакала. Пошла я въ дѣтскую, няня Василиса говоритъ мнѣ: цыцъ! не шуми! не плачь! Гриня маленькій, а тоже понимаетъ, весь день плакалъ и только-что уснулъ; сѣла я къ нянѣ на кровать...

— А она у тебя хорошая?—спросила Русалочка.

— Хорошая, прехорошая, я какъ родилась такъ все ее у насъ помню. Вотъ подсѣла я къ ней и спрашиваю: няничка, какъ же теперь все будетъ? А она мнѣ говоритъ: „Какъ будетъ, такъ и будетъ, домъ-то разлѣзется, Гриня сиротою безпризорнымъ станетъ, потому папенька на службѣ, ему не до него, а ты, гововорить, въ институтъ“.

— Ну, а няня-то, вѣдь она останется?

— Ну, вотъ и я такъ же какъ ты спросила ее: вѣдь ты же останешься?

— Я, говоритъ, наемная, хотъ и давно живу, а все же не родная—слуга, да и темная я.

— Какъ темная?

— Не понимаешь?—прикрикнула другая на спрашивавшую—темная—значить необразованная.

— Не прерывайте, да не прерывайте-же—кричали на нихъ другія,—Лосева, говори, душка!

— Ну, вотъ, няня и говоритъ: я къ гостямъ не выйду, съ папенькой о его дѣлахъ говорить тоже не стану. Ну, вотъ папенька и заскучаетъ; либо въ домъ долженъ онъ взять какую гувернантку, либо поплачетъ, поплачетъ, да и возьметъ себѣ другую жену.

— Ой, что ты, какъ другую?—послышался чей-то испуганный голосъ.

— Вотъ дура-то! Новость нашла, да у сколькихъ у нашихъ есть мачихи.

— Правда, вотъ страхъ-то! Мачихи-то вѣдь всѣ злыя!

Лосева утерла глаза.—Вотъ и я слышала, что всѣ злыя, я такъ и заплакала. Няня стала утѣшать меня: я говоритъ, Женюшка, не хотѣла тебя огорчать, а только въ жизни все такъ бываетъ, человѣкъ отходчивъ, грусть съ него, что съ дерева листь осенній валится, глядишь, на его мѣстѣ весной другой зеленый ужъ выросъ. Вотъ кабы ты сама-то...—Женя оглянулась на комнату классной дамы и понизила голосъ—кабы ты сама-то, говоритъ, институтъ свой бросила, да домъ на руки взяла, да брату матерью стала, хорошо бы было!

— Ну, и что-же ты? Что-же ты?—загудѣли всѣ вокругъ.

— Что-же, медапочки, я всю ночь просидѣла на окошечкѣ, все думала; жаль мнѣ институтъ бросать, подумайте, вѣдь училась я хорошо, можетъ, медаль серебряную дали бы.

— Дали бы, дали бы!—подтвердили всѣ вокругъ,—вѣдь у тебя отмѣтки чудныя!

— Я и мамочкѣ ужъ пообѣщала, хотъ маленькую,—Женя снова жалобно всхлипнула и утерла слезы.—А теперь и диплома не дадутъ, скажутъ, не кончила.

— Ну, и не дадутъ, такъ что-же?—прервала ее Шкотъ,— умнѣе ты что-ли станешь отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что намъ осталось? Ужь теперь все равно, курсъ только на повтореніе идетъ. Ты обязана теперь идти домой, да смотрѣть за братомъ.

— Обязана, именно обязана,—заволновалась Франкъ, ей казался удивительно хорошимъ этотъ поступокъ—бросить теперь институтъ и замѣнить маленькому брату мать. Забывая совсѣмъ, какой цѣной покупались эти обязанности, она уже смотрѣла съ восхищеніемъ на Женю Лосеву и повторяла:—Ну, да, замѣнить ему мать, воспитывать, учить. Ахъ, какъ это хорошо!

— Утромъ мамочку похоронили,—Женя помолчала, глотая слезы,—а потомъ взяла я братишку за руку, да и пошла въ папинъ кабинетъ. Папа!—говорю,—вѣдь вамъ такъ жить нельзя, вы, вѣрно, возьмете гувернантку къ брату? Папа говоритъ: „самъ не знаю, какъ и что будетъ“; а то,—говорю,—поплачете, поплачете, да и женитесь. Какъ вскочить папа, такъ я испугалась даже.

— Что ты!—говорить,—кто это тебѣ сказалъ?—Ну, я няню не выдала.—Такъ, говорю, всегда бываетъ! И стала я папу просить, взять меня изъ института теперь же. Да, знаете, душки, и просить не пришлось очень много. Папа до того растерялся, до того скучаетъ, что и самъ обрадовался. Я, говорить, не смѣлъ тебѣ предложить, а ужь, конечно, теперь бы намъ лучше вмѣстѣ. Завтра онъ пріѣдетъ къ Матап, а тамъ, какъ успѣютъ мнѣ сшить кой-что, такъ онъ меня и возьметъ. Только вотъ что медапочки, вы мнѣ помогите, я вѣдь одна совсѣмъ не знаю, какъ мнѣ и взяться за брата.

— Знаешь что? Знаешь что? — бросилась къ ней Франкъ,—мы усыновимъ твоего брата, онъ будетъ сыномъ нашего класса.

— Да, да, да!—закричали всѣ кругомъ,—сыномъ нашего класса.

— И мы никогда не будемъ его сѣчь,—внезапно встала Бульдожка.

— Какъ сѣчь? Кого сѣчь?—накинулись всѣ на нее.

— Мальчиковъ всегда сѣкутъ, безъ этого нельзя!

— Молчи ты, ради Бога!

— Бульдожка, на тебѣ толокна, жуй и не суйся!—Петрова протянула ей фунтикъ толокна, которое многія ѣли во время разказа Лосевой.

— Шкотъ, слушайте!—перебила ее Надя Франкъ,—составьте Лосевой программу занятій съ Гриней.

— Ахъ, не учите его хронологіи!—простонала Иванова, подходя къ кучкѣ.

— Педагогики тоже не надо!—кричала Евграфова.

— Начните съ краткихъ начатковъ,—услышали онѣ голосъ Салоповой.

— Душки, да вѣдь Гринѣ всего пять лѣтъ!—вставила оторопѣвшая Лосева.

— Пять лѣтъ!?!—Дѣвочки посмотрѣли другъ на друга.

— Такъ вотъ что! Такъ вотъ что! — кричала снова Франкъ,—не надо пока никакой программы; мы всѣ будемъ писать ему сказки, но знаешь, каждая въ своей сказкѣ будетъ рассказывать ему то, что она лучше всего знаетъ, мы такъ и раздѣлимся; одна будетъ говорить ему о моряхъ и большихъ рѣкахъ въ Россіи, о томъ, какая въ нихъ вода, какіе ходятъ по нимъ пароходы, суда, какая въ нихъ рыба; другая будетъ писать о лѣсахъ, звѣряхъ, грибахъ, ягодахъ. Только знаете, медамъ, чтобы все была правда, правда вотъ такъ, какъ она есть и просто, чтобъ Гриня все могъ понять. Ты, Салопова, напиши ему о томъ, что Богъ все видитъ, все слышитъ, что дѣлаетъ ребенокъ, а потому, чтобы онъ никогда не лгалъ, потому тогда—понимаешь?—онъ никогда не будетъ бояться и будетъ глядѣть всѣмъ прямо въ лицо. Ахъ, ахъ, какъ это будетъ хорошо! Мы напишемъ ему цѣлыя книжки, онъ будетъ расти и читать.

— А я,—Евдокимова показала пальцемъ на себя,—Назарова, Евграфова, Петрова, мы будемъ на него шить и вышивать. Какой онъ у насъ будетъ бѣленькій, хорошенькій, нарядный.

— Пусть онъ называетъ тебя мамой, а насъ всѣхъ тетями.

— Только вы меня не обманите, медапочки, помогайте!

— Пойдите, вотъ такъ!—Франкъ встала и подняла правую руку,—подымите всѣ, кто обѣщаетъ, правую руку.

Десятокъ рукъ поднялось вверхъ и десятокъ взволнованныхъ голосовъ произнесли: „обѣщаю“.

— Клятва на ночныхъ колпакахъ!—крикнула Чиркова съ громкимъ хохотомъ.

— Генеральская дочь, кушайте конфеты и не суйтесь туда, куда васъ и не зовутъ!

— Отчего-же?—крикнула она,—я буду учить танцевать вашего Гриню.

— Дура!—крикнуло ей сразу столько голосовъ, что за ними даже и не слышно было продолженія ея глупыхъ шутокъ.

А дѣвочки успокоились, сомкнулись снова у кровати Лосевой и долго еще шептались о томъ, какъ имъ воспитать своего сына. Черезъ нѣсколько дней, Лосева оставила институтъ, написала всѣмъ подругамъ въ альбомъ трогательные, прощальные стишки, и ея альбомъ въ свою очередь наполнился тоже всевозможными клятвами и обѣщаніями не забывать, не разставаться.

Иванова написала ей:

Устами говорю: мы расстаемся,
А сердцемъ же шепчу: не разорвемся.

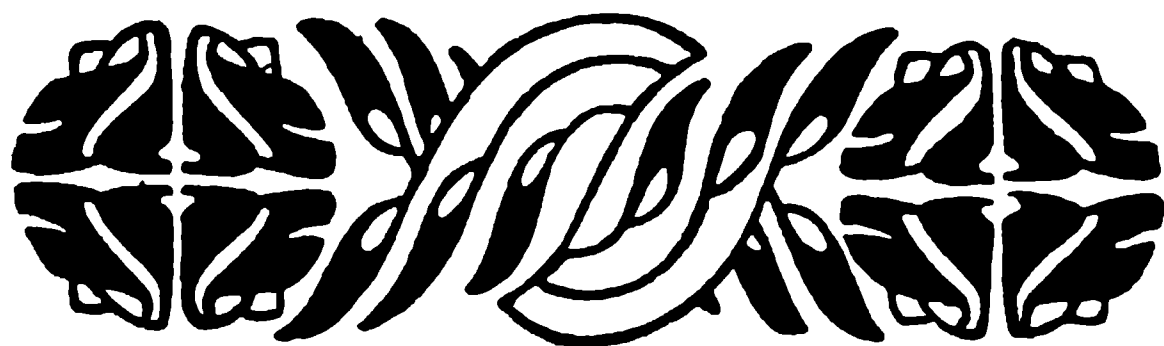
Назарова нарисовала ей большую гору и на ней одинокую фигуру, у ногъ которой написала:

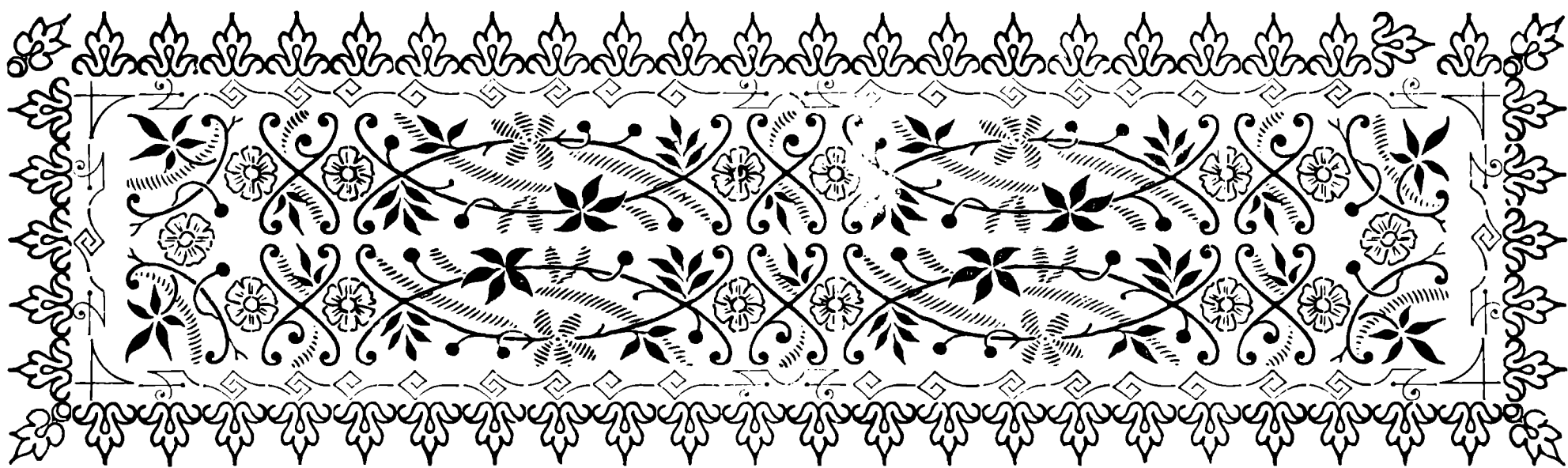
Когда взойдешь ты на Парнасъ,
Не забывай тогда ты насъ

Маша Королева, по прозванію „Пышка“, написала тоненько, тоненько на самомъ послѣднемъ клочкѣ бумаги:

На послѣднемъ семъ листочкѣ
Напишу четыре строчки
Кто любитъ болѣе меня
Пусть пишетъ долѣе меня!

И послѣднія буквы пригнала такъ, что далѣе нельзя было поставить даже точки. Все это было наивно, глупо, но все было мило, искренно писалось съ сознаниемъ шутки, дурчества, а главное—маленькія матери сдержали свое слово; до самаго выпуска Гриня получалъ и сказки, и платья, и, можетъ быть, вырастая подъ руководствомъ сестры, всегда вспоминалъ, какъ его, ребенка, хотѣли усыновить другія дѣти.

IX.

Гринины сказки. — Приглашение на балъ. — Настоящее письмо. Ряженая. — Балъ.

а недѣлю до Рождества въ старшемъ классѣ было большое засѣданіе по поводу обѣщанныхъ Гринѣ сказокъ. Милыя тети, собираясь писать назидательные рассказы, всѣ перессорились,—каждая отзывалась съ насмѣшкой о рассказѣ другой и, наконецъ, на общемъ шумномъ собраніи выбрано было три литературныхъ пера—Салопова, Франкъ и Русалочка.

Три поэтессы ходили нѣсколько дней необыкновенно задумчивыя, разсѣянныя, иногда посреди разговора хватались вдругъ за перо и заносили какія-то мысли, остальные дѣвочки уступали имъ во всемъ и съ благоговѣніемъ ожидали, когда тѣ „начнутъ творить“.

Наконецъ, въ концѣ недѣли, ночью, когда Ноть заперла свою комнату, подъ лампой поставили три табурета, верхомъ одинъ на другой, на который по очереди влѣзали чтецы. Внизу, какъ брамины кругомъ священнаго огня, сидѣли слушательницы, каждая по случаю холода, завернутая въ свое одѣяло.

Первая начала Салопова: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!“—перекрестилась и, пришептывая, начала читать о первой елкѣ.

Разсказъ Салоповой.

„Здравствуй, маленькій Гриня, поздравляю тебя съ твоимъ праздникомъ, потому что праздникъ Рождества Христова—праздникъ дѣтей. Въ этотъ день, много, много, много лѣтъ тому назадъ родился Іисусъ Христосъ и лежалъ въ ясляхъ, какъ въ колыбели.

Въ тотъ годъ, когда родился Спаситель, римскій императоръ Августъ хотѣлъ узнать, сколько всѣхъ жителей въ Іудеѣ, странѣ, которою онъ повелѣвалъ, и вотъ всѣ жители должны были вернуться къ назначенному времени въ свои города, т. е. каждый въ тотъ городъ, гдѣ онъ родился, для того, чтобы можно было всѣхъ сосчитать и сказать, сколько въ каждомъ городѣ жителей.

Божія Матерь—Пресвятая Дѣва Марія, вмѣстѣ со старцемъ Іосифомъ родились въ городѣ Виѳлеемѣ, и потому пришли туда. Городокъ этотъ былъ маленькій и, для всѣхъ пришедшихъ теперь въ него, въ домахъ не хватило мѣста, потому Дѣва Марія со св. Іосифомъ остановились въ пещерѣ у самага входа въ городъ. Ночь наступила, на небѣ зажглись, какъ большія лампы, звѣзды, кругомъ вездѣ наступила полная тишина, только въ пещерѣ, у яслей, полныхъ соломой и сѣномъ, стояли животныя, ослы и коровы, и смиренно жевали свою пищу. Когда родился Іисусъ Христосъ, Божія Матерь спеленала его и положила въ ясли, животныя посторонились и кротко, ласково глядѣли на младенца. Въ это время пастухи, которые далеко отъ города пасли свои стада, вдругъ увидѣли свѣтлаго ангела, который велѣлъ имъ встать и идти въ Виѳлеемъ, въ пещеру и поклониться родившемуся тамъ младенцу Христу. Послушные пастухи встали и вдругъ замѣтили, что на небѣ появилась новая, большая звѣзда; когда они пошли и звѣзда пошла по небу; тогда они поняли, что звѣзда ведетъ ихъ и уже смѣло отправились въ путь. Звѣзда

привела ихъ въ Виѳлеемъ и стала надъ пещерой, а пастухи вошли въ нее и, ставъ на колѣни, радовались и благодарили Бога за то, что на землѣ родился Сынъ Божій, который вырастетъ и научить ихъ быть добрыми и справедливыми. Между тѣмъ старики, ученые страны Іудейской, которыхъ звали волхвами, въ своихъ книгахъ и записяхъ прочли, что именно въ эту ночь долженъ въ Виѳлеемѣ родиться младенецъ Христосъ, который, по величію своему, будетъ царемъ іудейскимъ, и рѣшились пойти и поклониться ему. Волхвы увидѣли на небѣ ту же звѣзду, которая вела пастуховъ, и тоже вѣруя, что Господь услышитъ ихъ молитвы и приведетъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ родился Христосъ, пошли за нею и звѣзда для нихъ тоже остановилась надъ пещерою. Сѣдые, старые волхвы, умные и ученые, преклонили колѣна передъ Младенцемъ и принесли ему свои дары: золото, ладонъ и смърну.

Старецъ Іосифъ смотрѣлъ на общее поклоненіе, сердце его было переполнено любовью, и ему тоже хотѣлось что-нибудь подарить Младенцу-Христу, но онъ былъ простой плотникъ и очень бѣденъ, у него ничего не было, кромѣ дерева, изъ котораго работалъ, деревья же онъ рубилъ въ лѣсу, и лучше, красивѣе лѣса онъ ничего не зналъ. Теперь онъ вспомнилъ, что видалъ тамъ деревцо, вѣчно зеленое, пахучее, какъ ароматная смола, и съ вѣточками, кончавшимися какъ маленькія свѣчи... Іосифъ вышелъ изъ города, прошелъ въ лѣсъ и срубилъ тамъ елочку. Городокъ Виѳлеемъ уже спалъ; огни вездѣ были потушены, все было тихо, только въ пещерѣ Божія Матерь тихо пѣла молитвы надъ яслями, въ которыхъ лежалъ Младенецъ. Св. Іосифъ шелъ, согнувшись подъ бременемъ елочки и, войдя въ пещеру, поставилъ ее передъ яслями; и вдругъ свершилось чудо: свѣтлыя звѣздочки скатились съ неба и вспыхнули огоньками на концахъ ветвей, а хоръ ангеловъ, окруживъ пещеру, пѣлъ: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума“. Такъ зажглась первая на землѣ елка.

Съ тѣхъ поръ всѣ народы стараются встрѣтить праздникъ Рождества въ мирѣ и радости, а для маленькихъ дѣтей

приносятъ елку и на вѣтвяхъ ея зажигаютъ свѣчи. Когда тебѣ, дорогой, маленькій Гриня, подарятъ елку, полную игрушекъ и сластей, то подумай о томъ, у всѣхъ-ли дѣтей такая же радость? Спроси свою маленькую маму, Женю, и она отвѣтитъ тебѣ: нѣтъ, милый мальчикъ, въ томъ-же домѣ, гдѣ и мы живемъ, навѣрное, есть много маленькихъ дѣтей, живущихъ на чердакѣ, въ подвалѣ, и которые, навѣрное, никогда и не видѣли елки. Тогда Гриня собери все, что ты получилъ, отдѣли одну часть отъ всего того, что тебѣ подарили, и попроси маму Женю отдать это бѣднымъ дѣтямъ отъ имени счастливаго, любимаго мальчика Грини. И теперь, и когда вырастешь, поступай всегда такъ; помни, что Младенецъ Христосъ родился въ простыхъ ясляхъ, въ пещерѣ, родился бѣднымъ ребенкомъ, именно для того, чтобы, когда люди будутъ праздновать Рождество Христово, они помнили бы о бѣдныхъ дѣтяхъ и всѣмъ, чѣмъ могутъ, помогали бы имъ.

Поздравляю тебя, милый маленькій Гриня, съ твоимъ праздникомъ, потому что праздникъ Рождества — дѣтскій праздникъ, а ты не забывай, что въ особенности это праздникъ дѣтей бѣдныхъ и что Господь благословляетъ тѣхъ, кто имъ помогаетъ.

Разсказъ Салоповой произвелъ хорошее впечатлѣніе; нѣсколько дѣвочекъ грустно высморкались въ кофточки и рукавомъ вытерли глаза.

— Какова Салопиха!—толковали нѣкоторыя, вѣдь ни о чемъ говорить не умѣетъ, а коснется божественнаго,—откуда что возьметсѣ!

— Салопиха, откуда ты такую легенду узнала, спросила ее Ольга Рябова.

— Не знаю, отвѣчала Салопова, я такіе сны все вижу, и ушла спать.

На смѣну ей на высокій табуретъ влѣзла Русалочка и совсѣмъ взволнованнымъ голосомъ начала:

— Я, медамочки, вѣдь совсѣмъ не такъ, я вѣдь не умѣю, я просто письмомъ.

— Ну, письмомъ, такъ письмомъ, читай только, не задерживай!

Разсказъ Русалочки.

Гриня, какой ты счастливый, что можешь бѣгать и въ саду и на дворѣ, тогда какъ мы сидимъ въ классѣ и только глядимъ, какъ солнышко, прокравшись сквозь закрытыя окна, прыгаетъ зайчикомъ по стѣнамъ, по каѳедрѣ и даже по учителю географіи, который такъ скучно, скучно водить палочкой по большой картѣ и называетъ города. А солнышко прыгало зайчикомъ, потому что тетя „Бульдожка“ вытащила изъ своего класнаго стола крошечное зеркало и въ него поймала лучъ, который и пускала бѣгать по всей комнатѣ.

Спроси маму Женю, она тебѣ покажетъ какъ это дѣлается.

Я тебѣ это разсказываю для того, чтобы сказать, что такъ шалить, какъ мы шалимъ, не слѣдуетъ, не то придетъ бѣда; для насъ она и пришла,—учитель поймалъ два раза зайчика у себя на носу, т. е. не поймалъ, потому что, прыгающій лучъ не схватишь, но два раза чихнулъ, какъ разъ въ то время, когда свѣтлое пятно танцовало у него на носу и не давало ему глядѣть. Мы смѣялись, онъ разсердился, а проходившая по коридору чужая класная дама Иверсенъ увидѣла зеркальце въ рукахъ тети „Бульдожки“ и въ рекреацию насплетничала нашей Гилле. Тетѣ „Бульдожкѣ“ досталось, ее вызвали посреди класса и „пилили“ всю рекреацию. Подумай-ка, Гриня, и не шали, когда будешь большой какъ мы,—зайчиковъ на учителя не пускай.

Въ тотъ же день, это было вчера, въ большую рекреацию, послѣ обѣда, мы всѣ гуляли въ саду и тутъ случилось положительное чудо,—тетя Оля Рябова, ты знаешь, красавица тетя съ такими большими, темными глазами,—ходила по галлерей направо, гдѣ мы лѣтомъ обѣдали; вдругъ въ галлерею влетѣла птичка—совсѣмъ странная птичка, гораздо больше воробья, но и гораздо меньше голубя, такъ средняя между ними—пестрая, красивая, прекрасная съ краснымъ и

съ желтымъ, головка круглая, глазки ясные, носъ какъ у попочки, только концы его скрещены, какъ испорченные клещи. Птичка ходила по полу—посвистывала. Тетя Оля боялась пошевелиться, но все таки крикнула тетѣ Петровой, которая стояла на ступенькахъ галлерей и ѣла булку. Ты знаешь тетю Петрову, которую у насъ зовутъ помѣщицей, потому что она толстая и всегда ѣсть. На этотъ разъ это было очень хорошо, потому что сейчасъ же тетя Петрова начала бросать прекрасной птичкѣ крошки, а та ихъ клевала, какъ голодная.

Я гуляла съ маленькой тетей Назаровой по задней аллеѣ, знаешь, гдѣ лѣтомъ такъ плюются ивы, такой противной, зеленой пѣной, и вдругъ замѣтили знаки, которые намъ дѣлала головою и языкомъ тетя Петрова, боявшаяся кричать, чтобъ не испугать красной птички. Мы подбѣжали. Я какъ увидѣла ее, такъ и остановилась, разиня ротъ, а птичка—порхъ и сѣла на крыльцо галлерей. Не помню какъ, но только я такъ быстро сдернула съ головы капоръ, что даже оборвала тесемки, накинула его на птичку, а потомъ схватила ее руками. А она, представь Гриня, и не бьется и не клюетъ меня, совсѣмъ ручная, она, вѣрно, вылетѣла у кого-нибудь изъ клѣтки. Съ птичкой въ рукахъ мы побѣжали навверхъ въ дортуаръ, прямо къ дамѣ младшаго класса—Волковой. Она старенькая и добрая, у нея есть собака, такая жирная, что почти не можетъ ходить, а въ клѣткѣ сидитъ хорошенькая канарейка, но не поетъ, потому что она изъ желтой шерсти. Настоящая живая у нея умерла, а эту подарили воспитанницы ей въ утѣшеніе. Волкова очень обрадовалась нашей птичкѣ и сейчасъ посадила ее въ клѣтку, а желтую канарейку спрятала. Насъ она похвалила, что мы поймали птичку, иначе ее могли бы заклевать вороны. У насъ ихъ, у! какъ много живетъ надъ галлереей. Потомъ Волкова усадила насъ у себя, тетю Олю Рябову, меня и тетю маленькую Назарову. Тетя, „помѣщица“ осталась доѣдать на галлерей свои запасы. Волкова, „нѣмецкая дама“, хотя она совсѣмъ русская и славная. Она рассказала намъ легенду о пойманной птичкѣ, которая оказалась—клестомъ.

Легенда, Гриня, это не сказка, но и не совсѣмъ правда, это, понимаешь, такъ, выдумалъ кто-нибудь исторію давно, такъ давно, что потомъ и провѣрить нельзя, правду онъ говорилъ или лгалъ. Вотъ и говорятъ—легенда, то есть старая исторія,—справедливо или нѣтъ, кто ее знаетъ! Такъ вотъ такая легенда рассказываетъ, что когда Господа нашего Иисуса Христа распяли на крестѣ, то клестамъ стало жаль Невиннаго Страдальца, они налетѣли и начали тащить клювомъ гвозди изъ рукъ и изъ ногъ Спасителя и такъ упорно тащили, что клювы ихъ скрестились какъ испорченные клещи. Гвоздей имъ не удалось вытащить, но все таки Господь благословилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ птичка эта даже и зимою изъ подъ коры деревъ и изъ сосновыхъ шишекъ достаетъ себѣ пищу. Всегда весело свистить, любить людей, легко дѣлается ручной и когда умереть, то тѣло ея не гнѣетъ, а засыхаетъ какъ картонное. Вечеромъ въ дортуарѣ Гилле „пилила“ меня съ полчаса. Дѣло въ томъ, что теперь уже зима и мы гуляемъ въ саду въ теплыхъ зеленыхъ салопахъ и капорахъ, а я, ловя клеста, сбросила съ себя капоръ. Сегодня, когда я рассказала П. И. Степанову, учителю естественной исторіи, о клестахъ, какъ они себѣ клювы скрестили и что они нетлѣнны, онъ сказалъ мнѣ, что все это бабьи сказки, что клювы у нихъ всегда, отъ природы такіе, а что засыхаютъ ихъ тѣла, потому что они питаются еловыми шишками, въ которыхъ много смолы. Можетъ, онъ и правду говоритъ, но мнѣ моя легенда нравится больше.

Прощай, Гриня!

Твоя тетя, Русалочка Бурцева.

И русалочкинъ рассказъ одобрили.

— И хитрая эта Бурцева, качала головой Иванова, вѣдь она что своего-то сказала—ничего,—у Волковой повыспросила, у Степанова, гляди и рассказъ готовъ.

— А я такого клеста непременно себѣ заведу!—рѣшила Евграфова, штукъ пять заведу и буду держать въ клѣткахъ!

— Да хоть сотню! Читай, Франкъ!

Д у б ъ.

(Сказка Франкъ).

Маленькій Гриня, я расскажу тебѣ сказку, которую мнѣ рассказывалъ мой братъ Андрюша. Это самый красивый и самый умный офицеръ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, такъ рѣшилъ весь классъ, т. е. всѣ твои тети. Откуда взялъ эту сказку Андрюша, я не знаю, самъ сочинилъ или прочелъ гдѣ нибудь, но только мнѣ она очень нравится.

Дѣло въ томъ, Гриня, что на свѣтѣ все одарено способностью и радоваться и страдать, и не надо думать, что больно только тому, кто кричитъ или плачетъ, вообще умѣть выражать свои страданья. Сорванный цвѣтокъ, надрѣзанное дерево, растоптанная букашка, тоже страдаютъ и умираютъ, но только мы не слышимъ ихъ и не понимаемъ. И такъ слушай: въ полѣ, недалеко отъ деревни, стоялъ большой развѣсистый дубъ. Въ той же деревнѣ жилъ плотникъ Петръ, здоровый, высокій мужикъ, плечистый, но хромоногій. Каждое утро Петръ отправлялся на работу и проходилъ мимо дуба и каждый разъ недоходя шаговъ пять до дерева, бросалъ въ него своимъ топоромъ. Топоръ визжалъ въ воздухѣ, вонзался въ кору дуба, и сокъ какъ слезы вытекалъ изъ дерева; надрубленные вѣтки падали, другія сохли и увядали. Когда Петръ не былъ еще плотникомъ, а парнемъ, играя съ товарищами на этомъ же лугу, онъ набиралъ у ближняго ручья острыхъ, плоскихъ камешковъ и, прицѣлившись въ дубъ, швырялъ ими. Камни летѣли какъ дождь одинъ за другимъ, разсѣкали кору и наносили глубокія раны дереву; но дерево молчало, и Петръ не понималъ его страданій. Дѣло въ томъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ, Петръ, семилѣтнимъ ребенкомъ, полѣзъ на этотъ дубъ за желудями, сорвался съ его вѣтвей, упалъ, повредилъ себѣ ногу и на всю жизнь остался хромымъ. Петръ ненавидѣлъ дубъ, причинившій ему боль и увѣчье, и мстилъ дереву по своему. Каждый Божій день онъ наносилъ ему раны, и могучій, зеленый дубъ, казавшійся еще такимъ сильнымъ и красивымъ, начиналъ гнить внутри; даже птицы,

которыя такъ любили его развѣсистыя вѣтви, перестали прилетать къ нему, потому что ихъ пугали камни и топоръ, которые летѣли каждый разъ, какъ только Петръ проходилъ мимо него.

Однажды лѣтомъ, въ жаркій воскресный день, Петръ вышелъ гулять въ поле не одинъ, рядомъ съ нимъ шла Настя, красивая, молодая дѣвушка, крестьянка изъ сосѣдней деревни.

Петръ любилъ эту дѣвушку и хотѣлъ жениться на ней. Въ первый разъ въ этотъ вечеръ Петръ забылъ ударить дерево. Разговаривая со своей невѣстой, онъ не замѣтилъ какъ потемнѣло небо, и молнія какъ золотыя змѣи заблестала надъ его головой, затѣмъ полилъ страшный дождь. Настя схватила за руку Петра и побѣжала съ нимъ подъ дубъ искать защиты. И дерево пріютило ихъ. Его густыя еще вѣтви не пропустили на нихъ ни одной капли дождя. Они сѣли на золотистый мохъ, прислонили головы къ изуродованному, изрѣзанному камнями и топоромъ стволу и стали говорить о своей свадьбѣ, а дерево нагнувшись къ нимъ своими вѣтвями, какъ будто слушало ихъ.—Дождь утихалъ, гроза прекратилась, но поднялся страшный вѣтеръ и съ такою силою набѣгалъ на дерево, что дубъ дрожалъ всѣми своими вѣтвями, а внутри его что-то трещало. Петръ и невѣста его встали, и Настя побѣжала впередъ. Петръ пошелъ, было, за нею, но вдругъ вернулся; онъ забылъ подъ дубомъ свою шапку; нагнувшись и поднявъ ее, онъ вдругъ вспомнилъ, что на этотъ разъ еще не оскорбилъ своего врага, и забывъ, что дубъ только что служилъ имъ охраной отъ дождя и непогоды, онъ съ глупой злостью сталъ ударять его кулакомъ по стволу. Въ эту минуту набѣжалъ страшный порывъ вѣтра, дубъ застоналъ, стволъ его, весь надрубленный топоромъ Петра, не выдержалъ, рухнулъ и придавилъ собою плотника. Настя съ крикомъ и плачемъ прибѣжала въ деревню, и когда крестьяне собрались въ полѣ вокругъ дуба—они нашли Петра уже мертвымъ, раздавленнымъ громаднымъ стволомъ погибшаго дуба.

Не причиняй никогда, Гриня, боли тѣмъ, кто хотя и

страдаетъ, но не можетъ защищаться, кричать и плакать. Конечно, это сказка, чтобъ показать, что и дерево могло отомстить человѣку. Ты этого не бойся, а только помни, что зло всегда приноситъ горе злему же человѣку.

Прощай, добрый маленькій Гриня, не забывай своей тети

Нади Франкъ.

— Франкъ!—Франкъ! мы подъ сказками всѣ подпишемся, знаешь, такъ по очереди, чтобъ онъ зналъ, что писали три, только отъ имени всѣхъ. И порѣшивъ на этомъ, похваливъ еще разъ всѣхъ трехъ, дѣвочки разошлись спать.

Въ день Рождества Христова послѣ завтрака, старшія сидѣли въ своемъ классѣ. Уроковъ не было. Ночь ушла, и всѣ дѣвочки, сгруппировавшись посрединѣ класса, сидѣли на скамейкахъ и на партахъ. Было важное общее засѣданіе.

Екимова держала карандашъ и бумагу:

— Ну, кого приглашать? Слушайте! Батюшку?—Коллегиально, всѣ-всѣ!

— Попова?—Пиши тоже отъ всѣхъ, онъ славный.

— Степанова?—Всѣ, всѣ, всѣ.

— Дютака?—Я не хочу! И я не хочу! Ну его, меня еще тошнить отъ его Егурте,—кричала Евграфова. Нѣтъ, а я хочу. И я хочу!—Руки вверхъ, кто хочетъ приглашать Дютака! Разъ, два, три... шесть, ну, хорошо, значить, отъ шести.

— Звѣрева?—Не надо, не надо, онъ злющій.—Какъ не надо? Я хочу. И я! И я!—Трое, ну, хорошо, запишу.

— Минаева?—Общее молчаніе.—Mesdames, кто хочетъ Минаева?—Я хочу!—Франкъ?—Ну, да я. Еще кто?—Никто, пиши одна!—И напишу, разумѣется, напишу!—Медамочки, да вѣдь это не ловко,—попробовалъ кто-то запротестовать, но классъ зашумѣлъ.—Неловко, такъ и пиши съ Франкъ, кто тебѣ мѣшаетъ. Бульдожка, иди въ Санчо-Пансо къ Донъ-Кихоту, ты, право, похожа!—Отстань, ты сама на Росинанту смахиваешь.—Да бросьте, душки, ну, время-ли теперь ссориться. Значить, Минаева одна Франкъ. Дальше?

И такъ перечислены были всѣ учителя и классныя дамы чужихъ классовъ, многіе были совсѣмъ забракованы.

Франкъ отдѣлилась отъ группы, сѣла къ своему столу и, вынувъ большой листъ бумаги, на углу котораго былъ налѣпленъ бѣлый голубокъ съ письмецомъ въ клювъ, начала выводить по-французски:

„Monsieur l'inspecteur, vu le bal annuel que donne la première classe ce 27 décembre, j'ai l'honneur et le plus vif plaisir de vous inviter“... рука писала, а кончикъ языка отъ усердія высовывался и поводилъ въ тактъ перу.

Конвертъ съ голубкою запечаталъ письмо, и Надя четко вывела адресъ:

á Monsieur

Monsieur

l'inspecteur de l'Institut.

И моментально сбѣжавъ внизъ, она тайкомъ вызвала изъ швейцарской швейцара Якова, сунула ему въ руку двугривенный и письмо.—Это Минаеву,—приглашеніе на балъ; какъ онъ придетъ, Яковъ, такъ и отдайте.

Въ этотъ день Яковъ получилъ много двугривенныхъ и много писемъ для раздачи и разсылки учителямъ.

На другой день послѣ утренняго чая, въ первый классъ швейцаръ Яковъ принесъ письмо: M-lle Франкъ—сказалъ онъ и вышелъ. Письмо было отъ Минаева. Классная дама отдала его ей, не читая. Франкъ открыла, прочла и густо покраснѣла; съ нею положительно въ этомъ году происходили чудеса: ее принимали за большую, ей писали такія серьезные письма:

Mademoiselle!

J'ai reçu votre aimable invitation que j'accepte, en vous priant de m'accorder la première contredance. J'ai bien compris les sentiments qui vous ont dicté la missive...

Такъ начиналось письмо, и въ немъ были цѣлыя двѣ страницы. Ужь, конечно, никто изъ всего класса такого письма не получитъ! Письмо ходило по рукамъ и вызывало насмѣшливыя замѣчанія, въ которыхъ, однако, чувствовалась жилка зависти...

Вечеромъ въ этотъ день дѣвочки наряжались. Чирковой прислали изъ дому два прекрасныхъ костюма: рыбака и наяды. Подобравъ свои пепельные волосы подъ красный фригійскій колпакъ, перетянувъ талію широкимъ краснымъ шарфомъ, Чиркова казалась хрупкимъ граціознымъ мальчикомъ. Ея зеленеватые большіе глаза глядѣли лукаво и задорно, засученные рукава обнажали бѣлыя нѣжныя руки съ голубыми жилками.

Нина Бурцева,—наяда, оправдывала свое прозвище Русалочки. Кожа ея лица и открытой шеи была бѣла, какъ матовый фарфоръ, распущенные волосы, густые и длинные, рѣзко черные, прикрывали всю ея спину. Глаза синіе, точно ушедшіе въ себя, и ярко-красныя губы. Бѣлое платье и длинная зелень, спускавшаяся съ ея волосъ до земли, придавали ей видъ утопленницы. Она, какъ очарованная, ходила за своимъ рыбакомъ и едва отвѣчала на вопросы, предлагаемые ей другими.

Оторванная отъ далекой семьи, брошенная съ роскошнаго юга въ холодный туманный Петербургъ, перенесенная отъ полей, цвѣтовъ и фонтановъ въ четыре стѣны института, она тосковала и чахла. Потребность ласки и любви жила въ ней можетъ быть сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, а между тѣмъ, кого любить въ институтѣ? Подруги насмѣшливы и рѣзки, классныя дамы назидательны, придирчивы и недоступны. Учителя еще болѣе далеки. Нѣтъ у дѣтей ни птички, ни животнаго, ни даже цвѣтовъ, не на чемъ вылить имъ потребность ласки и нѣжности.

Чиркова сдѣлалась кумиромъ для Бурцевой; на нее перенесла бѣдная Русалочка всю свою любовь.

— Это гдѣ застегивается, спереди или сзади?—приставала ко всѣмъ Бульдожка, нося на рукѣ необходимѣйшую принадлежность костюма турка.

— Я почему знаю,—кричали ей въ отвѣтъ,—спроси ламповщика Егора, вонъ онъ стоитъ въ коридорѣ.

— Ну да, знаетъ онъ, дуракъ, какъ турецкій паша одѣвается, онъ, я думаю, такихъ бархатныхъ штукъ еще и въ жизни не видалъ.

— Иванова, Иванова, смотрите на Иванову, она *incroyable*, очень, очень мило, кто тебѣ устраивалъ?

— Братъ по рисунку.

— Франкъ, Франкъ, ахъ, какая прелесть? Тебѣ кто далъ костюмъ?

— Мнѣ Шкотъ достала, правда, хорошо?

Франкъ была одѣта пажемъ: вся въ свѣтло-зеленомъ атласѣ, въ красивой шапочкѣ, длинное страусовое перо которой спадало ей на плечо; за поясомъ ея былъ небольшой кинжалъ и охотничій рогъ, въ правой рукѣ она несла бархатный шлейфъ своей королевы, Шкотъ, на которой былъ костюмъ Маріи Стюартъ. Всѣ ряженыя, составивъ пары, отправились внизъ къ Матап; по коридорамъ онѣ шли въ сопровожденіи тѣсной толпы дѣвочекъ всѣхъ классовъ, сбѣжавшихся глядѣть ряженыхъ. У Матап были гости, дѣвочекъ впустили. Музыкальная дама Вильгельмина Федоровна Гилле сѣла за рояль, а ряженыя танцевали кадрили, польку и даже нѣсколько характерныхъ па. Между гостями былъ генералъ Чирковъ и его адъютантъ Базиль... Поликсену позвали, Базиль говорилъ съ нею, нагнувшись близко къ бѣлокурой головкѣ, почти на ушко. Поликсена смѣялась. Базиль подошелъ къ Матап и просилъ ея позволенія вмѣшаться въ танцы.

Пажъ танцевалъ со своей королевой, и лицо его дышало удалью, здоровьемъ и весельемъ; затѣмъ пажъ подхватилъ Чернушку, одѣтую цыганкой, и онѣ подъ звуки польки танцевали какой-то танецъ, который, какъ увѣряла Шкотъ, могъ бы быть и индѣйскимъ...

Наступилъ день выпускнаго бала. Въ 6 часовъ, немедленно послѣ обѣда, старшій классъ былъ въ дортуарѣ, къ нимъ допущенъ былъ парикмахеръ. Весь красный, въ поту, во фракѣ, ради такого торжественнаго случая, онъ метался изъ одного промежутка между кроватями къ другому. Дѣвочки, всѣ въ бѣлыхъ кофтахъ, сидѣли, какъ куклы, на табуретахъ передъ зеркальцами и покорно позволяли продѣлывать со своими волосами, что было угодно этому „Фигаро“ съ Невскаго.—Г-нъ парикмахеръ, теперь ко мнѣ!—говорила

очередная. Фалдочки летѣли кверху и, растопыривъ локти, съ щипцами въ одной рукѣ, гребенкой въ другой, парикмахеръ летѣлъ на зовѣ.

Дѣвочки съ его помощью всѣ подурнѣли сразу. вмѣсто милыхъ головокъ съ пробормомъ ниточкой и гладко зачесанныхъ висковъ, всюду получались какіе-то вихры, торчки; вмѣсто сложенныхъ узломъ, заплетенныхъ косъ, появились хитрые крендели и булки. Причесанныя ходили красныя, изъ страха испортить прическу, держали головы такъ неподвижно, какъ если бы имъ въ шею загнали большую булавку. Корсеты стягивались такъ неумолимо, что многихъ тошнило, онѣ жевали мятныя лепешки, тоскливо поводили кругомъ глазами, но ни за что не рѣшились бы распустить корсеты. По бальному снятыя пелеринки и рукава обнажали посинѣвшую отъ холода кожу. Бѣдныя маленькія мученицы были, какъ и всегда въ сущности, предоставлены самимъ себѣ; классная дама, во-первыхъ, была занята своимъ туалетомъ, а во-вторыхъ, она существовала для того, чтобы не нарушался порядокъ, а порядокъ не нарушался тѣмъ, что неразумныя дѣвочки создавали себѣ муку изъ предстоящаго удовольствія.

Ботинки и перчатки у большинства были безобразны. Домой не отпускался никто, а потому все покупалось родными на „глазъ“; дѣвочки удовлетворялись, если только влѣзало, но и въ этомъ онѣ ошибались: сгоряча все казалось хорошо, но потомъ у иныхъ ботинки такъ жали, что ноги ныли, затекали, и онѣ ходили, „какъ мученицы по горячимъ угольямъ“. Перчатки, напротивъ, у большинства сидѣли, какъ рукавицы на дворникѣ, но всетаки ни одна не рѣшилась бы снять эту „бальную принадлежность“ и показать свою маленькую, хорошенькую ручку. И несмотря на все это молодость брала свое; во время бала, разгорѣвшіяся личики сіяли, блестѣли бѣлые зубки, декольтированные шеи и обнаженные руки, большею частью, еще несформированные, показывали тонкую, нѣжную кожу. Забывъ институтскую „привитую“ чопорность манеръ, онѣ становились веселыми, счастливыми дѣвочками, съ нѣжнымъ смѣхомъ и милой болтовней. Завитки ихъ, къ счастью, распустились, растрепались и придали имъ болѣе

естественный видъ. Всѣ казались хорошенькими, каждая жаждала танцовать и „прививала“ веселье своимъ кавалерамъ.

Въ залъ дѣвочки вошли попарно, въ глубинѣ за роялемъ сидѣлъ таперъ и ударилъ тушъ, какъ только открылись входныя двери. Направо стояла тучная Матап съ цѣлымъ штатомъ синявокъ, затѣмъ—инспекторъ, учителя и всѣ приглашенные. Вошедшія 30 дѣвочекъ подъ предводительствомъ М-ле Ноть, разукрашенной бантиками и лентами, — стали налѣво.

Франкъ взглянула на группу гостей, тихо вскрикнула и подалась впередъ. Въ первомъ ряду, не сводя съ нея веселыхъ, немного насмѣшливыхъ глазъ, стоялъ ея красавецъ Андрюша.—Пріѣхалъ! пріѣхалъ?—пѣло сердце дѣвочки, и она вся засіяла. Людочка, розовая, перетянутая, замѣчательно красивая, стояла въ группѣ приглашенныхъ стрекозъ и тоже вся вспыхнула и засмѣялась, увидя статнаго офицера. Начался обрядъ представленія; слѣва двигалась дѣвочка, справа выходилъ кавалеръ, брались за руку и шли къ Матап.

— Матап, c'est mon cousin—tel.

Cousin кланялся и бормоталъ какое-то *enchanté*... Двѣ дѣвочки таки перепутали кузеновъ, но утомленная Матап уже все равно ничего не понимала и, сидя въ глубокомъ креслѣ съ тупымъ и страдальческимъ видомъ, подставляла свою жирную руку для поцѣлуя *cousin*'амъ.

Наконецъ всѣ вступленія кончились! Таперъ ударилъ вальсъ. Первымъ двинулся Андрюша и, низко нагнувъ голову, стоялъ улыбаясь передъ сестрой; дѣвочка, забывъ, что она „дама“, прыгнула ему на шею съ лепетомъ—„Дуся, Дуся“, но онъ, смѣясь, отвелъ ея руки, взялъ за талію, и братъ и сестра, какъ воплощеніе здоровья, молодости и веселья, царствовавшихъ въ этой залѣ, понеслись первою парюю въ плавномъ вальсѣ. За ними замелькали другія пары. Всѣ дѣвочки, кромѣ Салоповой, танцовали; ту оставили въ покоѣ; она одна въ пустомъ дортуарѣ сидѣла на табуретѣ, заткнувъ уши и закрывъ глаза.

Степановъ, учитель естественной исторіи, высокій, худой

и рыжій, зашагалъ какъ на ходуляхъ изъ угла залы и остановился передъ только что сѣвшей Бульдожкой.

— Mademoiselle, un tour de valse?

— Не пойду я съ вами, ни за что!—отрѣзала дѣвочка.

— За что такая немилость?

— Да вы такой длинный, мнѣ не положить вамъ руки на плечо, ни за что не пойду!—дѣвочка начинала злиться.

Степановъ нагнулся къ ея стулу:—Бульдоженька, первое правило свѣтской дамы на балу, не отказывать кавалеру—вотъ теперь я стану за вашимъ стуломъ и не позволю вамъ танцовать ни съ кѣмъ, а если примете предложеніе, то я долженъ буду убить кавалера.

Бульдожка завертѣла глазами. Въ эту минуту къ ней разлетѣлся правовѣдъ:

— Mademoiselle...

Бульдожка поглядѣла на Степанова, тотъ соорилъ страшное лицо.

— Je ne danse pas,—пробормотала дѣвочка. Правовѣдъ полетѣлъ дальше.

— Mademoiselle?—передъ Бульдожкой стоялъ кадетъ.

Дѣвочка не выдержала и обратилась къ Степанову: Я пойду скажу Матап, что вы хотите драться, если я буду танцовать.—Степановъ хохоталъ, его всегда забавляла сердитая дѣвочка.

Но кадетъ, къ счастью, оказался изъ бойкихъ и сразу смекнулъ положеніе.

— Вамъ угодно драться,—обратился онъ весело къ Степанову,—я къ вашимъ услугамъ, завтра на шпагахъ, а теперь, Mademoiselle, un tour de valse.

Бульдожка тоже обернулась къ Степанову:

— А, что взяли, а? Нашлись и похрабрѣ васъ, а завтра сами убѣжите,—и она пошла съ кадетомъ, упрашивая его серьезно, чтобы онъ не дрался со Степановымъ, потому что если онъ убьетъ его, то вѣдь ей же и достанется.

— Monsieur André, monsieur André, какъ я рада, что вы пріѣхали,—говорила Людочка, склонивъ голову на плечо Надина брата.

Молодой человекъ глядѣлъ на дѣвушку и видѣлъ въ ея очахъ нѣжность, слушалъ ея лепетъ, и въ немъ, какъ во всемъ ея существѣ, находилъ что-то тихое, разумное, и всѣ его теоріи колебались, — передъ нимъ было несомнѣнное счастье, счастье первой—преданной любви!

И какъ въ волшебномъ снѣ, счастливая, красивая пара носилась по залѣ подъ чарующіе звуки страусовскаго вальса.

— Mesdames et messieurs, à vos places. Messieurs, cherchez vos dames,—надрывался адъютантъ Basil, звеня шпорами и описывая круги по скользкому паркету, какъ по льду на конькахъ.

Видя, что Чиркова танцуетъ съ Базилемъ, бѣдная Русалочка, съ трудомъ сдерживая слезы, отошла въ сторону и натолкнулась на Степанова.

Пользуясь бальнымъ правомъ, онъ продѣлъ руку дѣвочки подъ свою, вывелъ ее изъ танцующихъ паръ и направился въ сосѣдній открытый классъ; тамъ онъ усадилъ ее на скамейку, самъ сѣлъ напротивъ.

— Ну-съ, Русалочка, ужь теперь вы отъ меня не уйдете; такъ какія насѣкомыя принадлежатъ къ жестко-крылымъ, а?

Дѣвочка улыбнулась; это былъ послѣдній, плохо выученный ею урокъ.

— Жужелицы...—начала она.

— То-то, жужелицы!—И замѣтивъ, что дѣвочка дѣлаетъ попытку повернуться лицомъ къ залѣ, чтобы видѣть танцующихъ, онъ взялъ ея тоненькую ручку и началъ снимать съ нея перчатки.

— Ну, можно ли такія лапки прятать въ такія рукавицы, вѣдь это мнѣ будетъ впору, право! Русалочка, что-то теперь на Кавказѣ, хорошо, я думаю? Что, въ Тифлисѣ спятъ теперь и не думаютъ, что вы танцуете?

Дѣвочка оживилась при одномъ словѣ „Кавказъ“. Онъ началъ спрашивать ее, говорилъ самъ, а сердце его сжималось отъ жалости: „Бѣдный ты, бѣдный ребенокъ“, думалъ онъ, „бѣдный ты кипарисъ, пересаженный прямо въ

снѣгъ. Унести бы тебя куда-нибудь въ деревню на приволье, подальше отъ всѣхъ этихъ ложныхъ фантазій, поздоровѣла бы ты, Русалочка, и какая славная дѣвушка вышла бы изъ тебя“.

— Русалочка, вы были когда-нибудь въ настоящей русской деревнѣ, въ помѣщичьемъ домѣ?

— Никогда не была.

— А тамъ хорошо!—и онъ началъ рассказывать ей о лунныхъ ночахъ, о лѣсѣ съ соловьиными трелями, о снѣжной безконечной дорогѣ и лихой тройкѣ съ валдайскими колокольчиками. Онъ прочелъ ей отрывокъ изъ поэмы „Морозъ“, и дѣвочка сидѣла очарованная, вся порозовѣвшая, не спуская съ него глазъ.

— У васъ нѣтъ деревни?

— Нѣтъ, Русалочка, но у меня есть каѳедрa, съ которой я въ слѣдующій разъ спрошу васъ о жесткокрылыхъ! — сказалъ онъ ей голосомъ волка въ „Красной Шапочкѣ“.

Минаевъ во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, танцевалъ съ Надей, визави ихъ были Андрюша и Люда. Минаевъ держалъ себя просто и мило, но Надя, чувствуя, что танцуетъ съ начальствомъ, старательно выдѣлывала всѣ па.

— Вамъ весело? — спросилъ онъ.

— Страшно! — отвѣчала дѣвушка.

— Вы любите танцевать?

— Ужасно! Дуся, Дуся, — сказала она, хватая брата за руку въ *chassé croisé*, — у меня былъ Евгеній Михайловичъ осенью! Ты знаешь?

— Знаю! Рыжикъ, говори же со своимъ кавалеромъ.

— Вы, кажется, очень любите своего брата? — спросилъ Минаевъ.

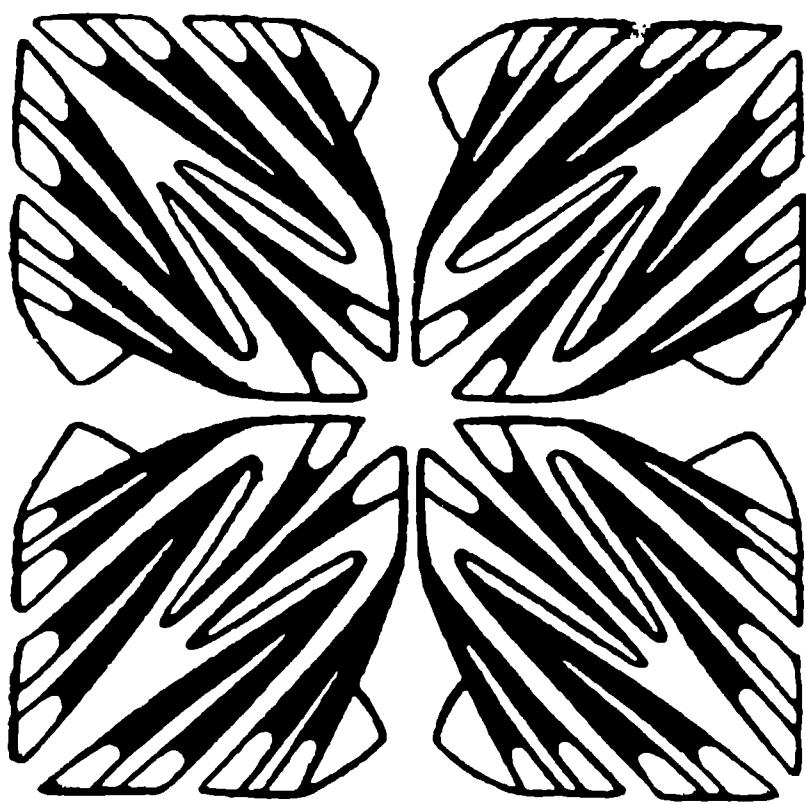
— Я, брата? — Больше всего на свѣтѣ.

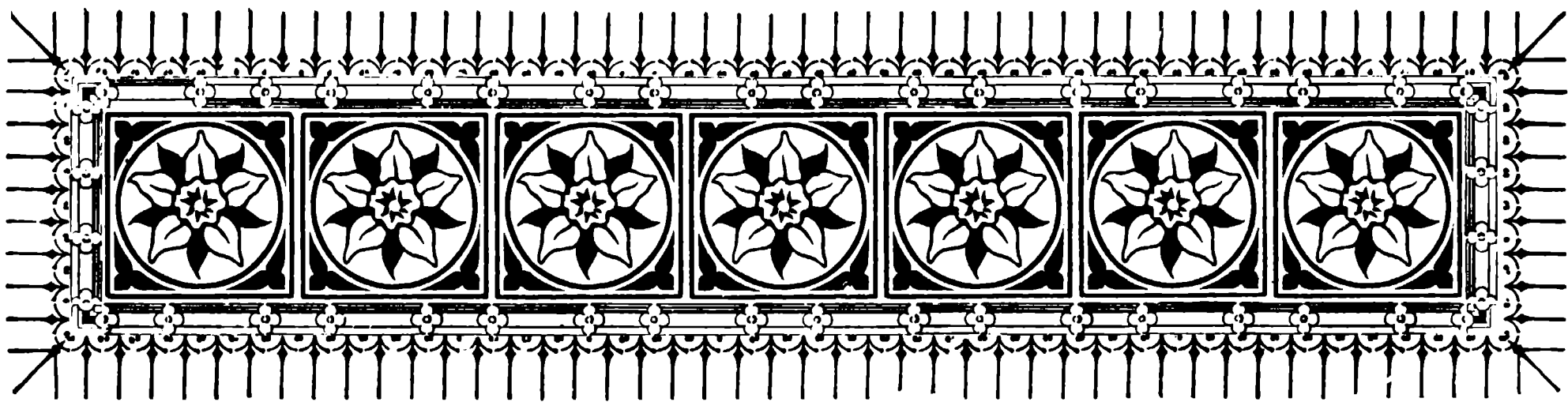
Въ часъ ночи кончился балъ. Гости пошли ужинать внизъ въ аппартаменты Матап, а дѣвочекъ отвели въ столовую, гдѣ для нихъ былъ накрытъ чай съ фруктами и печеньемъ.

Долго не могли заснуть въ эту ночь счастливыя выпускныя, долго передавали они другъ другу свои впечатлѣнія, и у каждой въ сердцѣ сильнѣе разгоралась жажда жизни, каж-

дая еще больше рвалась къ выпуску. Этотъ балъ былъ только преддверіемъ тѣхъ настоящихъ баловъ, о которыхъ каждая читала и слышала отъ подругъ.

Но никого не было счастливѣе Лидочки. Теперь ея служба и ея обязанности будутъ казаться ей легкими и пріятными. Вѣдь должна же она чѣмъ-нибудь заслужить громадное счастье, предстоящее ей. Институтъ будетъ для нея тѣмъ монастыремъ, въ которомъ въ средніе вѣка заключались добровольно дамы, ожидавшія своихъ рыцарей, ушедшихъ въ крестовые походы. Мысль, что André ея женихъ и что она въ свои выпускные дни будетъ его видать, гулять съ нимъ, наполняла восторгомъ ея сердце.

Х.

Первая несправедливость.

АЛОПОВА захворала. Болѣзненная, слабая дѣвочка, почти никогда не ложилась въ лазаретъ; частые флюсы, лихорадку и мигрень она все переносила терпѣливо и на всякій вопросъ отвѣчала только: „Господь сколько терпѣль, а мы ничего снести не хотимъ, сейчасъ ропщемъ“. Но на этотъ разъ лихорадка истощила ея силы.

Салопова осунулась, пожелтѣла еще больше и ходила совсѣмъ молчаливая, только, когда между дѣвочками возникала сильная ссора или одна дѣлала противъ другой какую-нибудь несправедливость. Салопова своей слабой походкой подходила къ нимъ и молча становилась возлѣ; слушая упреки, бранныя слова, она строго, пристально глядѣла то на ту, то на другую. Дѣвочки краснѣли, начинали кричать: „Да убирайся ты вонъ, Салопова!“ . Иногда даже одна говорила другой: „Пойдемте, мадамочки, браниться въ коридоръ, тамъ никто не помѣшаетъ!“ Но Салопова, какъ тѣнь пробиралась за ними всюду, и дѣвочки путались въ словахъ, а затѣмъ замолкали или уже обращались къ ней на судъ.

— Да ты разбери сама, Салопова, вѣдь она... Салопова выслушивала и одну и другую и говорила всегда: „Господь

всѣхъ прощаль и намъ завѣщаль не ссориться!“ И большею частью ссора кончалась, дѣвочки, ворча противъ „ханжи“, расходились, а потомъ и забывали о ссорѣ.

Едва-ли хоть одна изъ класса любила Салопову; съ ней никто не ходилъ обнявшись, никто не болталъ по ночамъ на кровати, но когда дѣвочка разъ упала на молитвѣ и ее всю блѣдную, съ закрытыми глазами, унесли въ лазаретъ, въ классѣ вдругъ почувствовалась пустота, а вечеромъ, когда всѣ легли въ кровать, тѣмъ, кто спалъ недалеко отъ нея даже стало жутко, до того привыкли они видѣть ее на колѣняхъ передъ образомъ и засыпая слышать, какъ она благоговѣйно, съ чувствомъ шепчетъ молитвы.

Черезъ два дня послѣ того, какъ ее взяли въ лазаретъ, уже начали составляться партіи провѣдать ее; вскорѣ это приняло характеръ пиллигримства; приходилось даже чередоваться, каждую побывавшую у нея классъ осыпалъ вопросами: „Ну что Салопиха? Что говорила?“ „Да ничего не говорила, вѣдь у ней одна просьба, — придешь, читай ей Евангеліе, а уходишь, — просить не ссориться, да вѣдь какъ просить-то, чуть не со слезами“. „Ну и что-же ты, обѣщала?“

— Да ты бы видѣла какими глазами она смотритъ, когда говоритъ-то, тутъ все, что хочешь, обѣщаешь.

У дѣвочекъ появились въ карманахъ маленькія евангелія, которыя, по ихъ просьбѣ, купилъ о. Андріанъ, ссоры стали гораздо рѣже. Неуспѣютъ двѣ войти въ азартъ, раскричатся, какъ третья скажетъ: „Ахъ, Господи, а я сегодня къ Салопихѣ, ну, что я ей скажу, какъ спросить?“ и ссора падала сама собой.

Пробовали дѣвочки носить ей гостинцы, но Салопова тутъ-же при нихъ раздавала все другимъ. „На что мнѣ лишнее, не надо, и такъ даютъ больше чѣмъ съѣшь,—говорила она, ты вотъ лучше потѣшь меня, посиди лишнее, да почитай!“ И дѣвочки не только что охотно сидѣли, читали, но даже вынимали за ея здравіе просвирки и ставили свѣчи.

— Франкъ, Франкъ, ступай-ка сюда, кричала Чернушка, вернувшись послѣ завтрака въ классъ.

— Въ чемъ дѣло? Чего тебѣ?

— Ты знаешь, насъ больше не хотятъ пускать въ лазаретъ къ Салоповой.

— Ну-у? Франкъ присѣла на парту, возлѣ потѣснившихся Евграфовой и Ивановой. Отчего такъ?

— Да вотъ спроси,—Чернушка указала на Иванову.

— Это все каракатица Миндерь нажаловалась; говоритъ, съ утра до вечера шмыгають по коридору, мѣшаютъ ей давать уроки музыки; вѣдь она, съ кафульками занимается, ну, говоритъ, разсѣиваются.

— Да съ чего она, вѣдь никто изъ насъ въ „музыкальную“ не заходитъ. Надо поговорить съ Марьей Ивановной.

— Страсть у этой Франкъ звать ихъ всѣхъ по имени и отчеству. По нашему, каракатица, а по ней сейчасъ Марья Ивановна.

— Да вѣдь пора-же намъ, медапочки, бросить эти прозванія, вѣдь мы выпускныя.

Поѣхалъ Баярдъ на високомъ конѣ
Въ золотомъ зипунѣ,
Конь, что ни шагъ оступается,
А нашъ рыцарь въ пыли все валяется.

Затянула Евграфова пѣсню, которой дразнили Франкъ. Франкъ вскочила.

— И буду и буду всѣхъ звать по имени и отчеству, за то и сама буду Надеждой Александровной Франкъ, а вы изъ института выйдете и все останетесь: „бульдожками“, „чернушками“, „свинюшками“, „звѣрюшками“.

— Ахъ ты выскочка въ „передовишки“ лѣзешь, выпалила „Чернушка“ только что недавно ознакомившаяся со словомъ „передовая“. Сидѣвшія дѣвочки расхохотались, повторяя: „передовишка“.

— А ты, а вы — Франкъ не находила словъ и только блестя глазами, трясла своей рыжей головой.

— А къ Салоповой такъ и не пойдёмъ, закричала Иванова, заглушая споръ.

Поднявшаяся ссора сразу упала.

— Нѣтъ, пойдёмъ, упрямо заявила Франкъ, я по крайней мѣрѣ иду.

— Да вѣдь не пустятъ.

— И не пустятъ да я пойду. Вѣдь бѣда только по парадной пробѣжать да нижнимъ коридоромъ, а ужь влетимъ въ лазаретъ — Вердеръ не выгонитъ. Кто со мной?

— Конечно я! Чернушка веселая, ласковая схватила за руку Франкъ. Вмѣстѣ, да?

И дѣвочки, забывъ ссору, уже цѣловались и строили планъ побѣга.

Вечеромъ въ семь часовъ, когда Гилле углубилась на каедрѣ въ какой то нѣмецкій романъ, „Чернушка“ и Франкъ незамѣтно шмыгнули изъ класса, слетѣли по лѣстницѣ, проскользнули мимо швейцарской, въ ту минуту когда Яковъ отсутствовалъ, такъ какъ въ случаѣ чего могъ бы и сошпіонитъ. Тихонько, едва дотрагиваясь по полу, промчались по нижнему коридору, гдѣ налѣво шли музыкальные классы, а направо комнаты Матап, и благополучно появились въ лазаретѣ передъ очами добродушной толстой Вердеръ—лазаретной дамы. Обѣ дѣвочки, едва сдерживая взволнованное дыханіе, присѣли и объявили, что присланы изъ класса узнать о здоровьи Салоповой. Вердеръ похвалила дѣвочекъ за вниманіе, но объявила имъ, что больной хуже, и докторъ не велѣлъ пускать къ ней никого.

Опечаленныя Франкъ и „Чернушка“ возвращались назадъ, волоча ноги и уже не заботясь о томъ, что могли быть пойманы.

Изъ крайней комнаты раздавалось дѣтское исполненіе гаммы и крикъ Миндеръ, бранившей какую-то „кафульку“.

— Вотъ злющая!—проговорила „Чернушка“, прикладывая ухо къ двери. Такъ и шипитъ, — и вдругъ, приложивъ губы къ замочной скважинѣ, Чернушка сама зашипѣла какъ перешедшій самоваръ. Франкъ, зная, что Миндеръ до смерти боится кошекъ, мякнула во весь корридоръ, и обѣ дѣвочки, подмываемыя непреодолимой жаждой школьничества, накинувъ передники на голову, пролетѣли мимо швейцарской, изъ за стеклянной двери которой теперь глядѣлъ на нихъ во всѣ глаза Яковъ. Мимо бѣлевой, столовой, не переводя духа, взви-

лись по второй лѣстницѣ въ третій этажъ и вбѣжавъ въ свой дортуаръ, бросились, едва дыша, на кровати.

— Ой, не могу, ой, не могу, кричала Франкъ, Миндерь вѣрно умерла со страху.

— А вѣдь Яковъ-то насъ видѣлъ, я знаешь, такъ изъ-за уголка гляжу, а онъ такъ и вытянулъ шею за нами.

— Ну, да, гдѣ ему узнать. Мы летѣли-то какъ мячъ. Дѣвочки отдышались, Франкъ достала изъ своего ночного шкапика пеклеванникъ и красную глиняную кружку, на половину наполненную патокой.

— Когда ты купила? и „Чернушка“ облизнулась отъ предстоящаго удовольствія.

— Утромъ, послала истопника, онъ самъ мнѣ и въ шкафъ поставилъ.

Дѣвочки раздѣлили пеклеванникъ, каждая, вынувъ мякишъ, налила, въ образовавшееся углубленіе, патоку, снова закрыла его мякишемъ и затѣмъ съ наслажденіемъ принялись уписывать необыкновенное блюдо. Пеклеванникъ съ патокой, молодая рѣпа, свѣжіе огурцы считались первымъ лакомствомъ.

Покончивъ съ трапезой, умывъ руки въ умывальной, подруги оправили свои волосы, пелеринки и уже чинно, благовоспитанно сошли въ классъ. Въ коридорѣ было шумно, по срединѣ стояли двѣ „чужія“ классныя дамы, возлѣ нихъ Миндерь, взволнованная, вся въ пятнахъ, что-то быстро рассказывала, разводя короткими ручками. Группы воспитаницъ двухъ старшихъ классовъ окружали ихъ. Когда Франкъ и „Чернушка“ показались въ концѣ коридора, Миндерь замѣтила ихъ и что-то быстро проговорила окружавшимъ. Всѣ головы обернулись къ нимъ, и когда дѣвочки, уже встревоженные, подошли ближе, десятки паръ любопытныхъ, веселыхъ, злыхъ и подозрительныхъ глазъ уставились на нихъ.

— Я сейчасъ все выведу на свѣжую воду! — шепнула Миндерь и раздвинула кружокъ любопытныхъ.

— M-e-lle Франкъ, гдѣ вы сейчасъ были?

— Я! Франкъ оглянулась на „Чернушку“, мы?

— Нигдѣ, выпалила „Чернушка“, мы здѣсь.

Дѣвочки, окружавшія ихъ, расхохотались.

— Il n'y a rien de drôle dans tout ceci, строго объяснила Черкасова, красивая, нѣсколько горбатая дама шестого класса; дѣло въ томъ, продолжала она, подходя къ „Чернушкѣ“ и Франкѣ и глядя на нихъ большими, выпуклыми, всегда насмѣшливыми глазами, M-elle Миндеръ оскорблена и этого такъ не оставитъ, потому что оскорбили ее взрослыя дѣвушки грубо и сознательно.

„Чернушка“ и Франкѣ встревоженные, уже уничтоженные холоднымъ и презрительнымъ тономъ Черкасовой, поблѣднѣли, поглядѣли другъ на друга и опустили голову.

— А, вы, кажется, уже понимаете въ чемъ дѣло?—еще язвительнѣе продолжала Черкасова.

— M-elle Миндеръ, виновныя найдены, мнѣ кажется онѣ даже и не думаютъ отпираться. Méchantes et mauvaises petites sottes, проворчала она уже про себя.

Франкѣ и „Чернушка“ вспыхнули, но раньше, чѣмъ они рѣшились отвѣтить, Миндеръ налетѣла на нихъ.

— Я такъ не оставлю. Я никогда не прощу такого оскорбленія. Я сейчасъ иду къ Матап. Вамъ обѣимъ не дадутъ ни аттестата, ни диплома. Или я подамъ въ отставку или васъ выгонятъ изъ института. Миндеръ вся тряслась и едва выговаривала слова отъ злости. Гдѣ карандашъ, гдѣ карандашъ, которымъ вы писали?

Франкѣ и „Чернушка“ переглянулись и обѣ выговорили вдругъ, какъ бы спрашивая одна другую.

— Какой карандашъ?

— Синій, синій, тотъ самый, которымъ вы это написали.

— Да никакого у насъ нѣтъ синяго карандаша, ничего мы не писали.

— Какъ не писали, да какъ вы смѣете отпираться послѣ того, какъ вы сознались.

— Да въ чемъ мы сознались?—закричала ей Франкѣ.

— Вы къ Салоповой бѣгали?—начала до сихъ поръ молчавшая классная дама Иверсенъ.

— Ну, бѣгали, — въ голосъ отвѣчали обѣ пойманныя.

— А васъ кто пустилъ?

— Никто! — отвѣчала уже дерзко Франкъ.

— А теперь вы откуда? — встала Черкасова.

— Мы?

— Да что вы, какъ сороки обѣ въ одинъ голосъ отвѣчаете? Франкъ, ступайте сюда и отвѣчайте только на вопросы, а вы Вихорева, молчите.

— Гдѣ вы сейчасъ были? Ну, Франкъ, безъ лжи.

— Я никогда не лгу. Были въ дортуарѣ.

— Что вы тамъ дѣлали?

— Ъли пеклеванникъ съ патокой.

— Какъ? Еще новая гадость! Ну, это мы разберемъ послѣ. Что вы дѣлали, когда пробѣгали внизу мимо музыкальной комнаты?

— Пойдите, пойдите! Миндери схватила Черкасову за руку. Я хочу только спросить, знали-ли вы, Франкъ и Вихорева, что именно я давала урокъ?

— Конечно, знали.

— Почему-же это конечно?— снова язвительно вступила въ допросъ Черкасова.

— А потому, что Fräulein Миндери всегда за урокомъ музыки такъ бранится, что слышно на весь коридоръ.

— Gott, wie frisch!— Миндери всплеснула короткими руками.

— Хорошо. Такъ вы, Вихорева, что-же сдѣлали?

— Я? Да ничего, я только приложила губы къ замочной скважинѣ и такъ зашипѣла.

— Какъ зашипѣла? Не смѣть смѣяться!

Фыркнувшія слушательницы струсили.

— Какъ-же вы зашипѣли, Вихорева? — покажите ваше искусство.

— Такъ, пшть, какъ кошки шипятъ.

Окружающіе снова фыркнули.

— А вы, Франкъ, что сдѣлали?

— Я громко мяукнула.

— Зачѣмъ?

— Fräulein Миндери очень боится кошекъ.

— А дальше, дальше, что вы сдѣлали?

— Дальше ничего, мы накинули передники на головы и убѣжали.

— Неправда! Неправда! Вы оскорбили меня еще и письменно. Вы написали на дверяхъ синимъ карандашомъ: „Дура Машка“.

— Такъ почему же вы знаете, что это было именно вамъ?

— Ага, Франкъ, вы не отрицаете, вы только хотите теперь обернуть это въ другую сторону. Я, Марія Ивановна, вы это хорошо знаете, значить, надпись касалась меня.

— Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ! — вдругъ съ нервными слезами закричала Франкъ. Ничего я не писала и синяго карандаша у меня нѣтъ. Я увѣрена, что эта надпись васъ и не касается, мало-ли у насъ „Машъ“. И Франкъ, круто повернувшись, ушла въ свой классъ, за ней побѣжала Вихорева, любопытная, выслушавшія исторію, помчались рассказывать ее въ свои классы; дамы разошлись, убѣжденные, что виновная открыта, и Миндерь покатила снова въ нижній этажъ, на этотъ разъ жаловаться Матап. Въ пересказѣ Миндерь Матап получила впечатлѣніе, что Франкъ сдѣлала ей дерзость намѣренно съ необыкновенной грубостью. Виновность Вихоревой какъ-то вдругъ отпала и всѣмъ стало очевидно, что виновница одна Франкъ.

Влетѣвъ въ классъ, возбужденная и разсерженная дѣвочки, не обращая вниманія на M-elle Гилле, старавшуюся призвать къ порядку, немедленно собрали вокругъ себя кружки и стали обсуждать происшествіе.

Франкъ, размахивая руками, горячо защищалась и обвиняла; пеклеванникъ... кошка... патока... Миндерь, все смѣшалось. Она очнулась только тогда, когда маленькая Иванова, не понявшая ни слова изъ ея рассказа, спросила: „Почему-же ты не созналась, что написала?“ Къ ея вопросу присоединились и другія. Очевидно, дѣвочки допускали полную возможность того, что это было именно написано ею, никто не понималъ только, зачѣмъ всегда откровенная и смѣлая дѣвочка, теперь отпиралась съ упорствомъ.

— Ну, не все-ли тебѣ равно, — убѣждала ее Екимова,

вѣдь все равно тебѣ не пройдетъ даромъ. Солдата за паточкой послала, къ Салоповой бѣгала, Миндери, Черкасовой, Иверсенъ нагрубила, созналась бы, и дѣло съ концомъ.

— Да вѣдь я же этого не писала! — кричала Франкъ, вся красная.—Что вы ко мнѣ пристали? У меня и карандаша нѣтъ, спросите Вихореву!

— Вихорева, у Франкъ есть синій карандашъ? — закричала съ дальней парты Чиркова.

— Я почему знаю ея карандаши! — огрызнулась Вихорева.

— Конечно, есть! — закричала Евграфова, — помнишь, Франкъ, ты мнѣ разъ имъ воду растушевывала.

— Такъ вѣдь этотъ карандашъ,—Франкъ бросилась къ своей партѣ, открыла ее, порылась и достала кусочекъ толстаго синяго карандаша, вотъ онъ, въ партѣ!

— Да ты, можетъ, сейчасъ его туда и положила, — захохотала Чиркова.

— Я! подбросила? — голосъ Франкъ упалъ.

Все случившееся начало принимать въ ея глазахъ форму какого-то кошмара.

— Да вѣдь я была съ Вихоревой, спросите ее.

— Вихорева, ты что дѣлала у дверей?

— Я? Подглядывала въ скважину, а потомъ шипѣла.

— Ну, скажи, если-бы Франкъ хотѣла, успѣла-бы она написать на дверяхъ два слова: „Машка-дура?“

— Конечно, успѣла-бы! Да что вы, Чиркова, допрашиваете, вамъ говорятъ, что она не писала.

— А я думаю, что она написала!—захохотала Чиркова, обрадованная, что представляется случай отплатить Франкъ за ея недружелюбное отношеніе къ ней.

— Матап, Матап идетъ! — крикнулъ кто-то, стоявшій у окна. Съ Миндери!

Дѣвочки притихли и поблѣднѣли. Появленіе Матап въ классѣ, вечеромъ, было случаемъ, выходящимъ изъ ряда. Взволнованная Гилле вскочила съ кафедры и толклась около дверей. Матап вошла и сразу опустилась на подставленное ей вѣнское кресло. Миндери встала возлѣ нея; глаза у нея

были заплаканные. Чья-то глупая, дѣтская выходка принимала настоящій видъ институтской драмы.

Отдышавшись, распустивъ желтыя ленты чепчика, Матап начала, глядя на Франкъ.

— Между вами есть одна дѣвочка, къ прискорбію отличающаяся слишкомъ рѣзкимъ и независимымъ характеромъ. Все хорошо въ извѣстной долѣ, вы не дѣти. Теперь, выходки этой дѣвочки, вѣрнѣе сказать, уже дѣвицы на выпускѣ, перешли всякую границу. Сегодня она оскорбила достойную M-elle Миндеръ (Матап говорила по-французски); я еще разъ согласна признать всю эту печальную исторію за необдуманную дѣтскую выходку, если провинившаяся сознается и передъ всѣмъ классомъ попросить прощенія у M-elle Миндеръ.

Всѣ взоры обратились на Франкъ. У дѣвочки въ лицѣ не было ни кровинки. Она глядѣла внизъ, рыжія пряди свѣсились на лобъ, брови сдвинулись, и вся фигура была полна такого упрямства, которое нападало на нее въ самыя злыя минуты. Въ головѣ у ней вертѣлась одна мысль, — „вѣдь я не виновата, не виновата, не виновата!“

— M-elle Франкъ!—услышала она голосъ Матап. Франкъ стояла, не двигаясь, даже губы ея побѣлѣли.

— Взгляните на это лицо!—Матап указала на Франкъ— и вы ясно прочтете на немъ сознаніе вины и злое упрямство.

Настала минута торжественнаго молчанія.

— Франкъ, подойдите сюда!—начала Матап болѣе мягкимъ голосомъ — я вижу, что вамъ очень стыдно, попросите у M-elle Миндеръ прощенія, и все будетъ забыто. Блѣдное лицо дѣвочки поднялось; сѣрые глаза усталые, полные выраженія недѣтской муки, уставились на Матап; она сдѣлала шагъ впередъ, остановилась и, видя передъ собою снова строгое, холодное лицо, ждавшее признанія, тряхнула головой, отбрасывая непокорные волосы.

— Я не-ви-но-вата!—громко отчетливо проговорила она и вернулась на свое мѣсто.

Матап встала; Миндеръ, Гилле и весь классъ со стра-

хомъ глядѣли на Франкъ. Матап, казалось, пріискивала и не находила достаточно строгой кары.

— Fräulein Гилле, у васъ есть завтра урокъ Закона Божія?

— Завтра? — Гилле бросилась къ недѣльному росписанію.

— Завтра второй урокъ батюшки.

— Вы передадите M-elle Ноть, такъ какъ завтра ея дежурство, чтобы о. Адріанъ послѣ урока зашелъ ко мнѣ, и... въ тоже время пришлете ко мнѣ и Франкъ.

Матап, сопутствуемая Миндерь, вышла изъ класса, не обративъ вниманія на присѣдавшихъ дѣвочекъ.

Пять, шесть человѣкъ изъ самыхъ робкихъ бросились къ Франкъ.

— Да сознайся ты, ради Бога, вѣдь тебя Матап простить! Ну, что тебѣ стоитъ?

— Ахъ оставьте, оставьте меня!—устало твердила Франкъ; она отвернулась отъ говорившихъ и отыскала глазами Шкотъ. Та пристально и серьезно глядѣла на нее, глаза ихъ встрѣтились, но Франкъ была еще слишкомъ подавлена всѣмъ обрушившимся на нее, у нея не хватило силы ни на протестъ, ни на ласку.

Звонокъ къ ужину положилъ конецъ всѣмъ разговорамъ.

Франкъ проснулась. Дортуаръ былъ погруженъ почти въ полный мракъ, ночная лампа тускло мерцала въ одномъ углу. Формы дѣвочекъ, спавшихъ подъ свѣтлыми одѣялами черезъ три-четыре кровати, теряли свои опредѣленные очертанія и сливались въ одну бѣлесоватую туманную полосу. Изъ оконъ съ неопущенными сторами уже глядѣла чуть-чуть рѣдѣвшая мгла. Франкъ сѣла на кровати; весь протекшій день воскресъ въ ея памяти. Ужинъ, за которымъ она не дотронулась ни до чего, недружелюбное молчаніе класса, глупые отвѣты сбившейся съ толку „Чернушки“ и затѣмъ слова Шкотъ. Когда Франкъ, моясь на ночь, увидѣла Шкотъ рядомъ съ собою у крана, она только посмотрѣла на нее. Шкотъ,

не говоря ни слова, продолжала мыться; затѣмъ, вытирая уже лицо, проговорила такъ тихо, что ее могла слышать только одна Франкъ.

— Ты мнѣ скажи такъ, чтобы я могла убѣдиться, что ты говоришь правду, и я тебѣ повѣрю.

Франкъ повернулась къ ней спиной и ушла спать; *тогда* она ничего не могла сказать, но теперь ея сердце горѣло, на умъ приходили слова и фразы, полныя скорби, правды, негодованія, которые должны были бы всѣхъ убѣдить.

Какъ, она, чувствовавшая себя всегда такою сильной, вѣрившей, что правда горами двигаетъ, она поддалась, отупѣла, ее обвинили, всѣ глядѣли на нее съ презрѣніемъ, завтра отецъ Адрианъ поведетъ ее внизъ къ Матап и тамъ станетъ усовѣщевать ее, склонять къ сознанію? Франкъ бросилась въ подушку и зарыдала; худенькія плечики ея тряслись, тонкія руки съ отчаяніемъ сжимали голову... и вдругъ дѣвочкою овладѣла рѣшимость; вскочивъ съ кровати, босикомъ она бросилась на колѣни передъ маленькимъ серебрянымъ складнемъ, подареннымъ ей старухою-няней — передъ отѣздомъ въ институтъ; она въ безслезной горячей молитвѣ—стала передавать Господу свое горе, свою обиду. Изъ оконъ скользнулъ лучъ мѣсяца и освѣтилъ тоненькую фигуру дѣвушки въ грубой ночной кофточкѣ, завязанной тесемками у горла, въ ночномъ чепцѣ уродливой формы, изъ подъ котораго всюду на лобъ и щеки лѣзли волнистыя рыжія пряди — поблѣвшія губы ея шептали молитвы, глаза съ безконечной трогательной мольбой впились въ маленькій образокъ. Положивъ десять поклоновъ, дѣвочка встала, нашла свои кожаные башмаки—одѣла ихъ и отправилась къ кровати Шкотъ.

— Шкотъ? а Шкотъ? Вы спите?

Шкотъ проснулась и сѣла на кровати. Чего вамъ? Франкъ, это вы? Что вы больны?

— Шкотъ, душка, поглядите на меня. Только вы проснитесь раньше, пожалуйста, дуся, проснитесь совсѣмъ совсѣмъ—она трясла ее за руку. Проснулась? Что надо? Шкотъ, милочка, она сжала въ своихъ рукахъ ея правую руку. — Я не виновата, слышите... я вѣдь не могу другими—большими

словами такъ это сказать—не умѣю, но вы посмотрите мнѣ въ глаза — послушайте мой голосъ — вотъ руки мои, чувствуете? Да? Ну, такъ повѣрьте, Шкотъ, ахъ повѣрьте мнѣ — я не виновата! — Вѣрите?

Шкотъ совсѣмъ проснулась и глядѣла на дѣвочку, блѣдное, печальное личико которой теперь такъ ясно вырисовывалось передъ нею.—„Вѣрю!“ „Вѣрите?“—„Ахъ, Шкотъ, ахъ, дуся милая, какъ это хорошо!“ — И снова слезы крупныя, какъ дождь, бѣжали и бѣжали по ея лицу.

— Франкъ, зачѣмъ же вы...

— Не спрашивайте, Шкотъ, сама не знаю, точно кто горло сжалъ, не могу говорить да и на... Вѣдь нехорошо это, Шкотъ, нехорошо, надо же вѣрить... я говорю нѣтъ, не виновата, — не вѣрятъ, ну вотъ мнѣ и стало такъ скучно — скучно и точно я вся деревянная. Тѣ не вѣрятъ, а у меня сила ушла — не могу и убѣждать... такъ все ровно стало. — Вы понимаете, Шкотъ?

— Понимаю... ну, а теперь?..

— Теперь вотъ тихо, — ночь; луна, образокъ у меня... нянино благословеніе... вотъ я проснулась, и въ душѣ все такъ иначе... и больно и сказать хочется вамъ, вотъ я и пришла.

— Что вы спать не даете? нашли время болтать, — заговорила проснувшаяся Шемякина, чего вы, Франкъ, не спите?

— Шемякина, душечка, разбудите Бульдожку, дерните ее за одѣяло.

— Шемякина, дрянъ, чего вы съ меня одѣяло сдернули?— Бульдожка выхватила одѣяло, снова завернулась въ него калачикомъ и собиралась заснуть.

— Бульдожка, милая, послушай меня! Франкъ присѣла къ ней на кровать, Бульдожка, проснись!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... спать хочу, это свинство не давать мнѣ спать!.. я ничего не хочу знать, и Бульдожка завернулась одѣяломъ съ головой.

Франкъ вздохнула и сошла съ ея кровати. Крикъ Бульдожки разбудилъ Иванову, Евграфову, Рябову...

— Да въ чемъ дѣло, кто тутъ кричитъ? — голоса стали раздаваться со всѣхъ концовъ—сонъ отлетѣлъ изъ дортуара; нѣкоторыя дѣвочки начали вставать и переходить къ кровати Шкотъ.

Франкъ вскочила и отошла на середину дортуара.

— Медамочки, послушайте меня. Прошу васъ, всѣ, всѣ кто не спитъ.—Я не виновата, слышите?—она скрестила руки на груди, я не дѣлала этого, не писала.—Вы знаете я, вѣдь, не лгунья, я сказала все... я бѣгала къ Салоповой, я послала солдата за патокой и пеклеваннѣмъ, я мяукала котомъ, чтобы испугать Миндеръ — но я не писала „Машка-дура“ и карандаша у меня съ собой не было. Слово даю вамъ, мое самое хорошее слово, вотъ правда, правда — я не писала — она стояла и смотрѣла впередъ. Небо яснѣло, на смѣну мѣсяцу, блѣднѣвшему въ облакахъ, показались первыя блѣдныя тѣни утра; проснувшіяся дѣвочки, кто на колѣняхъ на своей кровати, кто сидя на своемъ шкапикѣ, кто стоя босикомъ въ промежуткѣ — всѣ смотрѣли на Франкъ.

— Франкъ не лжетъ,—раздался твердый голосъ Шкотъ.

— Не лжетъ! не лжетъ! вѣримъ! вѣримъ!—послышались со всѣхъ сторонъ голоса.

— Франкъ, ты милая, вдругъ вставила Бульдожка высунувшись изъ подъ одѣяла, и я вѣрю, только иди спать!

— Иду, иду, — закричала Франкъ — разжала руки и въ первый разъ со времени „скандала“ вздохнула широко всею грудью — вотъ мерси, мерси вамъ, медамочки, — теперь я пойду спать, и дѣвочка съ тихимъ смѣхомъ бросилась на кровать.

Снова весь дортуаръ погрузился въ тихій безмятежный—дѣтскій сонъ.

На другой день, когда въ классъ вошелъ отецъ Адрианъ Нотъ подошла къ нему, рассказала всю „ужасную исторію“, закончивъ ее просьбою отправиться къ Матап вмѣстѣ съ преступницей.

— Такъ какъ-же это Франкъ, оно того, будто и не подобаетъ: ожесточенность и неискренность.

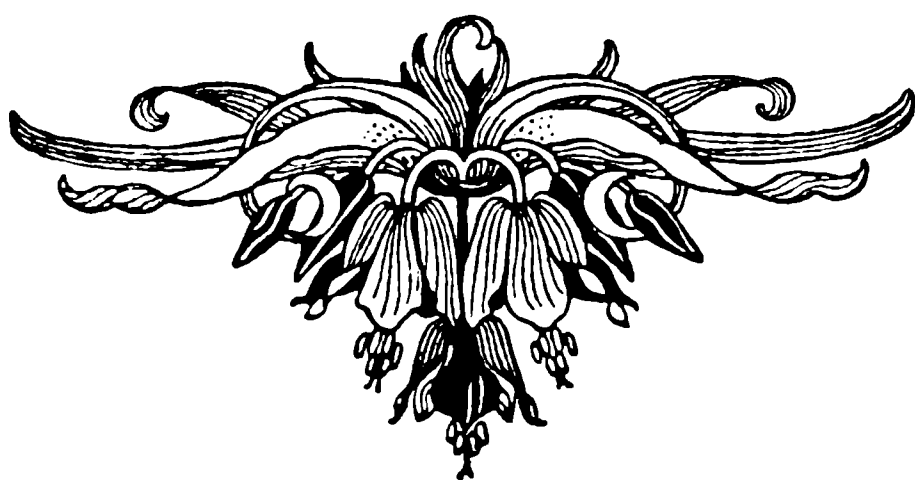
И батюшка по привычкѣ, потирая свои красивыя тонкія

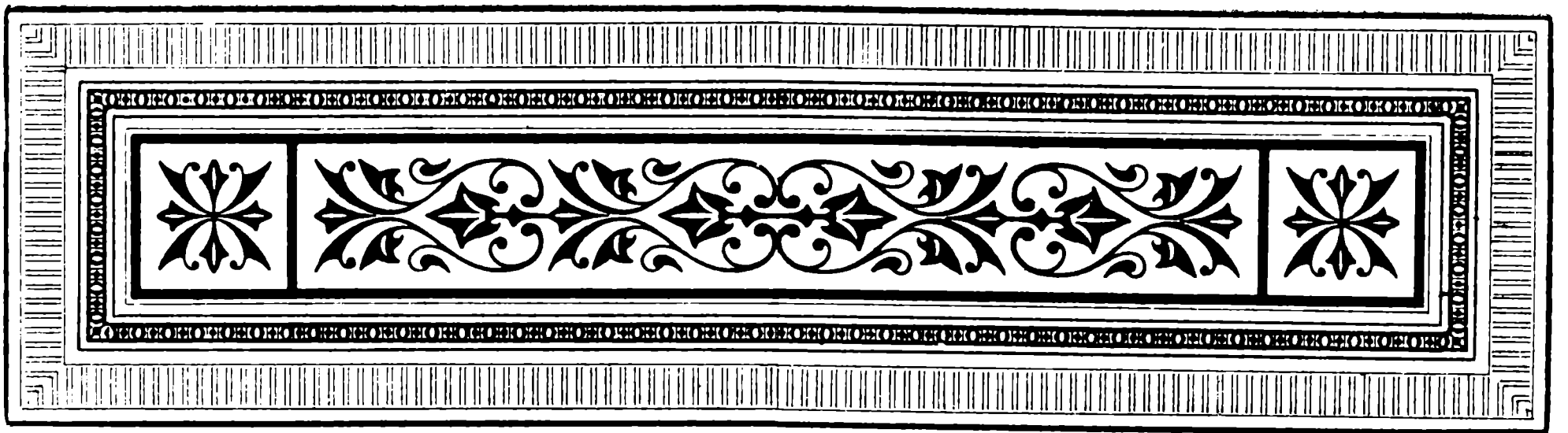
руки, добродушно уставился на виновную. Франкъ встала со скамейки и ясно, спокойно, глядя въ самые глаза священника, проговорила: „Батюшка, я вамъ не лгу, я не виновата!“ и за нею весь классъ громко, какъ одинъ человѣкъ повторилъ: „Франкъ не виновата!“

Несмотря на протестъ Нотъ, на ея увѣренья, что такъ приказала Матап, о. Адрианъ, когда шумъ нѣсколько стихъ, сошелъ съ кафедры, положилъ руку на голову Франкъ, приподнялъ къ себѣ ея личико и прямо, глядя въ глаза, еще разъ спросилъ: „Такъ не виновата!“—„Не виновата, батюшка!“ и дѣвушка безъ малѣйшаго смущенія глядѣла ему въ лицо.— Ну, значитъ, ужь я, того, отправлюсь одинъ.

Что говорилъ о. Адрианъ, осталось для всѣхъ тайной, но исторія канула въ вѣчность, Матап стала снова привѣтлива, Миндерь молчала, а классъ болѣе чѣмъ когда либо вѣрилъ въ честь своего Баярда.

Черезъ недѣлю Салопова выздоровѣла и снова, въ глазахъ дѣвочекъ, потеряла весь свой интересъ.

XI.

Великій постъ. — Салопова въ роли духовной путеводительницы. —
Ужасный сонъ Бульдожки.

Прошелъ Новый годъ съ приемомъ родныхъ и новогодними подарками, пришло Крещеніе, наканунѣ котораго Салопова въ полночь ходила какъ привидѣніе по классамъ, дортуарамъ, коридорамъ и всюду съ молитвою ставила мѣломъ кресты. Почернѣлъ снѣгъ въ старомъ саду, повѣяло весною, подъ окномъ громко зачирикали воробьи, насталь великій постъ. Старшій классъ говѣль съ особеннымъ благоговѣніемъ, почти всѣ давали какой нибудь обѣтъ и строго исполняли его. Ни ссоръ, ни шалостей не было.

Если съ горячаго сердца у которой нибудь срывалось обидное слово, — то она шла просить прощенія у обиженной, и та смиренно отвѣчала ей: „Богъ тебя проститъ“. Въ день исповѣди всѣ дѣвочки ходили торжественныя и задумчивыя.

— Душки, кто помнитъ, не совершила-ли я *какого* *особаго* грѣха за это время? — спрашивала маленькая Иванова.

— Ты на масляной объѣлась блинами... — отвѣчалъ ей изъ угла укоризненный голосъ Салоповой.

— Правда, правда! — Иванова хваталась за грудь и вытаскивала изъ-за вырѣза платья „память“, — длинную узкую бумажку, на которой отмѣчала всѣ свои грѣхи.

Дѣвочки вообще записывали передъ исповѣдью всѣ свои грѣхи на бумажку, чтобы не „утаить“ что-нибудь передъ священникомъ.

— Салопова, должна я сказать батюшкѣ, что я его „лиловымъ козломъ“ назвала, когда онъ пришелъ въ новой рясѣ? — спрашивала тихонько Евграфова.

— Должна, непременно должна, плакать и каяться надо тебѣ за твое сквернословіе.

— Салопова, поди сюда, — молила ее Бульдожка, — у меня есть секретный грѣхъ.

Салопова шла за нею за черную доску. — Душка Салопова, только мнѣ стыдно, ты никому, никому не говори.

— Все равно, Прохорова, тамъ — Салопова указала на потолокъ, — все тайное станетъ явнымъ! Лучше скажи теперь.

— Салопова, мнѣ очень стыдно, нагнись, я тебѣ скажу на ухо. — Салопова нагнулась. — Вотъ видишь-ли, — шептала Бульдожка, — я видѣла во снѣ, что я иду по лѣстницѣ въ одной юбкѣ, нижней, и босикомъ, и встрѣчаю Дютака, а онъ будто, вотъ какъ мой папа дома, въ халатѣ и туфляхъ, мнѣ такъ стало стыдно, — я отъ него, а онъ за мной, — я отъ него...

— Да дальше-то что?

— Дальше ничего, я проснулась вся въ поту и такъ мнѣ стыдно стало, ужасъ!

— У тебя все, Прохорова, шалости на умѣ, вотъ мнѣ всегда что-нибудь возвышенное снится, — а ты, въ одной юбкѣ передъ учителемъ! — Была на тебѣ кофта?

— Не помню, Салопова, но кажется, что не была... Салопова всплеснула руками.

— Безъ кофты, передъ мужчиной! Скажи непременно батюшкѣ и положи сегодня вечеромъ отъ себя двадцать поклоновъ...

Вообще, въ теченіе недѣли говѣнья, Салопова пріобрѣла вѣсь и значеніе, становилась авторитетомъ. Она знала все: какому святому молиться, отъ какихъ грѣховъ отгонять козни дьявола и къ какой категоріи принадлежитъ грѣхъ—къ легкой или тяжелой.

Наконецъ, бѣдный отецъ Адріанъ, весь красный, усталый вышелъ изъ церкви, оба кармана его рясы оттопырились, потому что въ нихъ онъ несъ грѣхи всего класса, написанные на длинныхъ листкахъ. Кромѣ устной исповѣди, дѣвочки еще трогательно просили его взять и „память“.

На 7-ой недѣлѣ Великаго Поста старшій классъ былъ занятъ „Христосными мячиками“, такъ назывались красивые шелковые шарики, которыми выпускные христосовались съ „обожаемыми“. Христосный мячикъ былъ типъ институтской игрушки,—красивъ, дорогъ и совершенно бесполезенъ, такъ какъ еслибъ ребенокъ подержалъ его въ рукахъ, или покаталъ по полу, то мячъ немедленно загрязнился-бы, замшился и потерялъ свой оригинально-нарядный видъ. Прежде всего для такого мячика нужно было достать гусиное горло, хорошо вычищенное, высушенное; въ него насыпали горохъ и затѣмъ обмотанное, сперва грубыми нитками, затѣмъ мягкой бумагой, оно внутри мячика звенѣло, какъ маленькій барабанъ. Такое горло доставали черезъ горничныхъ, и оно стоило иногда до рубля, смотря по нетерпѣнію и богатству дѣвочки. Когда мячикъ достигалъ желанной величины и безукоризненно-круглой формы, по его, такъ сказать, экватору и меридіану натыкались булавки въ равномъ разстояніи, затѣмъ между ними начинали натягивать плоскій и толстый шемахинскій шелкъ. Шелкъ натягивался линіями по задуманному рисунку; самый простой и скорый составлялъ шахматные квадратики въ два цвѣта, самый трудный, были золотисто-желтыя звѣзды по темному фону. Маша Королева была всегда особенно завалена заказами „Христосныхъ мячиковъ“. Насупивъ брови, безпрестанно высовывая языкъ то вправо, то влево, терпѣливая и аккуратная дѣвочка воспроизводила чудеса искусства. Франкъ, всегда порывистая, хваталась тоже за работу, воображеніе ея горѣло, но этотъ разъ она хотѣла

изобразить летящую комету, хвостъ которой былъ изъ огненныхъ искръ; она работала усердно вся красная, взволнованная. Фонъ у нея былъ—ночь въ грозу, для этого весь мячъ былъ покрытъ зеленовато-синимъ шелкомъ, а на немъ мѣстами выложены неправильные сѣро-черные круги. „Дождь ливмя льетъ, несутся тучи!“ мысленно декламировала себѣ дѣвочка... За ея спиною остановилась Бульдожка и выразила на лицѣ своемъ такое удивленіе, что къ ней примкнуло еще нѣсколько любопытныхъ.

— Хорошо? — спросила Франкъ, не оборачиваясь.

— Н-н-недурно, нничего — заикаясь тянула Бульдожка.

— Да ты взгляди! Вотъ видишь это... она указала пальцемъ на комету.

— Да нечего мнѣ растолковывать, сама вижу, это лиса бѣжить. Только почему это у нея изъ хвоста кровь?.. Охотника-то вѣдь нѣтъ?

— Лиса? Это лиса? — задыхаясь кричала Франкъ.

— Да и деревья у тебя странныя, — вставила другая — круглыя, сѣрыя безъ стволовъ.

— А трава синяя. Иль это вода? — спросила третья.

— Это... это... Франкъ отъ злости не находила словъ... это вы всѣ дуры, гдѣ тутъ лиса? Гдѣ деревья? Это ночь въ грозу и комета, несущаяся по небу!—За ея спиною раздался дружный хохоть. — Подвернувшаяся Иванова вдругъ выхватила изъ рукъ Франкъ мячикъ и побѣжала съ нимъ по классу.

— Смотрите, смотрите, метеоръ летитъ, комета. Франкъ погналась за Ивановой, но ей дорогу преградила высокая, неуклюжая, но чрезвычайно добрая и разумная Кадьянъ.

— Оставьте, Франкъ—она всѣмъ говорила „вы“—пусть ихъ тѣшатся, вѣдь мячикъ дѣйствительно не вышелъ, я его видѣла. Помогите-ка мнѣ лучше написать поздравительное письмо, мнѣ надо такое... чужимъ... чтобы красиво вышло.

— Сейчасъ, сейчасъ! — Франкъ въ эту минуту перехватила руку нечаянно подвернувшейся Ивановой и отняла отъ нея мячикъ. Взглянувъ на свою комету, она вдругъ сама разразилась веселымъ, звонкимъ хохотомъ.

— Бульдожка, а вѣдь ты права, это совсѣмъ, совсѣмъ лисица и изъ хвоста кровь... Кто хочетъ кругляшъ съ горломъ? Кто хочетъ?

— Я, я, я, я!—послышалось со всѣхъ сторонъ. Мячикъ полетѣлъ вверхъ, его кто-то подхватилъ и принялся раскутывать шелкъ, не выполнившій своей поэтической задачи.

Яйца дѣвочки сами не красили, вообще всякая „пачкотня“ была имъ строго запрещена, но онѣ все-таки умудрялись доставать чистыхъ яицъ, сваренныхъ въ крутую, и Женя Терентьева, лѣпившая и рисовавшая съ дѣйствительнымъ талантомъ, дѣлала для своихъ друзей рельефныя картинки. Рисунокъ накладывался на яйцо изъ тѣста, а затѣмъ разрисовывался красками.

Въ страстную субботу, всѣмъ дѣвочкамъ, имѣвшимъ родныхъ, прислали изъ дома по цѣлой корзинѣ провизіи. Количество въ этихъ случаяхъ играло большую роль, — тутъ были всегда: куличъ, пасха, яйца, фрукты, конфеты и т. д. Всѣ раздѣлялись на группы, чтобы разговѣться посвоему съ друзьями, и между ними изъ всего присланнаго дѣлалась складчина.

Передъ заутреней всѣ снова просили другъ у друга прощенія, умиленные, кроткія, очень голодныя, такъ какъ постились не въ шутку, а по всѣмъ правиламъ весьма не изысканныхъ и не обильныхъ постныхъ обѣдовъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ благовѣста къ заутрени; праздничныя платья, тонкіе передники, пелерины и рукава, тщательно гладкопричесанныя волосы, придавали всѣмъ милый, нарядный видъ. Въ пасхальную ночь, старшимъ дозволялось не ложиться; вернувшись отъ вечерняго чая, онѣ сидѣли группами, расхаживали по коридору, и безпрестанно котораянибудь сбѣгала внизъ по парадной лѣстницѣ, и приносила извѣстія—о томъ, который часъ, и пришелъ ли въ церковь кто-нибудь изъ причта.

— Душки, вѣдь это наша послѣдняя Пасха въ институтѣ, — сказала „Пышка“, подходя къ цѣлой группѣ, сидѣвшей у лампы на сдвинутыхъ вокругъ табуретахъ.

— Что-то Лосева подѣлываетъ? — вздохнула Вихорева, бывшая особенно дружна съ нею.

— Кто послѣдній писалъ ей? — спросила Екимова.

— Очередная Салопова.

— Салопова! Салопова! — закричали изъ кружка.

— Да она же не говоритъ, — отвѣчала за нее Иванова — вѣдь она со страстного четверга ничего не ѣстъ, и ни съ кѣмъ не разговариваетъ.

— А знаете-ли, медапочки, можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ святая!

— Ну да, святая! Отчего-же она чудесъ не дѣлаетъ?

— Тсъ, тсъ, что вы такой грѣхъ говорите! Вотъ нашли разговоръ для страстной субботы.

— А у кого корзина для Грини?

— У Екимовой! и десять голосовъ закричали сразу — Екимова! Екимова! — другія бросились къ ней, прося показать имъ корзину. А корзина была дѣйствительно чудомъ искусства: простая, лучинная, она была обтянута голубымъ и розовымъ коленкоромъ; внутри лежала бѣлая, вышитая рубашечка, русская, съ косымъ воротомъ, черные бархатные панталочки, расшитый шелками поясокъ, а затѣмъ пестрый, шелковый Христосный мячикъ — „писанка“ работы Терентьевой и масса разныхъ „штучекъ“, все это было сработано, пожертвовано „тетями“, державшими до сихъ поръ свой обѣтъ, данный Лосевой. На завтра въ первый день праздника, всѣ ждали своего пріемнаго сына. Лосева, поддерживаемая всѣмъ классомъ, письмами, совѣтами, ласками воспитывала своего братишку и справлялась дома съ хозяйствомъ какъ настоящая мамаша.

— А знаете-ли что, медапочки? Вѣдь мы встрѣчаемъ славную Пасху. Иванова, запиши-ка въ свою хронологію нынѣшній годъ; въ немъ была большая междоусобная война, выигранная рыжимъ полководцемъ, и одинъ мирный договоръ двухъ враждующихъ партій.

— Ты, Терентьева, вѣрно, опять что-нибудь путаешь, я ничего подобнаго не знаю!

— Да ты подумай, Иванова, подумай!

— И думать не хочу, все это глупости! Да у васъ и нѣтъ такой новой хронологіи.

— Да ты это о чемъ?—пристали къ Терентьевой другія.

— Я говорю о побѣдѣ Франкъ надъ вами въ исторіи съ Метлой и о примиреніи нашего класса съ Нотъ.

— А знаешь-ли, Терентьева,—Франкъ задумчиво посмотрѣла на запертую дверь комнаты классной дамы,—я ужасно рада, что мы съ ней примирились, докторъ говорилъ нашимъ, которыя были въ лазаретѣ, что она не долго проживетъ.

— Да что ты, Франкъ!—дѣвочки приблизились къ ней.

— Вѣрно. Онъ говоритъ, что у нея чахотка, и что только полное спокойствіе, дастъ ей небольшое облегченіе, такъ и слава Богу, что теперь ея никто не дразнитъ и не изводитъ. Въ это время дверь комнаты Нотъ открылась и она сама появилась въ новомъ синемъ шелковомъ платьѣ и бѣлой кружевной наколкѣ.

— Rengez vous, reengez vous, mesdemoiselles — à l'église! à l'église!

Первый звонъ жиденъкаго, но звучнаго колокола домашней институтской церкви послалъ свое эхо по всѣмъ коридорамъ и спальнямъ. Дѣвочки повскакали съ мѣстъ, взволнованныя, но серьезныя, спѣшно строились парами, и вскорѣ весь институтъ стоялъ въ домовой церкви.

— Я особенно, особенно люблю вотъ эту минуту—шептала Русалочка, прижимаясь къ Франкъ,—когда обойдя весь средній коридоръ „искавшія Христа“ остановились на паперти передъ церковными дверями,—я вѣрю въ чудо, и всякій разъ когда услышу „Христось Воскресе“, мнѣ такъ страшно и такъ радостно, точно вотъ - вотъ между нами явится воскресшій Христось. Франкъ тихонько пожала холодные, дрожащіе пальчики Русалки. Когда хоръ грянулъ „Христось Воскресе“, онѣ первыя поцѣловались, и у впечатлительной, нервной Русалочки слезы текли по щекамъ.

— Ахъ, душка, ахъ, душка — шептала она — когда я подумаю, что скоро выпускъ, и я снова увижу „свой“ Кавказъ, я готова плакать и смѣяться. Господи, какъ хорошо!

Изъ церкви старшія, уже не соблюдая паръ, здороваясь съ встрѣчными, христосуясь, бѣжали въ столовую, тамъ ожи-

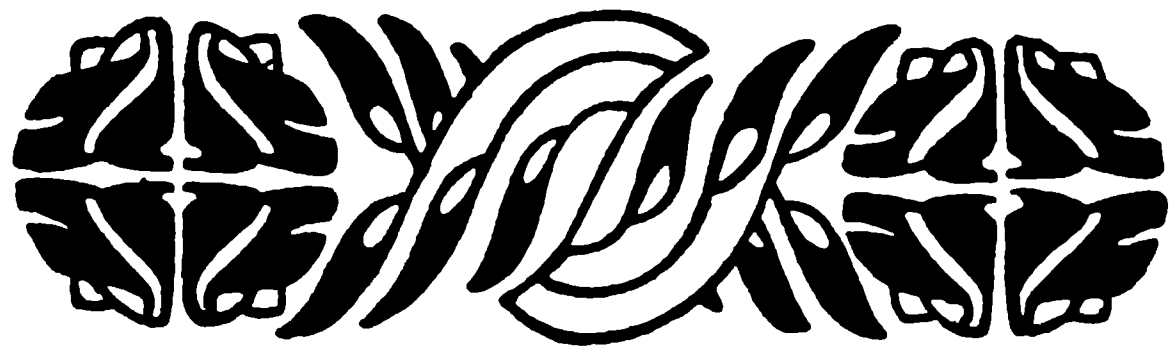
далъ ихъ чай, казенный куличъ, пасха и яйца; каждая знала, что тамъ въ дортуарѣ, начнется настоящее разговѣнье вкусными, домашними присылками, но тѣмъ не менѣе голодъ бралъ свое, всѣ ѣли и находили все вкуснымъ.

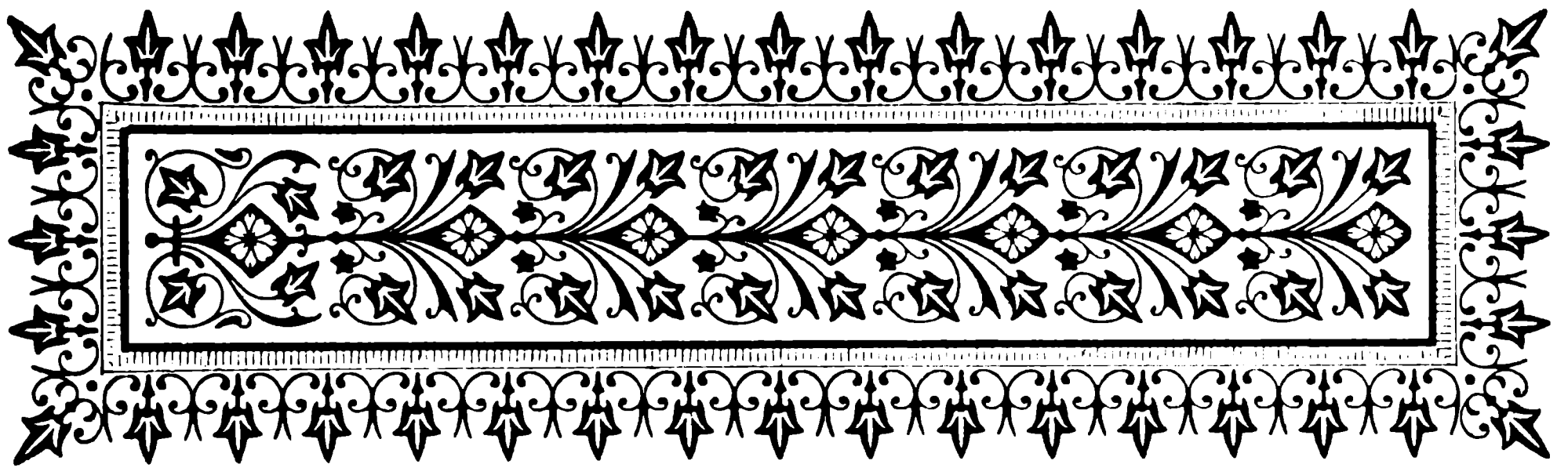
— М-еиг Минаевъ! Христось Воскресе!— и Надя Франкъ, подкарауливъ инспектора на парадной лѣстницѣ, присѣла передъ нимъ, подавая христовый мячикъ.

Инспекторъ, одѣтый, по случаю перваго дня праздника, въ вицмундиръ, съ комическимъ недоумѣніемъ держалъ въ рукахъ христовый мячикъ, не зная буквально, куда теперь его спрятать.

— Это ваша работа? Вы такая руководѣльница? Прелестно!

Франкъ молчала, краснѣла и снова присѣдала, не имѣя силъ признаться, что она вымѣняла у „Пышки“ этотъ мячикъ на два апельсина и порцію сладкаго пирога.

ХІІ.

Черченіе картъ.—Послѣднее слово учителей.—Первые туалеты.—Публичный экзамень.—Обѣдъ выпускныхъ.

Послѣ Пасхи въ старшемъ классѣ принялись чертить карты. Это было дѣло серьезное и поручалось оно „людямъ свѣдущимъ“. Чтобы хорошо вычертить карту на черной классной доскѣ, надо было обладать многими побочными знаніями, не имѣющими ничего общаго съ географіей. Каждую карту чертилъ „мастеръ“ при помощи двухъ „подмастерьевъ“. Тяжелую доску снимали съ мольберта, клали на стулья и губками мыли теплой водой съ мыломъ, затѣмъ, давъ ей просохнуть, обливали ее сахарной водой, отчего она дѣлалась блестящей. Затѣмъ „мастеръ“ распредѣлялъ географическую сѣтку и ставилъ градусы долготы и широты, а „подмастерьи“ толкли мѣлъ и разводили его молокомъ, при чемъ получалось мѣсиво, густоты манной каши.

„Мастеръ“ чертилъ тонкимъ мѣломъ контуры карты, „подмастерьи“ съ помощью кисти обводили ихъ, тщательно повторяя всѣ извилины толстымъ слоемъ мѣловой каши; затѣмъ рисовались рѣчки и снова обводились, тонко у истока

и толсто въ устьяхъ, причемъ въ кашлицу для рѣкъ подмѣшивалась берлинская лазурь, потомъ города, обозначаемые крупными, красными лепешками. Горы чертились особенно бугристо, съ развѣтвленіями, вродѣ елочки. Карта получалась цвѣтная, оригинальная и на первый взглядъ красивая. Такъ приготовлялось 5 частей свѣта и шестая, Россія, съ раздѣленіями по губерніямъ; тутъ царствовала пестрота невообразимая, такъ какъ каждая губернія имѣла свою краску. Цѣлый день по всему институту гремѣли инструменты, въ каждый часъ дня репетировались пьесы для экзамена. По вечерамъ въ учительской спѣвались хоры. Поповъ надрывался изъ-за декламации съ завываніями на всѣ лады. Лафосъ бѣгалъ по классу и шипѣлъ про себя: „sacristi-pristi...“, слушая, какъ дѣвочки перевирали Рассина и Корнея. Звѣревъ бранился больше прежняго.

— Ну, чего вы, какъ угорѣлая кошка „мечетесь“, — говорилъ онъ Екимовой, когда та бѣгала палочкой по картѣ, отыскивая „стольные“ города.

— Въ рекреационной залѣ раздавались по цѣлымъ часамъ: „un, deux, trois, un, deux, trois, saluez, trois pas en arrièrе, trois pas en avant!“ Тамъ учили дѣвочекъ стоять, сидѣть, подходить къ столу, брать билеты и уходить. Ни на одинъ любительскій спектакль не дѣлается столько репетицій, какъ ихъ дѣлали тутъ, за-долго передъ публичнымъ экзаменомъ. По вечерамъ весь институтъ выводили въ коридоръ и парадную лѣстницу и тамъ разставляли всѣ классы по очереди; на каждой ступенькѣ отъ швейцарской по второму этажу и до самой залы стояло по двѣ воспитанницы. Корова бѣгала назадъ и впередъ, равняла дѣвочекъ, сходила внизъ и снова поднималась наверхъ, изображая изъ себя высокопоставленную особу; она хлопала въ ладоши на тѣхъ ступеняхъ, когда пора было дѣвочкамъ присѣдать и тѣ опускались, низко, низко, съ ровнымъ жужжаніемъ: „Nous avons l'honneur de vous saluer...“ и т. д.

Одинъ Степановъ смѣялся надо всѣмъ, вель классъ какъ всегда и самымъ слабымъ грозилъ: — Вотъ честное слово, именно васъ-то и вызову!

— Не вызовете, Павелъ Ивановичъ, вѣдь вамъ же стыдно будетъ!

— Какъ мнѣ? Какъ мнѣ? Я добросовѣстно занимался, а вотъ на васъ такъ всѣ ассистенты ахнутъ; я имъ такъ и скажу: вотъ поглядите—чудо-дѣвица, три года умудрилась слушать курсъ и не запомнить изъ него ни слова.

Лѣнивыя трусили; онѣ считали его способнымъ на такую выходку.

Съ Русалочкой у Степанова завязались самыя дружескія отношенія; онъ, видаясь съ дѣвочками по нѣскольку часовъ въ недѣлю, подмѣтилъ и угадалъ то, чего не видали классныя дамы, не разлучавшіяся съ дѣтьми, такъ сказать, ни день, ни ночь. Онъ обрывалъ Чиркову, выставлялъ на показъ ея невѣжество, ея черствость и эгоизмъ, говорилъ съ презрѣніемъ о дружбѣ, которая порабощаетъ и развращаетъ; фразы его были всегда безукоризненно приличны, но мѣтки и злы, какъ удары хлыста. Русалочку онъ, напротивъ, поддерживалъ, умѣлъ возбудить въ ней самолюбіе, онъ ласково глядѣлъ ей въ глаза, смѣшилъ ее, давалъ ей массу порученій, спрашивалъ каждый классъ, чѣмъ заставлялъ учиться и дѣвочка подъ его вліяніемъ выправлялась, расцвѣтала и крѣпла.

Весь классъ безъ словъ понималъ и одобрялъ поведеніе Степанова.

Наконецъ занятія въ первомъ классѣ кончились, вывѣсили расписаніе экзаменовъ, и дѣвочкамъ дали свободу, назначивъ для приготовленія къ каждому экзамену извѣстное количество дней. Учителя прощались на послѣдней лекціи, въ которой каждый какъ-бы резюмировалъ занятія цѣлаго года и говорилъ послѣднее напутственное слово. Всѣ рѣчи были напыщенны, шаблонны, только Звѣревъ сказалъ правду: „Учили вы почти всѣ скверно, и это стыдно, потому что я преподавалъ вамъ вашу *отечественную* исторію; часто я былъ раздражителенъ и золъ, но вы могли и ангела вывести изъ себя. Спасибо Франкъ, Вихоревой, Назаровой, Быстровой: эти были добросовѣстны. А впрочемъ, для жизни вамъ хватитъ и тѣхъ верхушекъ свѣдѣній, которыхъ вы нахватались“.

Степановъ взошелъ въ послѣдній разъ на кафедру и когда всѣ утихли, началъ такъ:

„О вы, чувствительныя души,
„Разиньте рты, развѣсьте уши“...

Весь классъ покотился со смѣху.

— А затѣмъ... — заговорилъ онъ серьезно, переждавъ смѣхъ, — прощайте, мои большія-маленькія дѣвочки; жилъ я съ вами ладно и занятіями вашими я, за исключеніемъ нѣсколькихъ, доволенъ. Идите въ жизнь смѣло и помните одно:— Майковъ сказалъ: „Гдѣ два есть только человѣка, тамъ два есть взгляда на предметъ“. А я вамъ скажу—есть предметы, на которые у всѣхъ можетъ быть только одинъ взглядъ, одинъ и абсолютный, это на все, что касается чести и нравственности; въ этихъ случаяхъ не торгуйтесь съ собою, не спрашивайте ничьего вниманія, не затемняйте себя никакими разсужденіями; прямо спросите свою совѣсть, честно это или нѣтъ? И каждая изъ васъ найдетъ въ себѣ отвѣтъ, поступайте согласно этому отвѣту. Ну, прощайте, дай вамъ Богъ всего хорошаго, не поминайте лихомъ своего учителя!

Степановъ смахнулъ дѣйствительную теплую слезу и вышелъ изъ класса.

Наконецъ начались экзамены и рутинно, благополучно шли одинъ за другимъ. Выпускныя были теперь почти безъ надзора. Онѣ, въ предѣлахъ института, были свободны, ходили безъ спроса въ дортуары, лежали днемъ на кроватяхъ съ книжкою, уходили учиться въ скелетную, въ рекреационный залъ и, занятая, уже болѣе не придумывали никакихъ шалостей. Приготовлялись дѣвочки большею частью по-двое, одна читаетъ, другая слушаетъ. По какому-то молчаливому соглашенію было принято, чтобы хорошая ученица брала себѣ въ пару слабую и такимъ образомъ неволью подгоняла ее.

Въ швейцарскую то и дѣло являлись маменьки, въ сопровожденіи портнихъ и модистокъ. По лѣстницамъ проносили узлы и картоны. Дѣвочки, въ минуту роздыха, собравшись цѣлой гурьбой, разсматривали модныя картинки, выби-

рали матеріи изъ кучи нанесенныхъ имъ образчиковъ. Когда звали одну къ примѣркѣ, за нею бѣжалъ чуть-ли не весь классъ. По стѣнамъ въ дортуарахъ, на наскоро вбитыхъ гвоздяхъ, появились пышныя, бѣлыя юбки съ оборками и кружевами. Многія уже носили свое бѣлье, спали въ тонкихъ шитыхъ кофточкахъ, но главный восторгъ дѣвочекъ возбуждали цвѣтные чулки. Желтыя, черныя, красныя, синія ножки бѣгали по вечерамъ въ дортуарѣ, стройныя пестрыя ножки прыгали на табуреты, влѣзали на шкапики.

Различіе бѣдныхъ и богатыхъ при выпускѣ, какъ и при приѣмѣ родственниковъ, выдѣлялось мало. Выпускныя платья у всѣхъ были одинаковы, бѣлыя кисейныя или тюлевыя, воздушныя, съ одинаковыми широкими, голубыми кушаками. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ такомъ платьѣ дѣвушка могла еще появиться на любомъ балу. Визитныя платья были разныя, но качество матеріи, кружева, отдѣлки, еще не имѣли значенія для неопытныхъ институтокъ, а потому каждой нравилось свое, выбранное по собственному вкусу. Затѣмъ слѣдовало третье, повседневное платье, и выпускной гардеробъ большею частью кончался этимъ. Остальные наряды предполагалось уже шить дома. Корсетница, M-elle Emille, готовляла для всего класса корсеты по 6 р. за штуку. Шляпки „выпускныя“ опять таки были бѣлыя и очень сходныя по фасону.

Баронесса Франкъ появилась тоже въ дортуарѣ. Надѣшили очень хорошенькій гардеробъ, потому что Андрюша отдалъ на это всѣ свои скопленные гроши. Онъ бѣгалъ самъ къ модисткѣ, самъ приходилъ примѣрять сестрѣ ботинки и перчатки, самъ выбиралъ ей шляпу. Ему хотѣлось получить своего Рыжика нарядную, какъ куколку. Въ маленькой квартиркѣ матери, состоявшей всего изъ трехъ комнатъ, онъ таки ухитрился отнять у столовой уголокъ и устраивалъ тамъ для Рыжика кунтскамеру изъ „штучекъ“.

Баронесса была хронически печальна и обижена: разъ что у нея не было ни экипажа, ни лакеевъ, то свѣтъ, конечно, стоялъ неправильно, и ничего въ немъ хорошаго не было. Она всегда была въ черномъ, шею ея и голову всегда

окутывалъ черный шарфъ крепъ-де-шинъ, на платьяхъ ея были остатки дорогихъ кружевъ, и потому высокая, съ гладко-зачесаннымъ еще чернымъ бандо волосъ, укутанная, она казалась элегантною аристократкой. Пальцы на рукахъ у нея были желтые и длинные, глаза полузакрытые, губы блѣдныя, говорила она всегда по-французски, и на Надю производила подавляющее впечатлѣніе; ей всегда было и жалко и страшно маму.

Екимова и Аистова оставались пепиньерками; имъ шили бѣлье, корсетъ и выпускное платье отъ казны въ счетъ будущаго жалованья и все дѣлали такъ-же, какъ у другихъ. Обѣ дѣвочки не имѣли родныхъ, а потому не скучали своею переменой, а напротивъ радовались той относительной свободѣ и авторитету, который онѣ пріобрѣтали, поступая въ пепиньерки. Салопова уѣзжала прямо въ монастырь въ Новгородскую губернію, гдѣ у нея какая-то дальняя тетка была настоятельницей. Еще двѣ уѣзжали въ гувернантки. Къ каждому выпуску въ канцелярію института приходили письма съ требованіемъ гувернантокъ. Начальство вступало въ переписку, выговаривало жалованье, получало задатокъ, на который справляло первый необходимѣйшій туалетъ дѣвочки и ея отъѣздъ.

Наступилъ страшный и желанный часъ. Встали дѣвочки въ утро своего послѣдняго институтскаго дня и въ послѣдній разъ надѣли казенныя праздничныя платья, тонкіе передники, рукава, пелеринки, причесались особенно тщательно; послѣдній разъ пошли онѣ на общую утреннюю молитву, въ столовую и оттуда, еле напившись чаю, бросились въ классы въ большой залъ, гдѣ все было приготовлено къ послѣдному акту институтской жизни.

Отъ входной двери вдоль залы былъ оставленъ широкій проходъ, устланный мягкимъ, краснымъ ковромъ. Направо и налѣво крыломъ шли по семи рядовъ красныхъ бархатныхъ креселъ. Въ первомъ ряду посреди cadaго крыла стояло одно золоченое кресло, выдвинутое нѣсколько впередъ. Передъ первымъ рядомъ столикъ съ программами и золоторѣзными билетами. Направо и налѣво по два мольберта, и на

нихъ большія, черныя доски съ географическими картами. Затѣмъ лицомъ къ кресламъ, такими же двумя крылами, съ проходомъ посреди, стояли стулья для экзаменующихся дѣвочекъ, а глубже скамейки для второго класса и разныхъ лицъ, которымъ дозволялось присутствовать при публичномъ экзаменѣ выпускныхъ. Натертый, какъ зеркало, паркетъ зала, большіе портреты въ золоченыхъ рамахъ, столы, вдоль боковыхъ стѣнъ, убранные розовымъ коленкоромъ, съ разложенными на нихъ работами и картинами „кисти институтокъ“, все придавало торжественный видъ громадной комнатѣ. А въ окна глядѣло уже яркое майское солнце, мелькала тѣнь проносившихся птицъ; тамъ, въ глубинѣ старый садъ трепеталъ распускающимися почками липъ и березъ, и жизнь звала дѣвушекъ и обольщала ихъ своими весенними чарами... Залъ наполнился классными дамами въ шелковыхъ синихъ платьяхъ, забѣгали перетянутыя стрекозы, появились учителя въ мундирахъ съ узенькими фалдочками и трехъуголкой подъ мышкой; на ходу они безпрестанно поправляли тонкую, форменную шпаженку, бившую ихъ по ногамъ.

Раздался густой звонокъ. Дѣвочки, не становясь въ пары, гурьбой понеслись на лѣстницу, и каждая заняла давно и хорошо извѣстное ей мѣсто. Отъ самой швейцарской, по обѣ стороны нижняго коридора и по всему среднему классному коридору вплоть до актового зала, стояли двѣ живыя стѣны институтокъ, и каждая изъ нихъ въ душѣ повторяла отвѣтъ, по-французски и по-нѣмецки, на три традиціонныхъ вопроса: который вамъ годъ? Въ какомъ вы классѣ? Кто вашъ отецъ?

Всѣ взоры были устремлены въ широкія стеклянныя двери швейцарской. Швейцаръ Яковъ въ парадной красной ливреѣ съ орлами, въ трехъугольной шляпѣ, съ громадной золоченой булавой, стоялъ въ наружныхъ открытыхъ дверяхъ.

Въ самой швейцарской, у вѣшалокъ, размѣстился цѣлый отрядъ старыхъ, увѣшанныхъ крестами, гвардейцевъ. На площадкѣ, у самыхъ дверей въ швейцарскую стояли: инспекторъ, Корова и учителя. Классныя дамы и пепиньерки стерегли каждая свой классъ.

Матап сидѣла у себя, у ея двери стояла дѣвушка Наташа, готовая бѣжать за нею по первому звонку.

Яковъ ударилъ разъ булавою: къ подъѣзду подкатила карета; изъ нея вышелъ худенькій старичекъ и сталъ сейчасъ сморкаться и кашлять передъ носомъ невозмутимаго Якова, затѣмъ прошелъ въ открывшуюся передъ нимъ дверь швейцарской. Ближайшій солдатъ снялъ съ него пальто и старичекъ оказался въ зеленомъ фракѣ, маленькій, съ большою звѣздою на груди. Старичка привели прямо къ Матап. Карета подъѣзжала за каретой, выходили ордена, ленты, выплывали шлейфы и перья, и все это направлялось въ пріемную Матап.

Яковъ стукнулъ три раза булавою, и все колыхнулось, зашумѣло, какъ рожь въ полѣ подъ напоромъ набѣгавшаго вѣтра, и затѣмъ вдругъ все замерло, зацѣпенѣло. Дверь отъ Матап „открылась“, Матап появилась вся въ пятнахъ отъ волненія, въ шумящемъ синемъ шелковомъ платьѣ, бѣлой кружевной мантильѣ и въ воздушномъ тюлевомъ чепцѣ съ бѣлыми-же лентами. Высокіе посѣтители вошли въ швейцарскую и черезъ настѣжъ распахнутыя двери вступили на первую площадку.

Послѣ привѣтствій и обмѣна словъ съ Матап и другими, вся толпа гостей, во главѣ съ высокими особами, двинулись къ лѣстницѣ. Ряды безукоризненно подъ ростъ подобранныхъ дѣвочекъ присѣдали низко, плавно, съ гармоничнымъ жужжаніемъ: *Nous avons l'honneur...* По мѣрѣ того, какъ поднимались гости, присѣдали бѣлые переднички, и сіяющіе счастьемъ глазки дѣтей провожали рѣдкихъ гостей.

За главною группою шли инспекторъ, учителя, Корова, а за ними двинулся и хвостъ процессіи—два старшихъ класса, стоявшихъ на самомъ низу.

Всѣ пошли въ залъ, и двери закрылись. Хоръ свѣжихъ голосовъ пропѣлъ гимнъ, затѣмъ молитву, и всѣ сѣли.

Первый экзаменовалъ батюшка. Красивый, высокій, въ новой шелковой рясѣ, онъ всталъ направо, налѣво помѣстился инспекторъ. Вызвали 5 ученицъ. (На публичномъ экзаменѣ изъ cadaго предмета вызывали по 5). Названные выходили

и ровно, глубоко присѣдали, потомъ подходили къ экзаменаціонному столу, брали билеты, отступали три шага отъ стола и снова такъ же глубоко присѣдали.

Первою экзаменовалась Салопова. Подмигивая своими добродушными, подслѣповатыми глазами, она безъ запинки отвѣчала на всѣ трудные вопросы катехизиса, наизусть, въ какомъ-то экстазѣ, декламировала псалмы Давидовы и отвѣчала съ такимъ полнымъ знаніемъ всѣхъ текстовъ, что высокопоставленное духовное лицо, слушавшее ее, пришло въ восторгъ. „По истинѣ, умилительно слушать эту отроковицу“—сказало оно.

За Салоповой шла Назарова; она рассказала о „лѣстницѣ Іакова“ и о чудѣ съ пестрыми и бѣлыми ягнятами, и наконецъ, маленькая Иванова такъ наивно и трогательно передала исторію Іосифа, проданнаго братьями, что зелененькій старичекъ со звѣздою даже прослезился.

Вторымъ предметомъ была педагогика и диктатика. Вышелъ Николай Минаевъ и вызвалъ пять ученицъ.

Высокая, стройная и спокойная Екимова взяла первый билетъ.

— Важнѣйшія науки воспитанія суть дидактика и педагогика,—начала она.—Педагогика есть новѣйшая наука, основанная на наблюденіяхъ и запискахъ лучшихъ воспитателей, людей всецѣло посвятившихъ себя этому святому дѣлу. Педагогика учитъ правильно распредѣлять и направлять какъ физическія, такъ и нравственныя способности ребенка...

— А дидактика?—спросилъ ее старый, важный генераль, не въ шутку заинтересовавшійся такими мудреными по тому времени науками.

— Дидактика есть наука обученія, т. е. подготовленія умственныхъ силъ къ воспріятію научнаго обученія...

— Прекрасно,—отозвался снова генераль.—Весьма пріятно слышать, что въ институтѣ проходятъ такія важныя науки.

Минаевъ снова сдѣлалъ шагъ впередъ: „Это науки, введенныя въ преподаваніе только въ этомъ году, въ виду того, что многимъ, какъ именно и отвѣчающей дѣвицѣ Екимовой, доводится быть въ свою очередь воспитательницей“...

Третьимъ предметомъ была русская исторія. Вышелъ Звѣревъ и вызвалъ Франкъ, Бурцеву и др. Франкъ подошла съ бьющимся сердцемъ.— „Все-все, что хотите, повторяла она въ душѣ, только не хронологію“. Билетъ былъ трудный: „Удѣльные княжества“, но дѣвочка вздохнула свободно... справимся!.. Она взяла мѣлъ, подошла къ „пустой“ черной доскѣ, смѣло нарисовала на ней фантастическое дерево, „положила“ въ его корнѣ Ярослава, затѣмъ на каждую вѣтвь повѣсила, какъ яблоки, его сыновей и внуковъ и пошла распредѣлять ихъ по всей тогдашней Руси.

— *Charmant, charmant*,—кивала головою дама съ перьями.

За Франкъ Бурцева, открывъ свои большіе синіе глаза, подкупая всѣхъ своею хорошенькой поэтичной головкой, рассказала объ отечественной войнѣ.

— Москва пылала, пылали храмы Божьи, оскверненные непріателемъ, и врагъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ голодомъ и холодомъ отступилъ и бѣжалъ...—и щеки нервной дѣвочки пылали тоже, и голосъ ея звенѣлъ.

— *Charmante enfant*,—сказала объ ней въ полголоса высокая покровительница института и сдѣлала ей знакъ. Бурцева, обезумѣвшая отъ счастья, какъ во снѣ сдѣлала нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ ее отъ золоченаго кресла, опустилась на колѣни и съ восторгомъ поцѣловала протянутую руку.

Такъ шли предметъ за предметомъ, смѣнялись учителя, чередовались дѣвочки и, наконецъ, экзамень по научнымъ предметамъ кончился. Посѣтители встали и вышли въ сосѣдній классъ, гдѣ имъ былъ приготовленъ роскошный завтракъ. Дѣвочкамъ былъ принесенъ на подносахъ бульонъ въ кружкахъ и пирожки съ говядиной.

Послѣ получасоваго перерыва всѣ снова заняли свои мѣста. Началась музыка. Играли на шести рояляхъ, пѣли, декламировали. Затѣмъ преподносили свои работы и показывали свои картины. Наконецъ были розданы медали, похвальные листы и аттестаты — и высокіе гости уѣхали. Дѣвочки провожали ихъ бѣгомъ, въ рассыпную, до швейцарской, ворвались въ самую швейцарскую и остановились въ палисадникѣ, ослѣпленные солнцемъ, охваченные живительнымъ весеннимъ воздухомъ. Свободой, жизнью пахнуло имъ въ лицо...

Е. Д. МОКИШЪ БУДКОВИЦАЯ

„Обѣдать! обѣдать! выпускныя, обѣдать!“ — классныя дамы и пепиньерки бѣгали и собирали разсыпавшихся по всему институту выпускныхъ. „Обѣдать! обѣдать“ — кричали, бѣгая всюду, и второклассныя. Выпускныя сгруппировались и бѣжали по лѣстницѣ внизъ.

Обѣдъ для нихъ былъ сервированъ въ нижнихъ приемныхъ въ отдѣленіи Матап. На столахъ были вина и фрукты, прислуживали лакеи; въ ближайшей комнатѣ игралъ хоръ военныхъ музыкантовъ, присланный, какъ оказалось, генераломъ Чирковымъ. Обѣ классныя дамы, Гилле и Нотъ, обѣдали въ отдѣльной комнатѣ у Матап, съ дѣвочками-же обѣдали учителя и пепиньерки. Всѣ сѣли, кто гдѣ хотѣлъ. Дисциплины не было никакой, дѣвочки безпрестанно вскакивали изъ-за стола и передавали тарелки, до верху наложенныя кушаньями, второклассницамъ, стоявшимъ въ коридорахъ.

Въ концѣ большого стола было особенно оживлено, тамъ сѣли: Степановъ, Франкъ, Русалочка, веселая, здоровая съ тѣхъ поръ, какъ съ Кавказа за ней пріѣхала ея мать, Шкотъ, Чернушка, Поповъ, Евграфова, Звѣревъ. Тутъ говорились даже рѣчи, стихи, тутъ чокались отъ души.

— Русалочка, я къ вамъ пріѣду на Кавказъ,—говорилъ Степановъ, — примете вы меня?

— Приму, приму, Павелъ Ивановичъ, я уже мамѣ говорила, что я васъ ужасно люблю!

— Русалочка, можно-ли такимъ маленькимъ ротикомъ говорить такія большія слова!

— Я говорю правду, спросите маму, когда она завтра пріѣдетъ за мною.

— Я пріѣду черезъ годъ васъ самихъ спросить объ этомъ, Русалочка, и тогда, если вы подтвердите,—повѣрю.

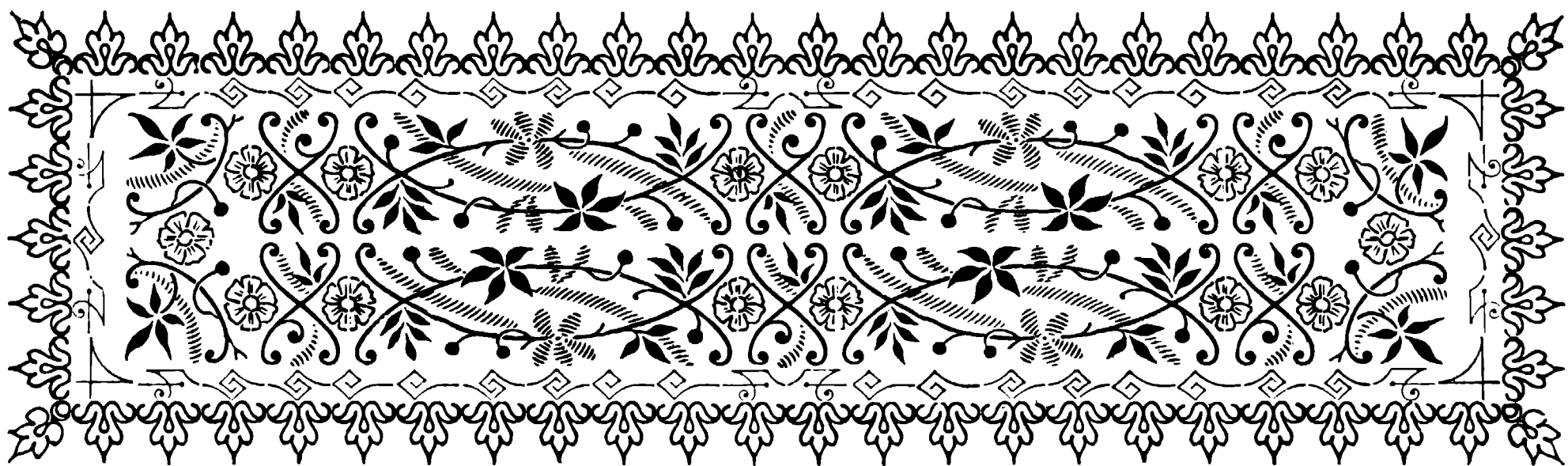
— Хорошо, будьте всѣ свидѣтелями, черезъ годъ, весной, я жду къ себѣ Павла Ивановича. Запишите мой адресъ!

— Хорошо, а вы завяжите узелокъ на носовомъ платкѣ, чтобъ не забыть меня до тѣхъ поръ.

— Да у меня платокъ казенный, вѣдь я его должна отдать, — наивно объясняла Бурцева.

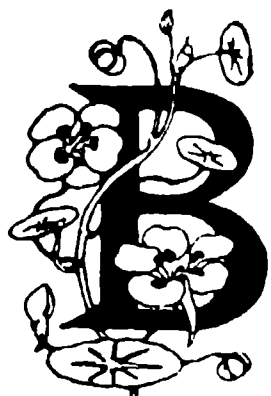

XIII.

Послѣдняя ночь въ институтѣ. — Въ широкой свѣтъ.

Въ ту ночь въ дортуарѣ не спалъ никто. Дѣвочки группами или попарно сидѣли на своихъ кроватяхъ. Онѣ открыли окна. Май смотрѣлъ къ нимъ изъ стараго сада и дышалъ на нихъ весеннимъ тепломъ. Надъ огородомъ стояла первая бѣлая ночь. Старый садъ покрылся нѣжной листвою, какъ зеленоватою дымкою. Рѣдкая ажурная тѣнь кустовъ и деревьевъ переходила какъ живая по желтымъ дорожкамъ. Франкъ и Люда сидѣли на окнѣ и говорили объ Андрюшѣ.

— Прощай, Люда, ты не будешь скучать по мнѣ? — спрашивала Надя.

— Нѣтъ, я буду ждать тебя, вѣдь ты будешь пріѣзжать ко мнѣ, часто, часто? — Да?

— Конечно, Люда, каждую недѣлю, каждое воскресенье, непременно! Я и Андрюша будемъ приходить къ тебѣ. Люда, Люда, смотри это Eugènie!—Надя показала на бѣлую кошку, вышедшую изъ кустовъ и кравшуюся по дорожкѣ. Надя вдругъ обняла Люду за шею и заплакала — Люда, Люда, знаешь, мнѣ стало жалко нашего стараго, милаго сада, жалко этого дортуара, классовъ, тебя, Eugènie, всѣхъ, всѣхъ жалко. Что тамъ дальше будетъ, какая это такая жизнь? Кто ее знаетъ!

— Я выйду замужъ этою зимою,—ораторствовала Бульдожка въ своемъ кружкѣ.

— Развѣ у тебя есть женихъ? — спрашивала ее Евграфова.

— Нѣтъ, но это все равно, у папы много чиновниковъ, есть даже столоначальникъ неженатый, папа сказалъ, что не отдастъ меня за какую нибудь дрянъ, потому что у меня хорошее приданое.

— А если тебѣ не понравится женихъ?

— Какъ не понравится? Вѣдь папа плохого не выберетъ! Да и мама наведетъ справку, она уже говорила со мною объ этомъ.

— У меня будетъ красный бархатный залъ и голубой шелковый будуаръ. Каждый день въ 4 часа я буду гулять на Невскомъ и Морской подъ руку съ мужемъ. Дѣтей у насъ будетъ двое: мальчикъ и дѣвочка. Мама говоритъ, больше не надо. Потомъ у меня будетъ большой, хорошій мопсъ, лакей его будетъ водить за мною въ красной бархатной попонкѣ...

— Смотри, какъ бы онъ не ошибся, „Бульдожка“, и не надѣлъ на тебя попонку.

Кругомъ раздался хохотъ.

— Это очень глупо, Евграфова, лакеи никогда не бываютъ такіе дерзкіе!

— Салопова, а ты куда?

— Я? Салопова встала и подошла къ той группѣ, откуда слышался вопросъ. Ея сутуловатая спина, длинное, вытянутое лицо съ свѣтлыми подмигивающими глазами, желтые зубы — все потеряло въ эту ночь свой непривлекательный, жалкій видъ. Точно свѣтъ какой разлился по чертамъ ея некрасиваго лица, что-то необыкновенно мягкое и женственное было во всей ея фигурѣ. Я прямо въ монастырь, въ Новгородскую губернію, тамъ у меня тетя настоятельница въ одномъ монастырѣ, она за мною и пріѣдетъ. Ахъ, медапочки! Я какъ подумаю, что тамъ звонитъ церковный колоколъ! Рано въ 4 часа уже звонитъ къ заутренѣ. Какъ только глаза откроешь, уже кругомъ всѣ крестятся, молитву творятъ. А

службы долгія, поють тамъ хорошо. Я вѣдь убогонькая: ни шить, на работать не могу, вотъ я и буду цѣлый день молиться.

— Шемякина, ты куда идешь на мѣсто?

— Ой, душка, далеко, куда-то въ О. губернію.

— Да неужели ты одна поѣдешь?

— Что ты, страсть какая, вѣдь это, говорятъ, по желѣзной дорогѣ, развѣ я сяду одна, я даже не могу себѣ представить, какъ это она ходитъ. Нѣтъ, за мною эта помѣщица какую-то ключницу прислала.

— А ты, Синицына?

— А я, шерочка, здѣсь гдѣ-то, у какой-то генеральши на Большой Конюшенной буду жить, меня къ ней Нотъ отвезетъ завтра!

— Тебѣ не страшно?

— Чего?

— Да какъ же ты тамъ учить будешь?

— А очень просто, мнѣ Минаевъ программу далъ, и всѣ книги выписалъ. Я такъ по книгамъ и начну. Какъ у насъ, распишупочасамъ уроки, буду задавать, а онѣ пусть учать.

— Тсъ! тсъ! Молчите — разнеслось по дортуару.

Русалочка влѣзла на табуретъ, а съ него на ночной шкафъ. Поднявъ голову вверхъ, опустивъ руки, вся бѣленькая, тоненькая, она стояла и пѣла:

„Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнуть отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню люблю я Кавказъ!“

Она замолкла, всплеснула руками и только тихо повторяла „Кавказъ, Кавказъ!“

Мало по малу утомленіе взяло свое, — всѣ прилегли по кроватямъ, дортуаръ погрузился въ полную тишину. Окно давно было заперто, но бѣлая ночь глядѣла сквозь стекла и мягкимъ свѣтомъ ложилась на бѣлокурыя и темныя головки, ласкала своимъ блѣднымъ лучемъ и, казалось, шептала имъ:— спите, дѣти, спите, бѣдныя дѣти, своимъ послѣднимъ беззаботнымъ сномъ.

На другое утро, съ девяти часовъ, дортуаръ наполнился маменьками, родственницами, портнихами, горничными. Все это суетилось и толкалось. Дѣвочки преобразились: въ высокихъ прическахъ, въ бѣлыхъ пышныхъ платьяхъ, съ голубыми кушаками, онѣ казались выше, стройнѣе.

Въ 10 часовъ началась обѣдня, выпускные стояли впереди всѣхъ, а за ними родные и родственники, пріѣхавшіе за дѣвочками. Послѣ молебна отецъ Адрианъ вышелъ изъ алтаря, сталъ передъ аналоемъ и обратился къ дѣвочкамъ:

— Бѣлый цвѣтъ, началъ онъ, — есть символъ невинности. Институтъ выпускаетъ васъ изъ стѣнъ своихъ невинными душою и тѣломъ. Да почиетъ на васъ благословеніе Божіе и да не сотретъ съ васъ жизнь печати невинности, наложенной на васъ институтомъ...

Дѣвочки плакали... Рѣчь кончилась, стали выходить изъ церкви. Когда Надя Франкъ проходила уже церковныя двери и здоровалась съ Андрюшей, то услышала сзади себя:

— А вы-таки плакали? — Она радостно обернулась: рядомъ съ нею стоялъ Евгеній Михайловичъ, сдержавшій свое слово и пріѣхавшій къ ея выпуску.

— А цвѣты засушили? — весело спросила она его. Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ просунулъ пальцы за бортъ сюртука и между двумя пуговицами осторожно потянулъ синюю ленточку. — Цвѣты здѣсь, сказалъ онъ. Надя покраснѣла, засмѣялась и пошла за подругами.

Снова весь институтъ собрался въ актовомъ залѣ. Матап сказала небольшую рѣчь, ту же, которую говорила каждый годъ. Затѣмъ всѣ дѣвочки, поочереды подходили благодарить ее и цѣловали руку. Потомъ сказалъ свою рѣчь Минаевъ, затѣмъ всѣ классы, кромѣ второго, нынѣ перваго, ушли, и дѣвочки снова разбились группами. Теперь шло сердечное прощаніе съ классными дамами, съ любимыми учителями, просьбы о фотографическихъ карточкахъ. Прощаясь съ остающимися подругами, записывали адреса. Давали клятвы писать, не забывать.

Наконецъ, шляпы надѣты. Послѣднія объятія и поцѣлуи кончены. Дѣвочки двинулись въ сопровожденіи родственни-

ковъ въ швейцарскую; надѣты пальто, накидки. Карета за каретой подъѣзжаетъ къ крыльцу, и дѣвочки разѣзжаются по домамъ.

— Прощайте, Шкотъ, прощайте, моя королева, — шепчетъ Франкъ своей подругѣ, и въ первый разъ обнимаются дѣвушки и горячо цѣлуютъ другъ друга.

— Прощай, Люда, не плачь, не плачь!—обращается Надя къ пепиньеркѣ.

— Не плачьте, Люда, — слышитъ дѣвушка съ другой стороны, и слезы ея высыхаютъ, глаза сіяютъ, и она весело говоритъ: „Я не плачу, M-eur André!“

— Прощайте, Надежда Александровна, желаю вамъ счастья—говоритъ Евгеній Михайловичъ, подсаживая въ карету Надю Франкъ.

— Счастливо оставаться!—говоритъ Яковъ, захлопывая дверцы послѣдней кареты и кладя въ карманъ послѣднюю полученную трехрублевку.

Двери швейцарской захлопываются, и тридцать благовоспитанныхъ дѣвицъ навсегда покидаютъ свой родной институтъ.

